

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ КУНСТКАМЕРЫ

ВЫПУСК 2

ЭПОХА БРОНЗЫ — ПОЗДНЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Санкт-Петербург
«Наука»
2009

УДК 902.2
ББК 63.4
С25

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

к.и.н. *В.А. Кисель*, к.и.н. *В.Я. Шумкин*

Ответственный редактор *Г.А. Хлопачев*

Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 2. Эпоха
С25 бронзы—позднее средневековье / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Изд-
во «Наука», 2009. 198 с., вклейка.

ISBN 978-5-02-025576-0

Сборник продолжает серию публикаций археологических материалов, представленных в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Выпуск посвящен вводу в научный оборот малоизвестных памятников материальной культуры эпохи бронзы—позднего средневековья Северной Евразии — скандинавских бронзовых изделий, уникальных материалов могильника Кюлялахти в Северо-Западном Приладожье, наскальных изображений юга Сибири и Дальнего Востока.

Издание рассчитано на археологов, этнографов, искусствоведов, а также всех интересующихся древней историей.

УДК 902.2
ББК 63.4

На обложке: кольцевидная фибула. Серебро, позолота. Конец XIV в. Могильник Кюлялахти Калмистояки. Погребение 8.

ISBN 978-5-02-025576-0

© МАЭ РАН, 2009
© Редакционно-издательское
оформление. Издательство
«Наука», 2009

*Памяти Алексея Павловича Окладникова
посвящается*

А. П. Окладников
(1908–1981)

Третьего октября 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения крупного отечественного археолога академика Алексея Павловича Окладникова. Алексей Павлович Окладников родился в селе Константиновщина (Бирюльки) Иркутской области 20 сентября (3 октября) 1908 г.

...Сибирь неохотно раскрывала тайны своей древней истории. Время шло, и на смену ученым из далекой столицы Российской империи, из Императорской академии наук пришли местные исследователи. Это были потомки первых русских поселенцев, основывавших свои села на привольных берегах великих сибирских рек Ангары, Селенги, Лены. Они любили эти края, возделывали пахотные земли, строили добротные дома, в центре деревень рубили церкви, налаживали контакты с коренными жителями, и, конечно же, интересовались историей этих мест. Такими сибирскими историками-краеоведами были А.П. Шапов, И.Т. Житов, П.П. Хороших и др. Главной их заслугой стало то, что они были страстно заинтересованы поиском остатков древних поселений коренных жителей этих мест. Они неутомимо осуществляли археологические раскопки, собирали сведения о священных местах аборигенного населения, наскальных рисунках и т.п. При этом они щедро делились своими находками с общественностью. Они создавали исторические кружки в сельских школах, возбуждали интерес молодого поколения тягой к изучению древней истории края. Другой их заслугой стало то, что они передавали «эстафету» любви к родной истории, к родному краю молодым сибирякам. А любви, как известно, без интереса к объекту обожания, желания защитить его, усовершенствовать отношения с ним и, как следствие всего этого, без восторга не бывает.

Именно такой восторг удалось испытать юному ученику деревенской школы в селе Константиновщина на берегу реки Лены Алеше Окладникову, когда в начале 1920-х годов к ним в археологический кружок приехал местный краевед П.П. Хороших. Позднее, уже будучи академиком, А.П. Окладников рассказывал об этом эпизоде своей биографии так: «Он привез фильмоскоп и показывал нам интересные слайды. Потом вытащил из сумки черепки горшков и каменные орудия: “Этим орудиям пять тысяч лет. Я нашел их возле вашего кладбища. Здесь жили первобытные люди”. Вот что меня сразило. Как только я вышел из школы, помчался на погост. Именно здесь мне удалось обнаружить несколько стоянок каменного века. Ну и дела! В моей деревне и каменный век! Как тут не стать археологом?».

...Труды академика А.П. Окладникова давно получили признание в мировой науке. А.П. Окладников был исследователем исключительно широкого диапазона и грандиозного научного темперамента, заставлявшими его вторгаться во все более неизведанные глубины не только сибирской истории, тех ее периодов, когда шло становление Номо Eurasicus, но и целого ряда смежных наук.

Советский археолог, историк, этнограф, академик АН СССР с 1968 г., (член-корреспондент с 1964 г.). В 1938–1961 гг. он работал в Ленинградском отделении АН СССР, с 1966 г. стал директором Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск). С 1962 г. заведовал кафедрой истории Новосибирского государственного университета. Дважды лауреат Государственной премии СССР (1950 г. и 1973 г.). Его основные работы были посвящены исследованиям истории первобытной культуры, палеолитического и неолитического искусства, истории Сибири и Дальнего Востока. Вклад А.П. Окладникова в историю, археологию, искусствознание и этнографию велик. Маршруты его экспедиционных работ охватывают берега и острова Ледовитого океана, Туркмению, Узбекистан Приморье, Чукотку, Прибайкалье, Приамурье, Забайкалье, Бурятию, Якутию, Монголию, Алеутские острова, Таджикистан, Киргизию, Кубу, Корею... Каждое плавание по великим сибирским рекам Ангаре или Колыме, Амуру или Лене, Зее или Шилке заслуживает отдельного описания в силу значения открытых в ходе этих экспедиций археологических памятников.

А.П. Окладников создал в Новосибирске одну из ведущих современных школ российской археологии. Ныне ученые, принадлежавшие школе сибирской археологии, созданной А.П. Окладниковым, стали выдающимися исследователями древней истории Сибири, учеными с мировыми именами. Один из первых талантливых учеников Алексея Павловича, ныне маститый ученый, автор десятков монографических трудов по истории и археологии древней Сибири В.Е. Ларичев так писал об учителе¹: «Что ведет талантливых людей по жизни? Есть ли у этих людей путеводная звезда? Или некое предначертание, дарованное свыше? Сам Алексей Павлович любил рассказывать о сказочном солнечном Олене Золотые рога, о котором ему в раннем детстве поведала деревенская сказительница — его родная бабушка. Не это ли олицетворение мечты вело его по жизни, открывая один за другим завораживающие горизонты далекой истории? <...> Когда шаг за шагом прослеживаешь, как складывалась жизнь человека характерного, то трудно отделаться от впечатления какой-то роковой предначертанности и места появления его на свет, и череды событий. Ключевые моменты биографии выстраиваются в логически строгий сюжет, будто выписанный невидимой рукой мудрого мастера-поводыря <...> А.П. Окладников родился в сибирской

¹ Далее приведен текст статьи В.Е. Ларичева: Ларичев В.Е. Объять необъятное // За науку в Сибири. 1998. №6. С. 2.

провинции, в верховьях таежной Лены, а детство его прошло в селе с не обещающим ничего хорошего названием — Бирюльки. А вот поди ж ты — там, в те давние, дореволюционные времена подстерегал крестьянина-сибиряка не как теперь пьяный шинок, опора госбюджета, а книжный магазин сибирских издателей Макушина и Посохина. Это на его полках босоногий мальчишка, будущий “первый археолог Сибири”, отыскал книжку с захватывающим рассказом о раскопках склепа с захоронением языческой жрицы. В старом шкафу начальной Бирюльской школы он затем обнаружил то, что теперь не всегда сыщешь в библиотеке городской гимназии — “Одиссею” и “Илиаду”. Певучие строки гекзаметра Гомера потрясли детское воображение красотой повествования о событиях величавых. Зимней ночью, лежа на полу перед раскаленной печью, он читал при свете лучины страницу за страницей, погружаясь в чарующе волшебный мир эпических легенд и мифов. А когда под утро засыпал в изнеможении, то ему снились ахейцы в блестящих меднокованных латах и своенравные боги, которые покровительствовали героям или губили их. Прочитанное побуждало присмотреться к скромной родине. Так ли уж неказисто село Бирюльское? Ведь это отсюда, по рассказам отца, начинался для рьяно предприимчивых россиян многотрудный путь в непролазную якутскую тайгу и в неприступные горы. Это тут умельцы селяне ловко ладили из тяжелых лесин карбаса и “павозки” для сплава неохватных бревен и всяческих товаров на дальний Север. Они были вольнолюбивы, эти кряжистые мужики, и когда в 1696 г. начал “зело шалить” приказной Павел Халецкий, то бирюльцы подняли яростный бунт против беспредела распоясавшихся властей».

Об этом же говорят и молодые ученые, например, историк И. Васильевский писал: «В 1926 г. студент Иркутского педагогического техникума Алексей Окладников опубликовал свою первую научную работу по неолиту в верховьях реки Лены. В последующие пятнадцать лет он продолжил работу в многочисленных археологических экспедициях на реках Амуре, Ангаре, Лене, Селенге и в Забайкалье. Многие месяцы, проведенные в глухой тайге, помогли собрать материал, археологические находки для предварительной реконструкции становления человечества на огромных просторах Восточной Сибири и Якутии. Следствием этой деятельности стал поиск ответа на вопрос: откуда пришли в древности эти люди и куда они стремились, многие тысячелетия мигрируя по этой части Северной Азии. Поэтому Алексей Окладников, уже старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Академии наук, отправляется искать археологические памятники на сопредельных территориях: на северо-восток, в Магаданскую область, в Среднюю Азию и Монголию. Так происходило становление археологии Сибири, а Алексей Павлович вырабатывал общую для исследователей концепцию миграции, транзита через Сибирь людей на территории Евразии в древнос-

ти. В продолжение этого направления работы, в 1956–1957 гг. доктор исторических наук Окладников выезжает для работы с коллегами в Египет и Японию. Благодаря его деятельности отечественные археологи заняли важное место среди зарубежных ученых. За результатами работ наших специалистов стали следить и американисты, и исследователи Древнего Востока — проблема первоначального заселения Азии и Америки важна, интересна и сегодня.

Другим направлением работы талантливого ученого была систематизация исторической информации по всем регионам Сибири. То, что сибиряки сегодня назвали бы историей родного края с древнейших времен до наших дней, собиралось исследователями более 40 лет фактически под руководством Окладникова. Как известно, 18 мая 1957 г. правительством СССР было принято решение о создании крупного научного центра в Сибири — Академгородка. Академик Михаил Лаврентьев — организатор работы по реализации этого решения — пригласил Окладникова возглавить гуманитарное направление научной деятельности. В 1966 г. был создан Институт истории, филологии и философии, который фактически объединил научную работу в этой сфере и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Работа над монографиями об историческом прошлом Якутии, Восточной Сибири и Приморья с разработкой культурно-хронологических схем развития привела Алексея Окладникова-исследователя к большой организаторской деятельности по публикации пятитомной “Истории Сибири”, которую создавали 159 авторов.

Значительный вклад академик Окладников внес и в развитие международных связей не только археологов, но и отечественной гуманитарной науки в целом. Политическая обстановка в 1960–1970-х гг. значительно снижала возможности свободного общения ученых из разных стран. И тогда при его непосредственном участии был сделан прорыв в этом важном для любого исследователя направлении развития. Возглавляемая с нашей стороны А.П. Окладниковым первая совместная советско-американская археологическая экспедиция на Алеутских островах (США, 1974 г.) стала своего рода историческим прологом к реализации первого советско-американского космического проекта “Союз-Аполлон” в 1975 г.

Почти все время Алексей Павлович проводил в экспедициях, на встречах с учеными в Москве или за границей, но находил время и для подготовки нового поколения специалистов. Профессорскую работу он вел на историческом и восточном факультетах Ленинградского госуниверситета и кафедре всеобщей истории НГУ. Подготовленные им около 30 докторов и кандидатов наук сейчас фактически определяют стратегию развития гуманитарных наук в Сибири...»².

Е.А. Окладникова

² Васильевский И. Связавший эпохи // Вечерний Новосибирск. 22.11. 2006.

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ СЕВЕРНЫХ СКЛОНОВ ЮЖНО-ЧУЙСКОГО ХРЕБТА (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

В отделе археологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) хранятся эстампажи алтайских петроглифов, переданные туда в 1999 г. ведущим научным сотрудником МАЭ РАН Е.А. Окладниковой. Представленные в настоящей статье материалы являются частью коллекции, собранной Е.А. Окладниковой в ходе исследования петроглифов Горного Алтая в начале 1980-х годов. Несмотря на то что за прошедшие годы были разработаны новые стандарты документирования памятников наскального искусства, данная публикация представляется обоснованной по ряду причин. С одной стороны, даже не претендуя на абсолютную точность копий, публикация вводит в научный оборот неизвестные ранее памятники, давая толчок к их дальнейшему изучению. С другой стороны, среди представленных гравировок имеются интересные рисунки, очень ярко отражающие особенности материальной и духовной культуры алтайских племен этнографического времени. Кроме того, копии могут быть полезны для оценки изменения состояния сохранности памятников за прошедшие годы. Последний вопрос наряду с документированием становится одним из важных аспектов изучения петроглифов, постоянно подверженных разрушению в результате как естественных, так и антропогенных факторов, ведущих к утрате ценнейшего материала.

Краткая история исследования. В конце 1960-х годов руководством Института истории философии и филологии СО АН СССР (ИИФФ СО АН СССР, г. Новосибирск) было принято решение начать целенаправленное изучение памятников наскального искусства Горного Алтая. Эти исследования стали частью грандиозного проекта по изучению петроглифов Сибири и Дальнего Востока, который возглавил директора института А.П. Окладников. Более десяти лет (1969–1982) активное участие в этих работах принимала Е.А. Окладникова. В течение первых пяти лет Е.А. Окладниковой были осуществлены разведочные работы по исследованию памятников наскального искусства долины р. Катунь [Окладникова 1984], междуречий рек Елангаш — Караюк, Елангаш — Ирбисту, Елангаш — Аккол. В процессе разведки вдоль Чуйского тракта Е.А. Окладникова исследовала получивший широкую известность памятник Калбак-Таш [Окладникова 1981; 1987].

Разведочные работы, осуществленные одним из подразделений комплексного петроглифо-археологического отряда ИИФФ СО АН СССР, который возглавляла Е.А. Окладникова, позволили составить представ-

ление о характере местонахождений петроглифов, выявить целостную картину расположения этих памятников, а главное — выявить наиболее ценные в научном и художественном отношении скопления памятников наскального искусства тогда еще слабо изученного в петроглифическом отношении района Южной Сибири. В качестве района исследования была определена долина р. Елангаш. Впервые на ценность памятников наскального искусства этой долины указала этнограф Е.М. Тошачева, которая в последние годы жизни активно сотрудничала с ИИФФ СО АН СССР.

В результате исследования памятников долины р. Елангаш, охватившего период с 1969 по 1985 г., было скопировано в различной технике около 30 тысяч рисунков. Только часть собранного материала была опубликована в пяти монографиях [Окладников и др. 1979; 1980; 1981; 1982; Окладников, Окладникова 1985], около половины копий до сих пор не опубликованы. В 1981–1982 гг. Е.А. Окладникова осуществила разведочные работы и фиксацию наскальных рисунков в районе поселков Чаган-Баргузы и Кызыл-маны, где ею были обследованы местонахождения на горе Жалгыс-Тепе, а также памятники по рекам Чаган-Узун и Караюк [Окладникова 1985; 1988]. Часть этих материалов хранилась до 1999 г. в личном архиве Е.А. Окладниковой.

Характеристика архивных материалов. Основную часть коллекции (около 6500 композиций) составляют прорисовки на кальку петроглифов долины р. Елангаш, выполненные в 1981 и 1982 гг. (шифр Д-81, Е-81, Е-82). Они являются частью неопубликованного материала упомянутого в одной из работ Е.А. Окладниковой [1986: 74] и своде Кубарева и Маточкина [1992: 16]. Меньшая по объему коллекция копий на кальке (около 700 композиций) выполнена в 1981 и 1982 гг. с петроглифов горы Жалгыс-Тепе, избранные композиции которой были опубликованы [Окладникова 1986а]. Вместе с прорисовками петроглифов Жалгыс-Тепе 1981 г. представлено небольшое количество копий петроглифов местонахождения Чаган-Бургазы. Три рулона представляют прорисовки на кальку единичных петроглифов местонахождений Кыс-Кунур, Ирбис-Туу, «Крокодиловы ноздри».

Еще одна часть коллекции представлена микалентными копиями, которые получены в ходе работ Горно-Алтайского комплексного петроглифо-археологического отряда ИИФФ СО АН СССР, проводившихся летом 1980 г. под руководством Е.А. Окладниковой по долине р. Чуя [Окладникова 1981]. Основную массу материала представляют эстампажи петроглифов местонахождения Калбак-Таш, отмеченные шифром «Иодро-80». Частично они были опубликованы Е.А. Окладниковой [1987], позднее памятник был изучен и монографически опубликован В.Д. Кубаревым и Э. Якобсон [Kubarev, Jacobson 1996]. Небольшая часть микалентных копий получена в результате работ 1980 г. в долине р. Катунь, местонахождения Ак-кель, Алкы-Таш, Белый Бом, Боочи, Черекташ.

Одной из наиболее интересных частей коллекции являются карандашные прорисовки гравированных изображений тюркской эпохи и этнографического времени, отмеченные шифрами: АК-83 (местонахождение петроглифов междуречья рр. Аккол и Караюк, окрестности зимника № 2); АН-83 (междуречье рр. Аккол и Караюк, окрестности зимника № 1); Е-83 (верховья р. Елангаш, водопад), всего около 150 композиций. Монографическая публикация памятников не была осуществлена.

Рис. 1. Карта района расположения местонахождений петроглифов в междуречьях рек Елангаш, Аккол, Караюк. 1 — АН-83 (междуречье рек Аккол и Караюк, окрестности зимника № 1); 2 — АН-83 (местонахождение петроглифов междуречья рек Аккол и Караюк, окрестности зимника № 2); 3 — Е-83 (верховья р. Елангаш, водопад)

ной эрозией. В геологическом понимании это останцовые участки пенеплена с высотами более 2000 м, видоизмененные деятельностью древних ледников, изобилующие моренными грядами и озерными котловинами.

Граффити верховьев р. Елангаш (водопад) находятся к югу от местонахождений долин рр. Аккола и Караююка, ближе к зоне альпийского рельефа, который поднимется над поверхностью древнего пенеплена у подножия пиков Южно-Чуйского хребта (г. Джаниикту). Граффити были обнаружены еще в 1970 г., публикуемые в этом издании эстампажи были выполнены спустя почти 10 лет, т.е. в 1983 г.

Описание рисунков¹

Верховья р. Елангаш, водопад (шифр Е-83 (водопад))

Рис. 6/н — гравированные изображения трех человеческих фигур, две обращены влево, одна — вправо. По деталям костюма и украшениям две фигуры определено женские, третья менее детализирована, у нее отличается головной убор, не показаны украшения, хотя длинная ниспадающая одежда сходна с одеждой двух других (табл. 2,2).

Рис. 4 — многофигурная композиция. В нижнем левом углу показан человек, стреляющий из ружья на сошках, перед ним фигуры быка и лошади. В правом верхнем углу изображен пеший лучник, стреляющий во всадника, который показан пораженным стрелой и падающим с лошади. Ниже, судя по длинному хвосту, фигура лошади (табл. 1).

Рис. 5 — очень схематичное изображение пешего лучника, обращенного влево (табл. 2,1).

Рис. 6 — многофигурная композиция. Справа налево движется табун лошадей, у двух показаны поводья. В левом верхнем углу изображен пеший лучник, обращенный к табуноу. У него показан округлый головной убор, переданы черты лица: глаз, нос и рот, в руках у него натянутый лук со стрелой. Среди лошадей показаны два лучника, выполненные более небрежно, как бы защищающие табун (табл. 3).

Рис. 7 — многофигурная композиция. В левом верхнем углу изображена крупная человеческая фигура с круглой головой, в маленькой шапочке и широком халате. В левой руке персонаж держит, по всей видимости, ружье на сошках. Нижняя часть фигуры перекрыта изображением лошади или перекрывает его. Под ними еще пять человеческих фигур, три в халатах и округлых шапочках образуют некую композицию, еще две обращены к ним спиной. Верхняя фигура пешего лучника, охотящегося на животное не совсем ясной видовой принадлежности, у ниж-

¹ Описание рисунков дано в соответствии с их полевыми номерами, что позволяет составить представление о лакунах, имеющихся в коллекции. В публикуемый свод не вошли отдельные копии, не имеющие привязки к определенному местонахождению, либо те, состояние сохранности которых делает невозможным их воспроизведение.

ней в руках ружье на сошках. Правее описанных изображений, в центре — фигура неясного животного (возможно, лошади, идущей влево, как и перекрывающая человеческую фигуру). За ней схематичное изображение всадника, едущего вправо. В правом нижнем углу относительно крупное изображение быка (табл. 4).

Рис. 8 — три человеческие фигуры, два лучника в широкополых халатах и небольших округлых шапочках, у каждого схематично показаны стрелы в колчане, сам колчан при этом не изображен. Третья фигура сильно отличается от двух предыдущих. Изображен человек в халате, с сильно увеличенной головой, круглым глазом, большим носом и бородой (табл. 2,3).

Междуречье рек Аккол и Караюк, окрестности зимника № 1 (шифр АХН-83)

Рис. 7 — крупное (длина 26 см) изображение оленя в «летащем галопе» (табл. 5,1).

Рис. 8 — изображение собаки или волка, сходное по манере исполнения и размерам (длина чуть менее 20 см) с предыдущим рисунком, возможно, выполнено одним мастером (табл. 5,2).

Рис. 10 — крупное изображение лошади под седлом, максимальные размеры около 24 × 18 см (табл. 5,3).

Рис. 11 — в нижней части — всадник, преследующий козла. Интересно, что у всадника не показано оружие. Рядом с фигурой козла изображено что-то наподобие треугольного флажка на древке. Возможно, рисунки неодновременны. В верхней части три неясные птицеобразные фигуры (табл. 6).

Рис. 13 — вытянутая по вертикали композиция. Сверху вниз — олень, неясные начертания, две лошади, обращенные вправо, несколько ниже фигура козла, обращенного влево (табл. 7).

Рис. 16 — очень выразительное изображение трех всадников, помимо художественных достоинств рисунок живо передает этнографические реалии: типы головных уборов, детали конской упряжи, седла с высокой передней и задней лукой (табл. 8).

Рис. 17 — изображение трех животных не совсем ясной видовой принадлежности, скорее всего, судя по коротким хвостикам и неветвистым рогам, козлов (табл. 9,1).

Рис. 18 — миниатюрное изображение козла (табл. 9,2).

Рис. 19 — значительно более крупное и детализированное изображение козла (табл. 9,4).

Рис. 20 — миниатюрное изображение животного, напоминающего косулю (табл. 9,3).

Рис. 21 — изображение колесницы в плановой проекции (развертке). Подобный принцип передачи объекта характерен для петроглифов горно-степной зоны Евразии эпохи бронзы, но данный рисунок выполнен, вероятно, в этнографическое время под влиянием древних изображений,

виденных на скалах. В пользу такого предположения может говорить за-
полнение колес параллельными линиями. Очень сомнительно, что так
передано составное дисковое колесо. Скорее всего условно показаны
спицы, деталь, которой не было придано большого значения (табл. 10,1).

Рис. 22 — одиночное изображение всадника. На лошади показано сед-
ло, у всадника в руках М-образный лук со стрелой с крупным наконеч-
ником, в непоказанном колчане 5 стрел (табл. 11,2).

Рис. 23 — изображение двух животных неясной видовой принадлеж-
ности (табл. 10,2).

Рис. 24 — композиция из полных и неоконченных фигур животных,
вид которых устанавливается предположительно. В правой части, веро-
ятно, изображены две лошади, причем у верхней показан пищевод или
дыхательная система. Круп верхней лошади перекрыт (или перекрыва-
ет) профильным изображением шамана (?) с бубном в руке. Слева в цен-
тре — фигура собаки или волка, над ней, судя по длинному подшейному
волосу, фигура яка (табл. 11,1).

Рис. 25 — вытянутый по вертикали многофигурный палимпсест, чет-
ко прочитываются изображения трех оленей и козла с закрученным в
спираль рогом (табл. 12).

Рис. 26 — в данной композиции опознаются две разные по стилю и
размерам фигуры оленей. Верхняя фигура намного крупнее нижней и,
возможно, выполнена в технике выбивки, по стилю она напоминает
изображения скифского времени. Остальные начертания с трудом под-
даются интерпретации (табл. 13,1).

Рис. 27 — сверху сцена охоты всадника на двух козлов. Всадник воо-
ружен М-образным луком, у него показан островерхий головной убор и,
вероятно, длиннополая одежда. У лошади проработаны ремни оголовья,
повод и схематично седло. В нижней части композиции непонятные
животные и фигуры (табл. 13,2).

Рис. 28 — изображение лошади под седлом, очень интересной дета-
лью является тамга на ее крупе (табл. 14,2).

Рис. 29 — изображение двух лошадей под седлом, перекрытых или пе-
рекрывающих более крупную фрагментированную фигуру (табл. 14,1).

Рис. 30 — фигура пешего лучника (табл. 15,2).

Рис. 31 — в центральной части одна из самых динамичных компози-
ций. Сцена охоты пешего лучника на оленей. Животные показаны в стре-
мительном беге, их фигуры по-разному ориентированы на плоскости и
частично перекрывают одна другую, но по стилю и мастерству исполне-
ния можно утверждать, что выполнены они одной рукой по единому
плану. Центрального оленя преследуют три собаки, фигура четвертой
перекрывает его передние ноги. Фигура охотника с натянутым М-об-
разным луком также показана в движении и близка по стилю изображе-
нию 30. Ниже описанной композиции расположены еще две фигуры

животных, одно из которых определенно олень, выполненных в ином стиле (табл. 15,1).

Рис. 32 — сцена охоты двух лучников на оленя. Трактовка персонажей и их расположение относительно друг друга практически идентичны рисунку 39, только под ногами оленя расположено еще одно неясное изображение (табл. 16,2).

Рис. 33 — крупная разновременная композиция, ряд фигур расположен в разных плоскостях относительно друг друга. В центре выделяется крупное изображение колесницы в плановой проекции, у нее показаны колеса с большим количеством спиц, в одном случае проработана ступица, и подпрямоугольный кузов, заполненный параллельными линиями. Лошади показаны спинами к дышлу. Левее — неоконченное изображение еще одной колесницы сходной конструкции. Правее — фигуры животных, опознаются быки, олень, козел. Вверху — перевернутая антропоморфная фигура с М-образным луком и большим запасом стрел. В правом верхнем углу — изображения двух всадников явно этнографического времени. На этой же плоскости есть еще два неоконченных изображения колесницы и четырехколесной повозки (табл. 17).

Рис. 36 — в центре непонятные зооморфные изображения, над ними — криволинейная геометрическая фигура, внизу — неясная гравировка, включающая зооморфную фигуру (табл. 18).

Рис. 37 — изображения двух животных, верхнее из которых определенно олень, нижнее выполнено в несколько ином стиле и труднее поддается видовой идентификации (табл. 19,1).

Рис. 38 — одиночная фигура непонятного животного (табл. 19,2).

Рис. 39 — сцена охоты двух пеших лучников на козла, люди переданы схематично, но, как и на многих описанных выше композициях, показаны стрелы с большими наконечниками и оперением и стрелы в предполагаемом колчане (табл. 16,1).

Рис. 40 — композиция, включающая изображение колесницы, запряженной одним животным, фигуры оленя и всадника. Колесница показана в «плановой проекции» с маленьким круглым кузовом и значительно большими по диаметру колесами, вся поверхность которых заштрихована перпендикулярными линиями (табл. 20).

Рис. 41 — очень реалистичное изображение юрты, хотя печная труба с курящимся дымком показана смещенной относительно дымового отверстия. В нижнем левом углу криволинейные геометрические фигуры, напоминающие узор на двери юрты (табл. 21,2).

Рис. 42 — крупное изображение «трубящего» оленя (длина 26 см), над ним неясное животное (табл. 22,1).

Рис. 43 — небольшое по размеру изображение животного, перед мордой которого непонятная гравировка (табл. 22,2).

Рис. 44 — очень крупное изображение оленя (длина чуть более 43 см) (табл. 22,3).

Рис. 45 — довольно крупная фигура (высота 14 см) лучника в «треуголке», в несуществующем колчане 12 стрел (табл. 21,1).

Рис. 46 — композиция из шести фигур лучников, двух оленей и, вероятно, собаки. В правой части передана сцена охоты четырех лучников на оленей, один из оленей по абрису туловища, положению ног, треугольному выступу в районе лопатки и удлинённой морде напоминает рисунки скифского времени. В левом верхнем углу показано противостояние двух лучников, причем если один из них трактован, так же как и остальные фигуры, достаточно схематично, то вторая фигура крупнее по размеру, у человека проработана крупная округлая голова, черты лица и уши, лук, который он держит, выше человеческого роста (табл. 23).

Рис. 48 — изображения животных, перекрывающие друг друга, иногда в разных плоскостях, четко опознается только фигура козла (табл. 24).

Рис. 49 — вытянутое вертикальное панно с изображениями различных животных, все, за исключением одного, обращены вправо. Среди животных с достаточной долей уверенности опознаются лошади с длинными пушистыми хвостами и бык (самая нижняя фигура композиции) (табл. 25).

Рис. 50 — одиночное животное непонятного вида (табл. 26,1).

Рис. 51 — в правой части композиции изображен табун верблюдов — четыре животных вместе и одно впереди на некотором отдалении. В левой части — неясные начертания, возможно, фрагменты антропоморфных фигур (табл. 27).

Рис. 52 — еще одна композиция, изображающая табун верблюдов и стоящего оленя (табл. 28).

Рис. 53 — одиночное изображение козла (табл. 26,2).

Рис. 54 — композиция, изображающая табун лошадей, насколько можно судить по длинным хвостам животных. Одна из лошадей показана оседланной, с седла свисают украшения в виде кистей (табл. 29).

Междуречье рек Аккол и Караюк, окрестности зимника № 2 (шифр АК-83)

Рис. 12 — сложная батальная композиция, некоторые фигуры показаны крупнее остальных, в центре изображен всадник. Люди вооружены в основном луками, в некоторых случаях либо изображены копья, либо так схематично передана стрела, а сам лук не показан. У крупной фигуры человека в левом верхнем углу показан островерхий головной убор. Слева от описанной — композиции крупное изображение ружья на сошках (табл. 30).

Рис. 13 — по-разному ориентированные изображения животных. В левой части фигура лошади перекрывает, вероятно, более раннее изображение оленя (табл. 31).

Рис. 14 — поединок пешего и конного лучников. Пеший лучник показан в профиль в длиннополой одежде и островерхом головном уборе с закрывающей шею лопастью. Интересно, что в отличие от большинства подобных изображений он вооружен простым луком. Всадник расположен чуть ниже, у него вообще не показан лук, линия стрелы отходит пря-

мо от туловища. На голове аналогичный головной убор с двумя лопастями, закрывающими уши. По всей видимости, в обоих случаях, как и на рисунке 12, изображена шапка типа малахая. У обоих персонажей не показаны руки. Изображение всадника в районе головы лошади покрыто резными линиями, затрудняющими прочтение отдельных деталей (табл. 33).

Рис. 15 — изображение чума и антропоморфного персонажа в окружении неясных зооморфных фигур (табл. 33,1).

Рис. 16 — крупная композиция из зооморфных персонажей, в центре небольшая фигурка человека в халате и округлой шапочке (табл. 34).

Рис. 19 — поединок двух лучников (табл. 33,2).

Рис. 20 — два варианта композиции с изображением оленей, птиц и двух охотников с ружьями (табл. 35; 36,1).

Рис. 21 — сцена охоты лучника на козла, перекрытая одной из трех фигур оленей (табл. 37,1–2).

Рис. 22 — композиция из миниатюрных, до 5 см, изображений животных неопределенного вида, возможно быки или козлы (табл. 38,1).

Рис. 23 — схематичное изображение козла (табл. 38,2).

Рис. 24 — крупное изображение козла, обращенного головой влево. Все тело животного покрыто вертикальной штриховкой, над его крупом вырезана непонятная геометрическая фигура (табл. 39,1).

Рис. 26 — небольшие изображения двух козлов, вероятно самца и самки, расположенных один над другим (табл. 38,3).

Рис. 27 — композиция из зооморфных фигур, видовую принадлежность которых не всегда можно четко определить. Две крупные фигуры, возможно, изображают козла и птицу, маленькая, налегающая на них, — яка. Слева — крайне схематичное изображение человека, стреляющего из ружья на сошках, ружье намного превосходит по размерам фигуру человека (табл. 40).

Рис. 28 — изображение двух лошадей и козла (табл. 38,4).

Рис. 29 — крупное одиночное изображение оленя, обращенного головой вправо. Тело животного заштриховано перпендикулярными линиями (табл. 39,2).

Рис. 30 — схематичное изображение всадника, лошади под седлом и непонятного животного. Фигура пешего лучника в правой части композиции перекрыта изображением оленя (см. рис. 30 а; табл. 45,1).

Рис. 30 а — очень примитивное изображение оленя, перекрывающее или перекрытое схематичной фигурой лучника (табл. 45,2).

Рис. 31 — фигуры трех козлов, два из которых выполнены в одной манере. На теле одного из них дата «1945 г.» (табл. 36,2).

Рис. 34 — изображение оленя с двумя вертикальными стволами рогов, на корпус нанесены два ромба и ломаные линии (табл. 46,1).

Рис. 40 — в композиции особый интерес представляет изображение птицы с довольно длинными ногами и шеей, возможно, степной птицы типа дрофы (табл. 47).

Рис. 44 — изображение всадника, вероятно с плетью в руке, показано седло с высокими передней и задней лукой (табл. 48,1).

Рис. 45 — изображения, трудно поддающиеся интерпретации (табл. 41).

Рис. 46 — многофигурная композиция, включающая фигуры оленей, козлов, оседланных лошадей и антропоморфных персонажей (табл. 42).

Рис. 47 — крупное изображение быка, тело которого покрыто перпендикулярной штриховкой. Над ним — неясное животное (табл. 43,1).

Рис. 50 — гравировка, которую можно было бы принять за изображение зайца, если бы не длинный хвост (табл. 43,3).

Рис. 51 — неясное животное (табл. 43,2).

Рис. 52 — крупное панно из перекрывающихся друг друга фигур животных. Четко опознаются три верблюда и олень (табл. 44,1).

Рис. 53 — многофигурная композиция, включающая сцены охоты лучников на козлов, фигуру всадника, лошадей и верблюда (табл. 49).

Рис. 55 — изображение женщины, обращает на себя внимание ее луноликость, линии лица, показанного в профиль, и головного убора образуют контур полумесяца, как его изображают на детских рисунках. Кисти рук не показаны (табл. 50,1).

Рис. 59 — изображение женщины в длиннополой одежде, по обе стороны от нее неясные начертания (табл. 51).

Рис. 60 — композиция, вытянутая по диагонали. В левом верхнем углу изображена юрта, вокруг которой показаны четыре фигуры верблюдов, две полные и две неоконченные. Одна из законченных фигур частично перекрывает изображение юрты. Правее юрты показана стоящая человеческая фигура в фас. На ней длиннополая одежда, запахнутая на правую сторону, и маленькая коническая шапочка. Частично проработаны черты лица, показаны глаза и нос. Судя по одежде, изображена женщина. Правее нее показан табун из четырех лошадей, среди которых имеются изображения еще как минимум четырех животных, большинство из которых фрагментарны. Вероятно, первоначальная композиция неоднократно дополнялась. Интересно, что четыре фигуры лошадей очень близки по деталям иконографии: абрис туловища, длинные хвосты и гривы, у двух в одинаковой манере показаны все четыре ноги, у двух других — только две. У одной из лошадей на голове добавлены рога. Еще одно животное в этой части композиции, показанное с двумя задранными вверх хвостами, по общим очертаниям туловища напоминает собаку (табл. 52).

Рис. 61 — жанровая сцена: две женщины, обращенные друг к другу, у конического чума. Ниже — изображение двугорбого верблюда (табл. 48,2).

Рис. 62 — неоконченное изображение женщины в головном уборе того же типа, что и на предыдущем рисунке (табл. 46,2).

Рис. 63 — схематичная композиция: три волка или собаки преследуют оленя (табл. 44,2).

Рис. 64 — рисунок представляет собой либо изображение всадника, либо наложение фигуры лошади на удлинённую схематичную человеческую фигуру (табл. 53,1).

Рис. 65 — изображение двух лошадей, обращённых спинами и перекрывающих друг друга в районе крупа. От передней ноги верхней лошади отходят четыре пересекающиеся окружности. За лошадьми показано ещё одно животное меньшего размера, видовую принадлежность которого установить трудно (табл. 54,1).

Рис. 66 — ещё одна этнографическая композиция. В левой части выделяется изображение конного лучника в окружении трех собак. Перед ними головой вниз, судя по длинному хвосту, изображена лошадь, левее и выше — неясное животное и неоконченные начертания. В самой верхней части показана человеческая, вероятно мужская, фигура в короткой одежде, запахнутой направо, туловище передано в фас, ноги повернуты влево. В правом нижнем углу рядом показаны юрта и конический чум (табл. 54,2).

Рис. 67 — изображение двух животных одного под другим, головами влево. В верхнем уверенно распознается бык. У него показаны направленные вперед рога и длинный хвост с шаровидным утолщением на конце. Нижнее изображение, видимо, не закончено, показана только передняя часть туловища (табл. 55,1).

Рис. 68 а, б — очень небольшие по размеру изображения двух лошадей и яка (табл. 46,3—4).

Рис. 69 — изображение оленя, гравированное двойной линией. У животного показаны ветвистые рога, вытянутые вдоль спины, голова поднята вверх, на ней обозначены рот и круглый глаз. Голова отделена от шеи дуговидной линией, в районе лопаток слегка подчеркнут треугольный выступ. По форме рогов с передними отростками, удлинённой морде и абрису туловища рисунок напоминает изображения скифского времени (табл. 55,2).

Рис. 70 — небольшое одиночное изображение лошади, обращённой влево (табл. 53,2).

Рис. 71 — изображение трех лучников, обращённых вправо. Люди переданы достаточно схематично, но показаны большие сложные луки, стрелы с крупными наконечниками и значительный запас стрел в предполагаемом колчане (табл. 56).

Рис. 72 — изображение двух всадников и стада яков. У всадников профилированы черты лица и показаны длинные волосы. У лошадей тщательно проработана сбруя, на крупе передней изображена тамга. Яки четко опознаются по длинной свисающей шерсти и пушистым хвостам (табл. 57; 58,1).

Рис. 73 — изображение трех животных, обращённых вправо. Впереди более крупная фигура лошади. За ней — олень, у которого показаны торчащие вверх рога, круглый глаз и рот. Ноги оленя перекрывают голову

третьего животного, из-за чего вид последнего установить затруднительно (табл. 55).

Рис. 74 — изображение всадника и табуна лошадей, у одной на крупе изображена тамга (табл. 59).

Рис. 75 — изображение двух козлов или козла и оленя, форма рогов у них различна, но у левого они не совсем оленьи. Контур тела у обеих фигур разомкнут в районе морды (табл. 58,2).

Рис. 76 — геометризированное изображение пешего лучника. У него стреловидная голова, возможно, так передан шлем; руки и плечи показаны под острым углом. В руках у человека сложный лук, а вдоль тела гроздьями свисают стрелы. Все тело покрыто штриховкой, возможно передающей доспехи (табл. 50,2).

Рис. 79–81 — серия изображений, выполненных сплошной штриховкой, чаще всего вид животных установить затруднительно (табл. 60,1; 61).

Рис. 82 — композиция из четырех животных, три из которых представлены разностильными изображениями козлов, четвертое, выполненное сплошной грубой штриховкой, перекрывает правую верхнюю фигуру козла. Вид четвертого животного не определяется (табл. 60,2).

Рис. 83 — фрагментированные или неоконченные изображения (табл. 62,2).

Рис. 84 — интересные изображения трех лежащих животных, два из которых показаны с повернутой назад головой. Манера передачи подогнутых ног напоминает изображения скифского времени (табл. 63,1).

Рис. 85 — неясная композиция, вероятно из зооморфных фигур и стрел, перекрывающих друг друга (табл. 63,2).

Рис. 86 — разновременная композиция из зооморфных фигур (табл. 62,1).

Рис. 94 — гравированные изображения козлов (табл. 64).

Как уже говорилось выше, основной целью данной статьи является публикация материала, долгое время остававшегося недоступным большинству исследователей. В задачи работы не входил детальный анализ семантики изображений, их датировки и места в ряду других памятников наскального искусства Алтая и сопредельных территорий. Опубликованные копии представляют лишь малую часть огромного массива петроглифов верховьев р. Елангаш, изучение которого невозможно только на основании архивных материалов. Однако авторы надеются, что данная статья поможет определить основные направления дальнейших исследований и будет полезна как специалистам по наскальному искусству, так и этнографам.

Библиография

- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.* Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992.
- Окладников А.П. и др.* Наскальные рисунки урочища Сары-Сатак. Новосибирск, 1982.
- Окладников А.П. и др.* Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск, 1980.
- Окладников А.П. и др.* Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск, 1979.
- Окладников А.П. и др.* Петроглифы Чанкыр-Келя. Алтай Елангаш. Новосибирск, 1981.
- Окладников А.П., Окладникова Е.А.* Древние рисунки Кызыл-Келя. Новосибирск, 1985.
- Окладникова Е.А.* Петроглифы Калбак-Таша // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 61–64.
- Окладникова Е.А.* Петроглифы Средней Катун. Новосибирск, 1984.
- Окладникова Е.А.* Петроглифы Кара-Оюка // Урало-алтаистика. Новосибирск, 1985. С. 85–88.
- Окладникова Е.А.* К вопросу о каменных выкладках в долине реки Еланга // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 74–89.
- Окладникова Е.А.* Петроглифы горы Жалгыс-Тепе // Полевые исследования Института этнографии 1982 г. М., 1986а. С. 183–190.
- Окладникова Е.А.* Хронология наскального искусства горы Калбак-Таш (Горный Алтай) // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. Новосибирск, 1987. С. 98–110.
- Окладникова Е.А.* Граффити Кара-Оюка // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988. С. 140–158.

Kubarev V., Jacobson E. Kalbak-Tash I (Republique de l'Altai). Paris, 1996.

1. Верховья р. Елангаш, водопад (шифр Е-83)

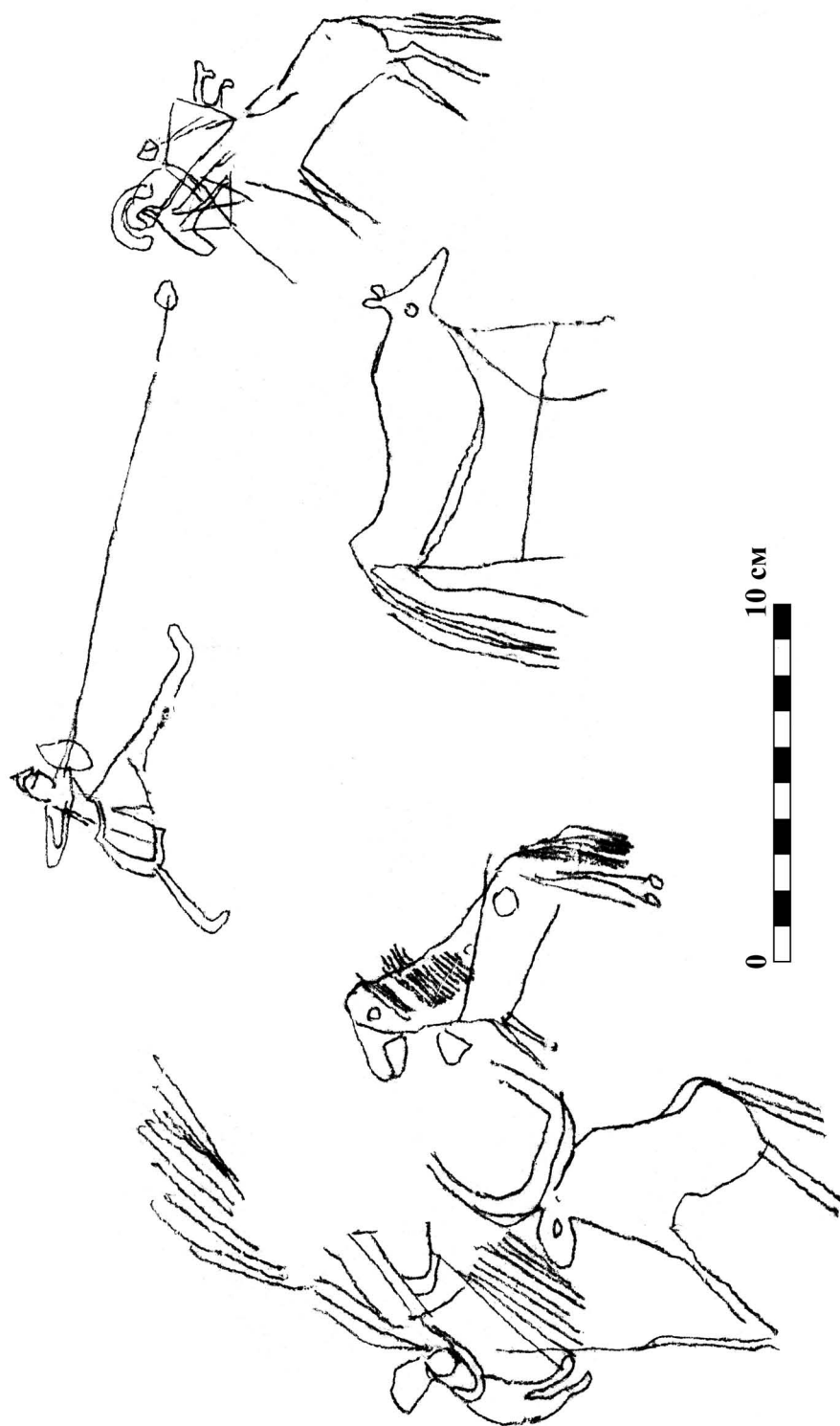

Табл. 1 (Е-83, рис. 4)

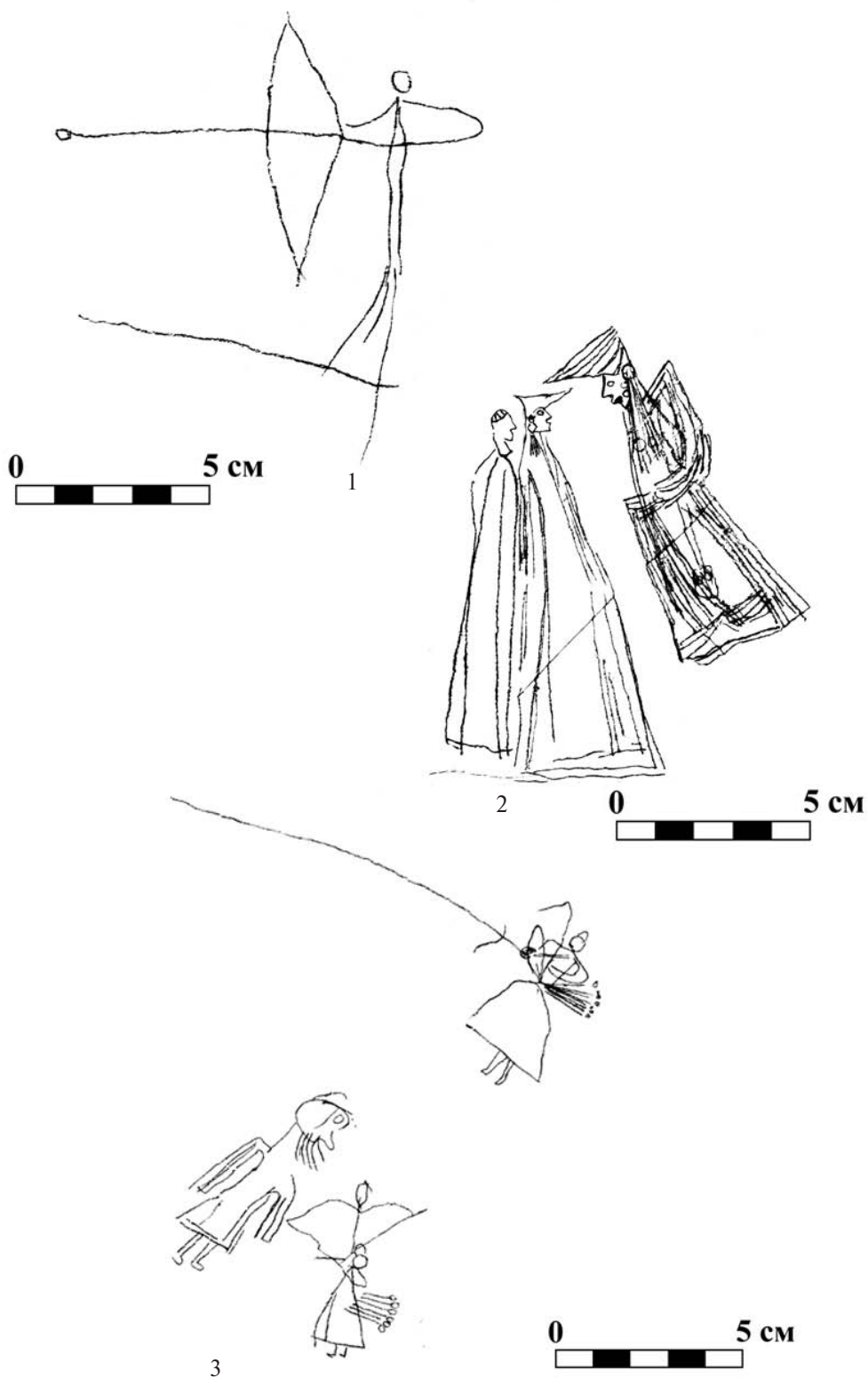

Табл. 2 (Е-83: 1 — рис. 5, 2 — рис. 6/н, 3 — рис. 8)

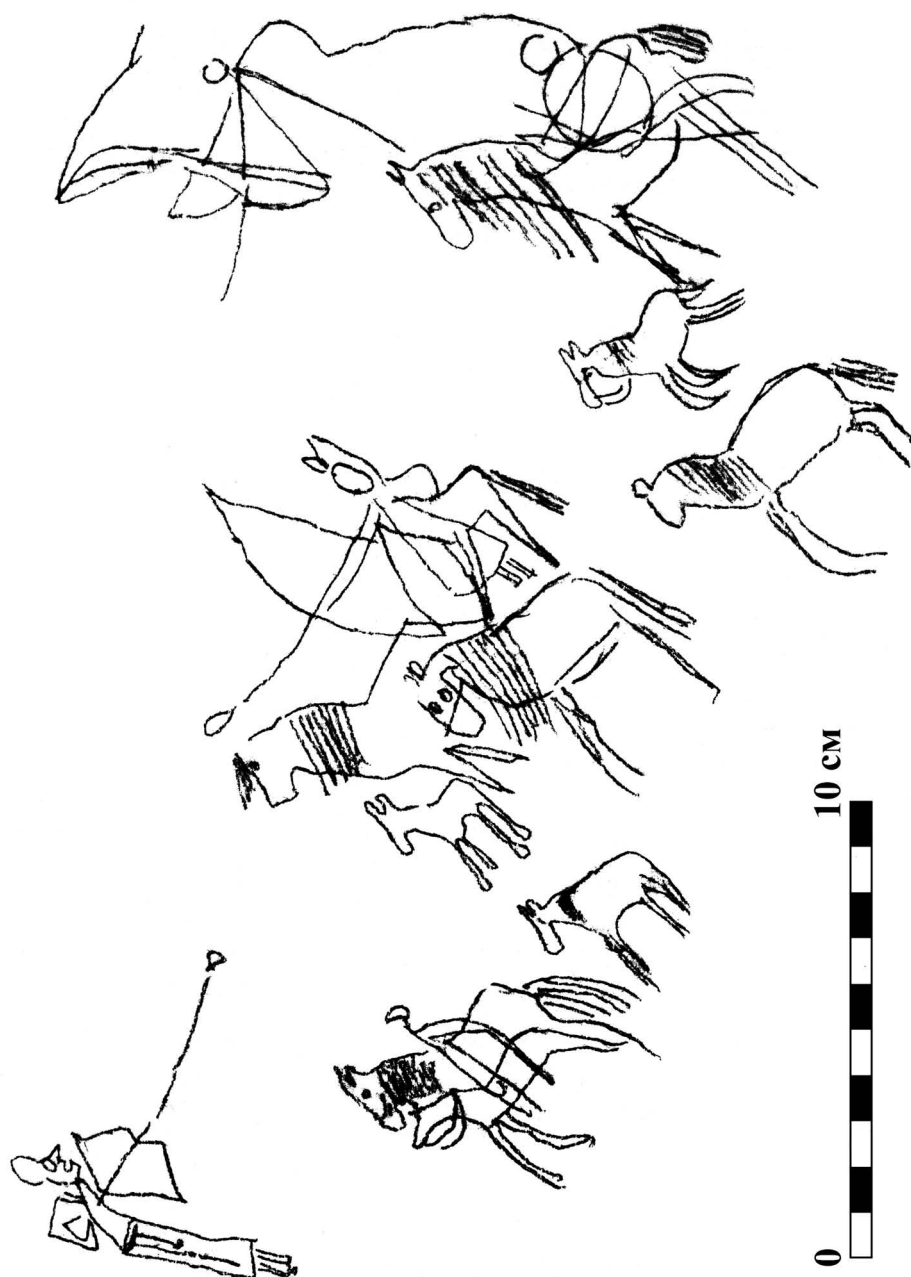

Табл. 3 (Е-83, рис. 6)

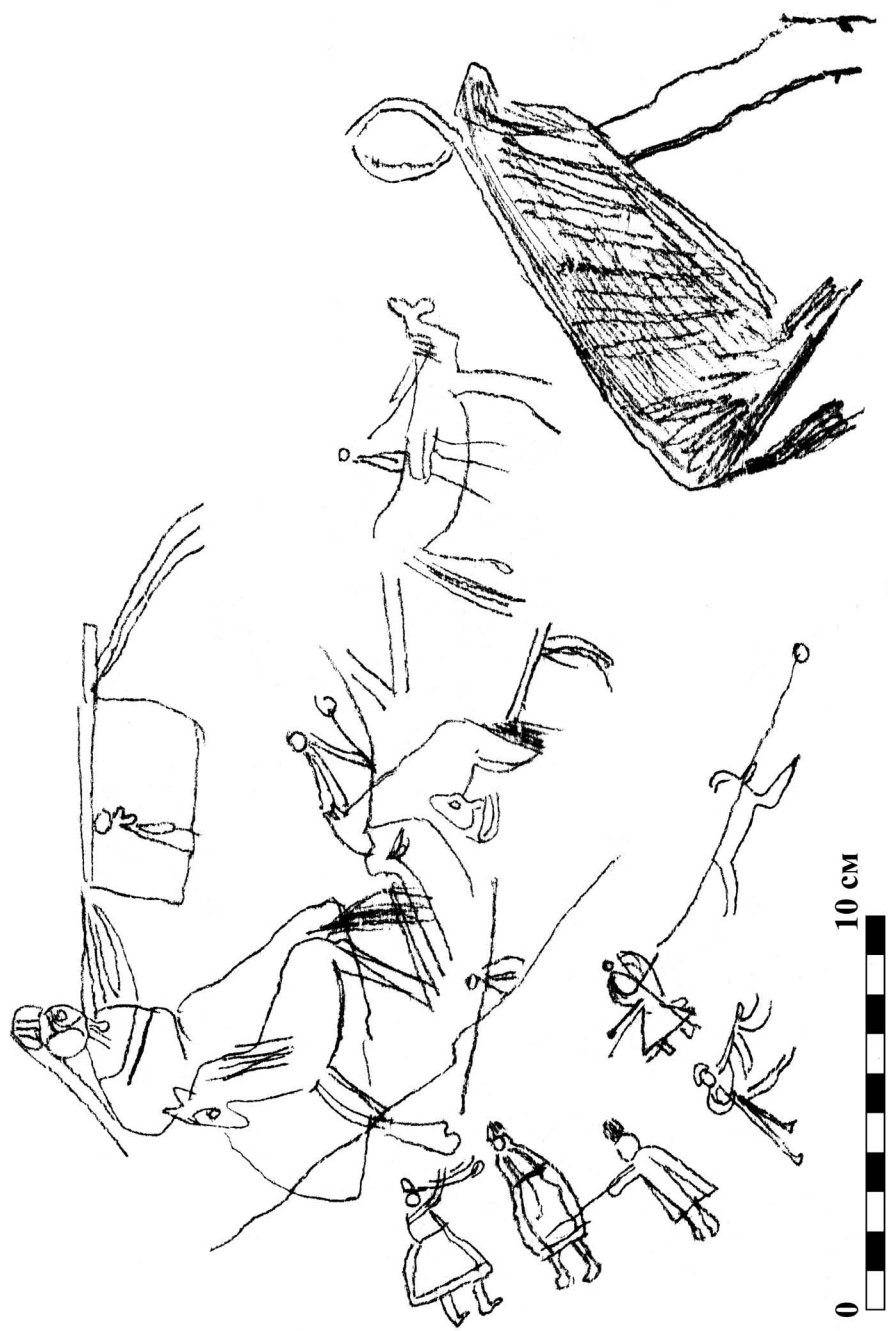

Табл. 4 (Е-83, рис. 7)

2. Междуречье рек Аккол и Караюк, окрестности зимника № 1
(шифр АКН-83)

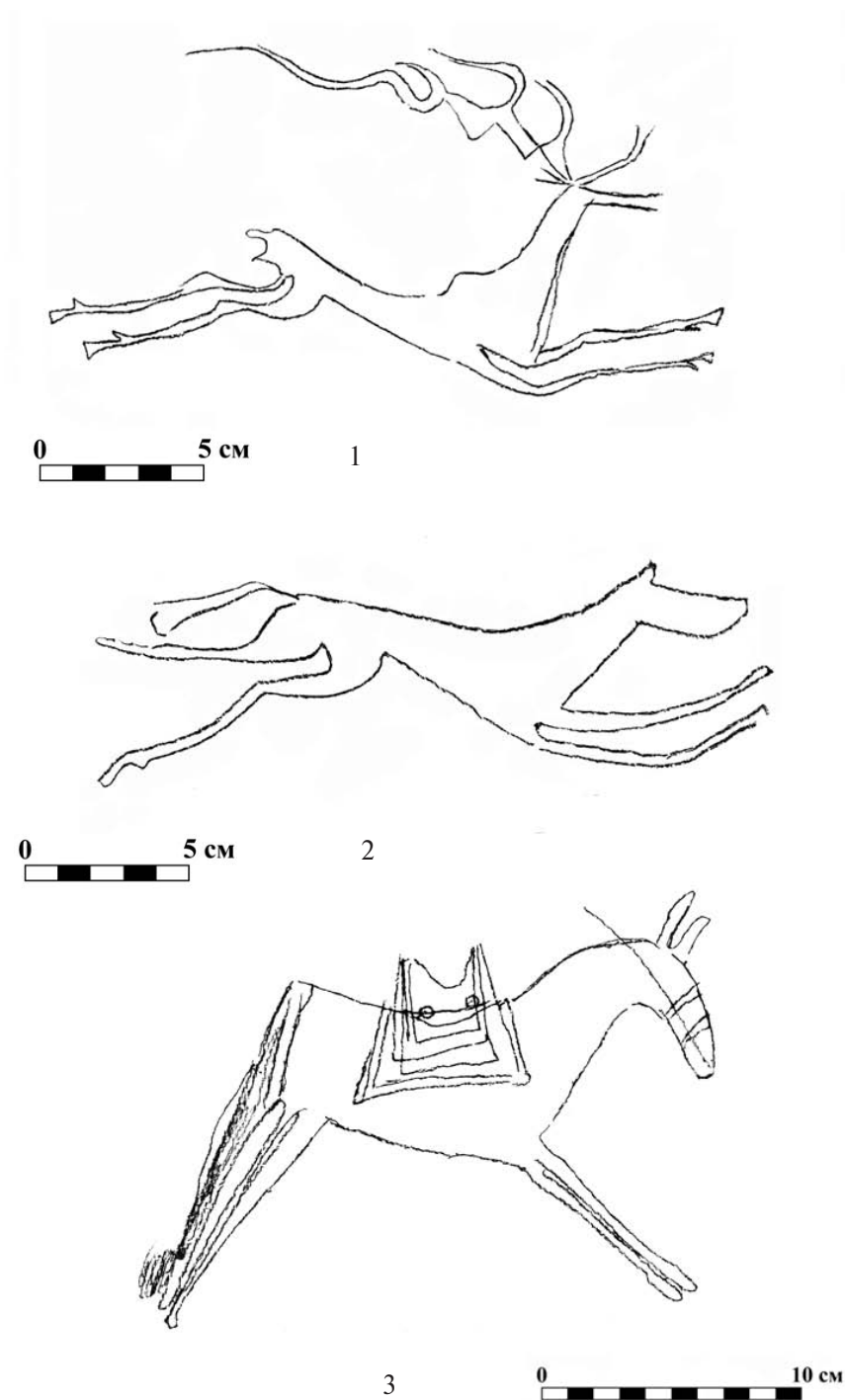

Табл. 5 (АКН-83: 1 — рис. 7, 2 — рис. 8, 3 — рис. 10)

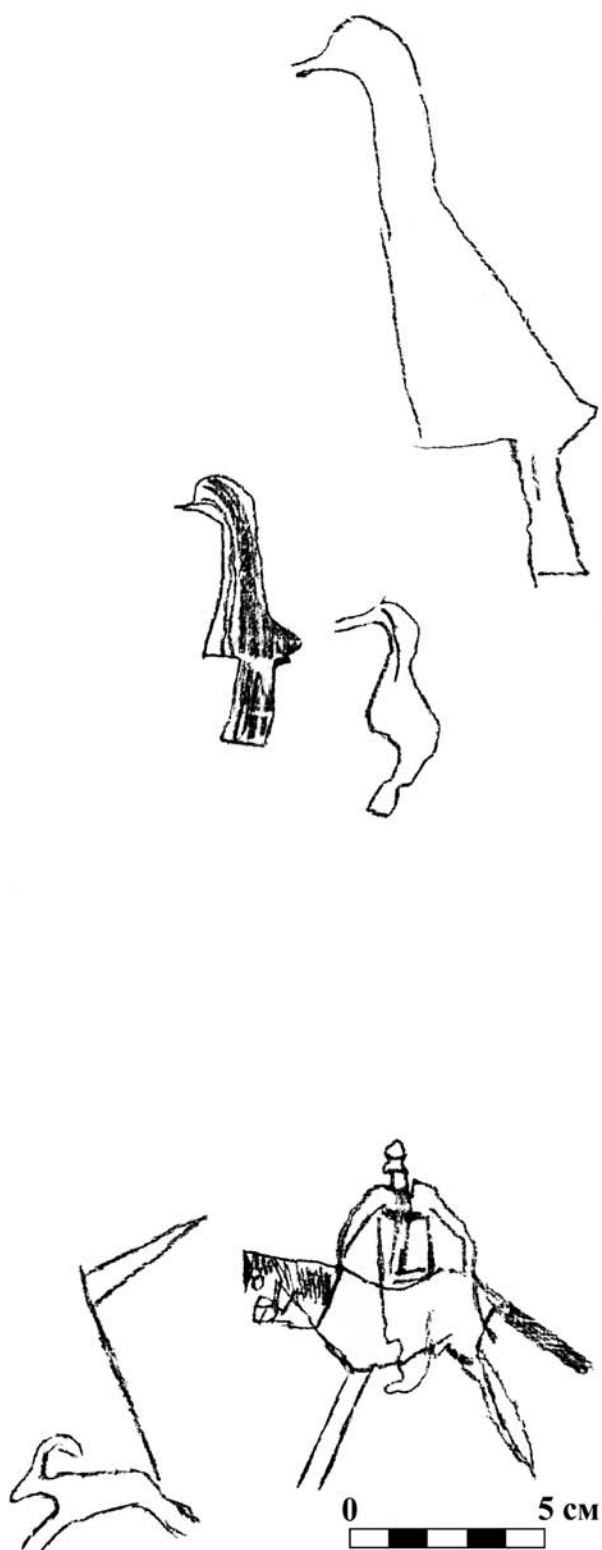

Табл. 6 (АКН-83, рис. 11)

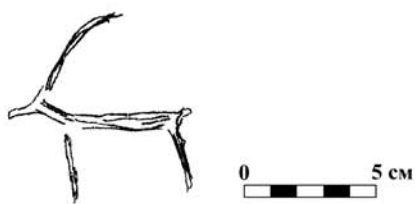

Табл. 7 (АКН-83, рис. 13)

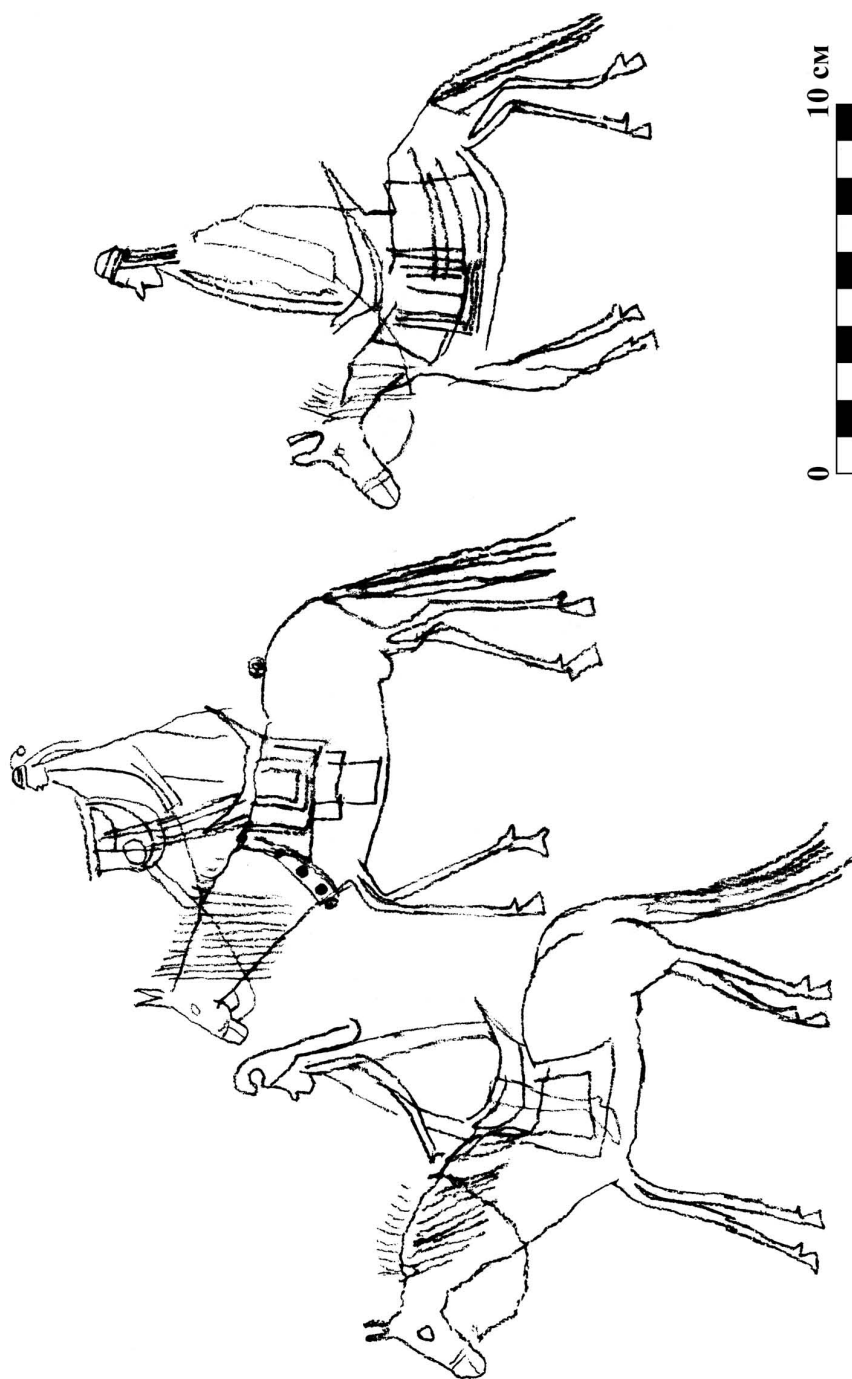

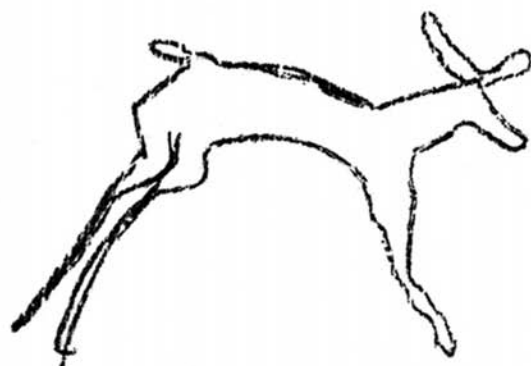
Табл. 8 (АКН-83, рис. 16)

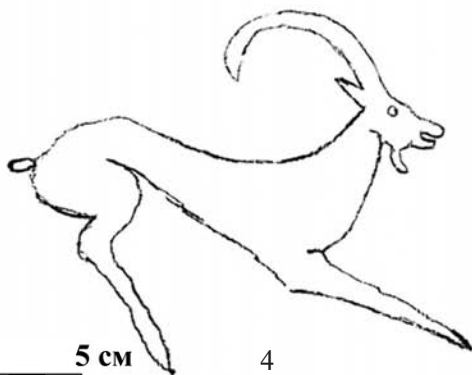
1

2

3

4

Табл. 9 (АКН-83: 1 — рис. 17, 2 — рис. 18, 3 — рис. 20, 4 — рис. 19)

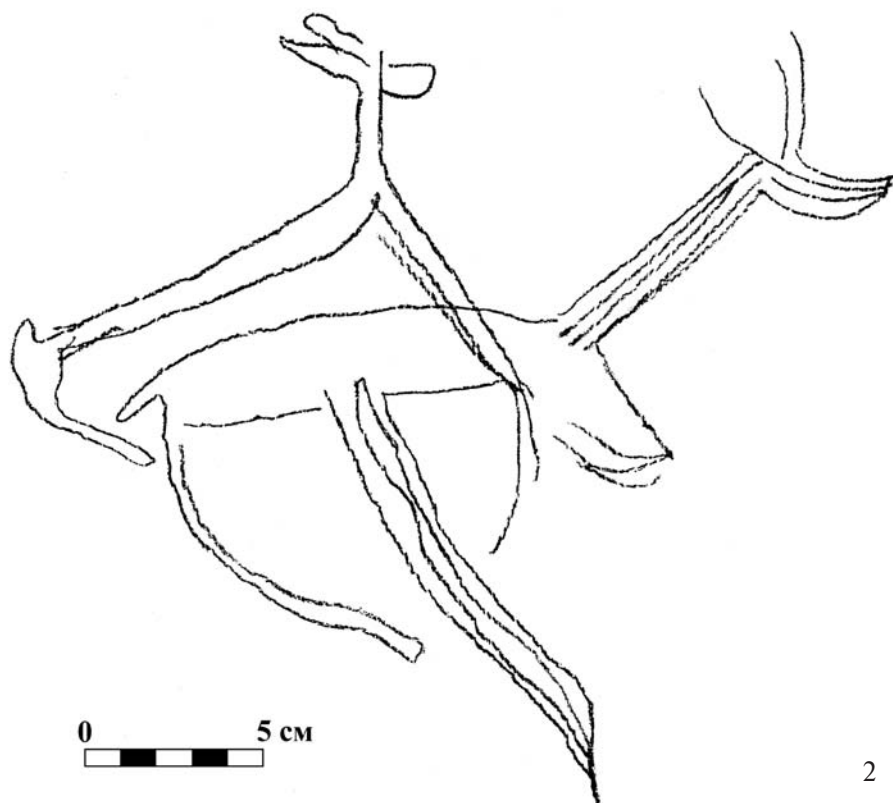
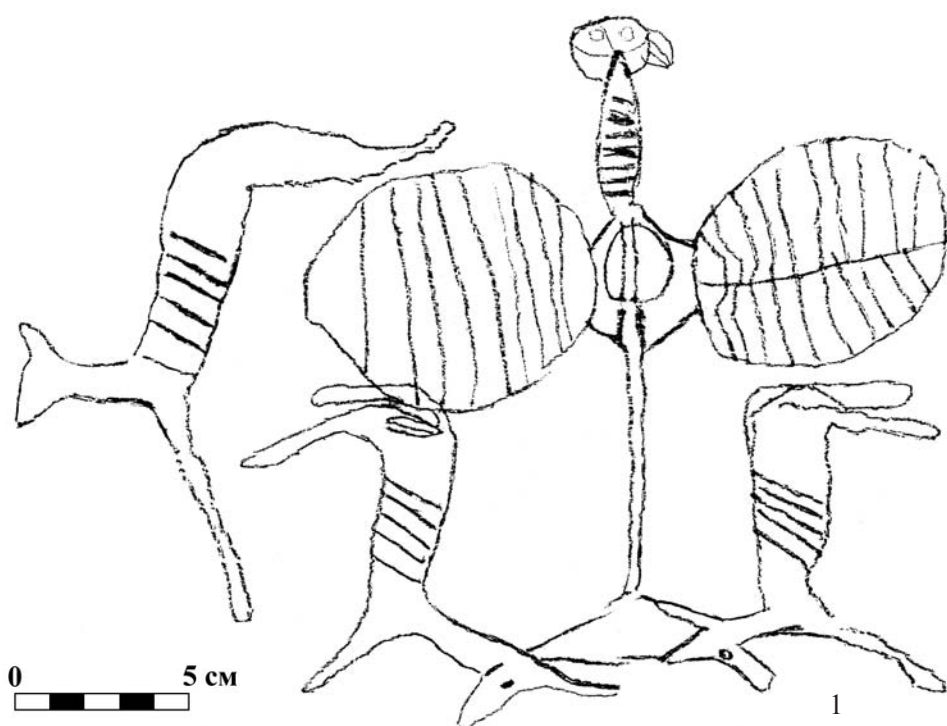

Табл. 10 (АКН-83: 1 — рис. 21, 2 — рис. 23)

Табл. 11 (АКН-83: 1 — рис. 24, 2 — рис. 22)

0 10 см

Табл. 12 (АКН-83, рис. 25)

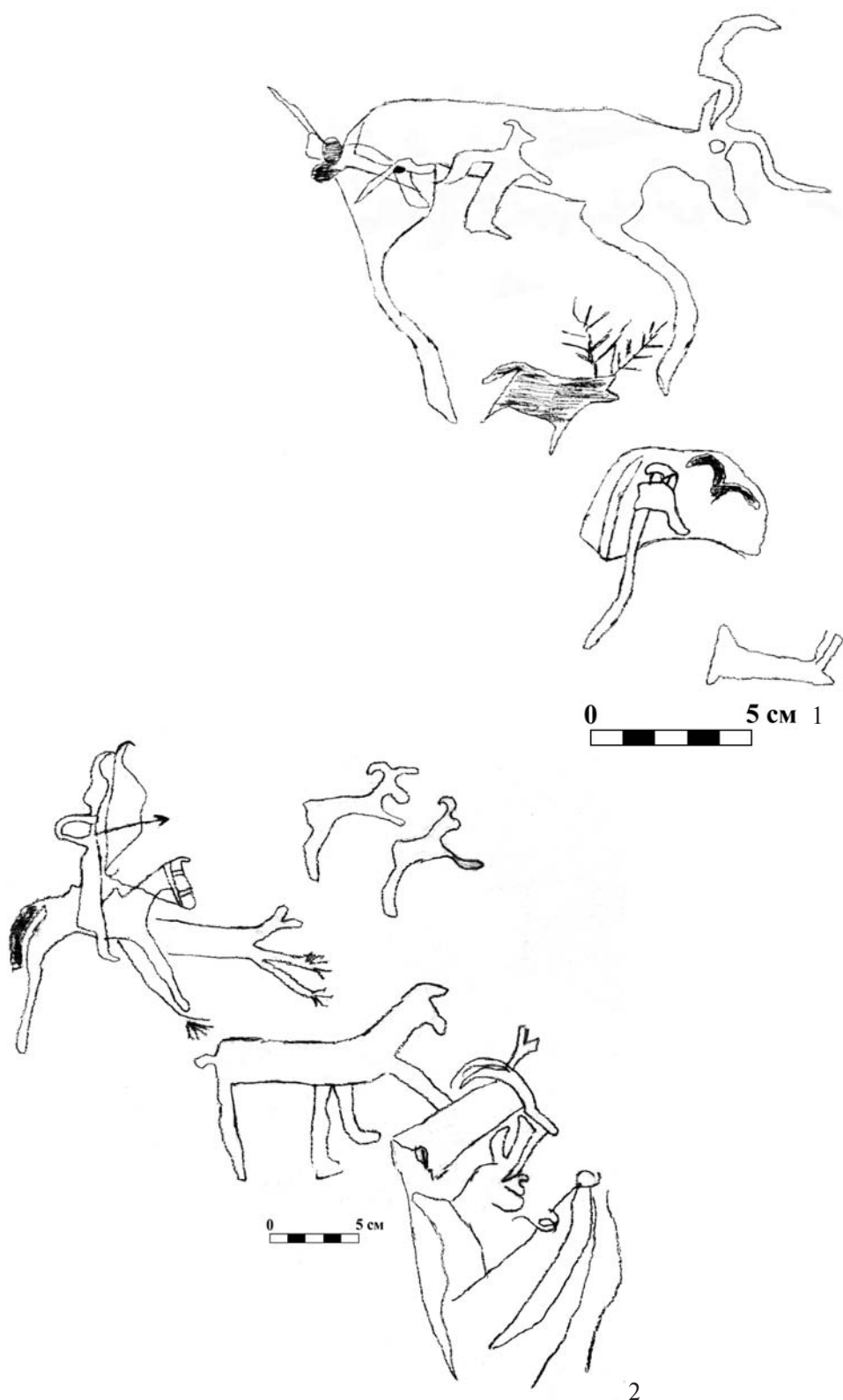

Табл. 13 (АКН-83: 1 — рис. 26, 2 — рис. 27)

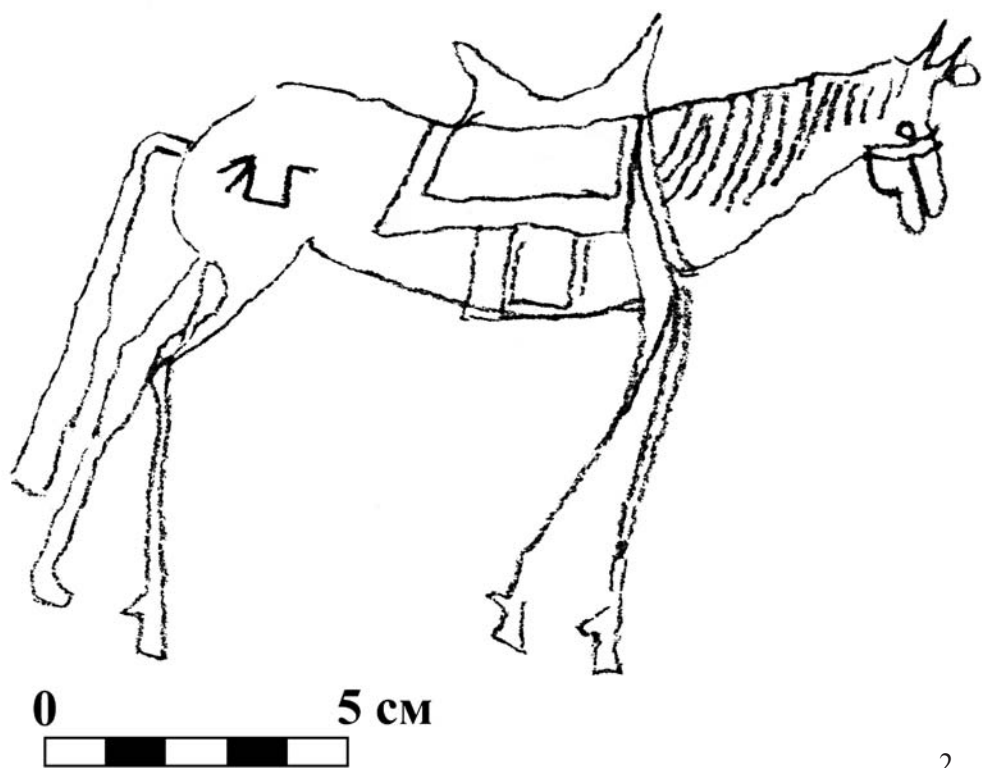
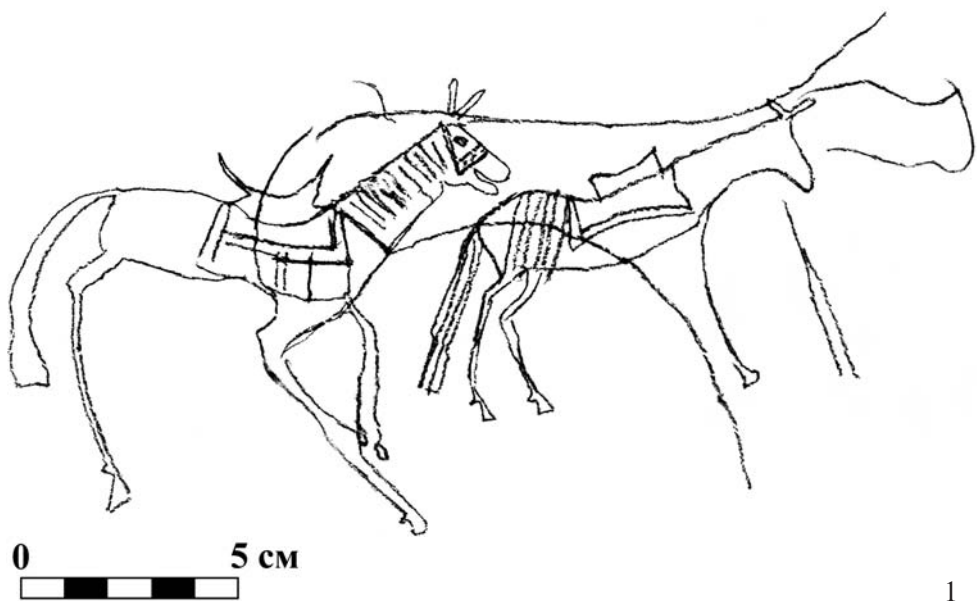

Табл. 14 (АКН-83; 1 — рис. 29, 2 — рис. 28)

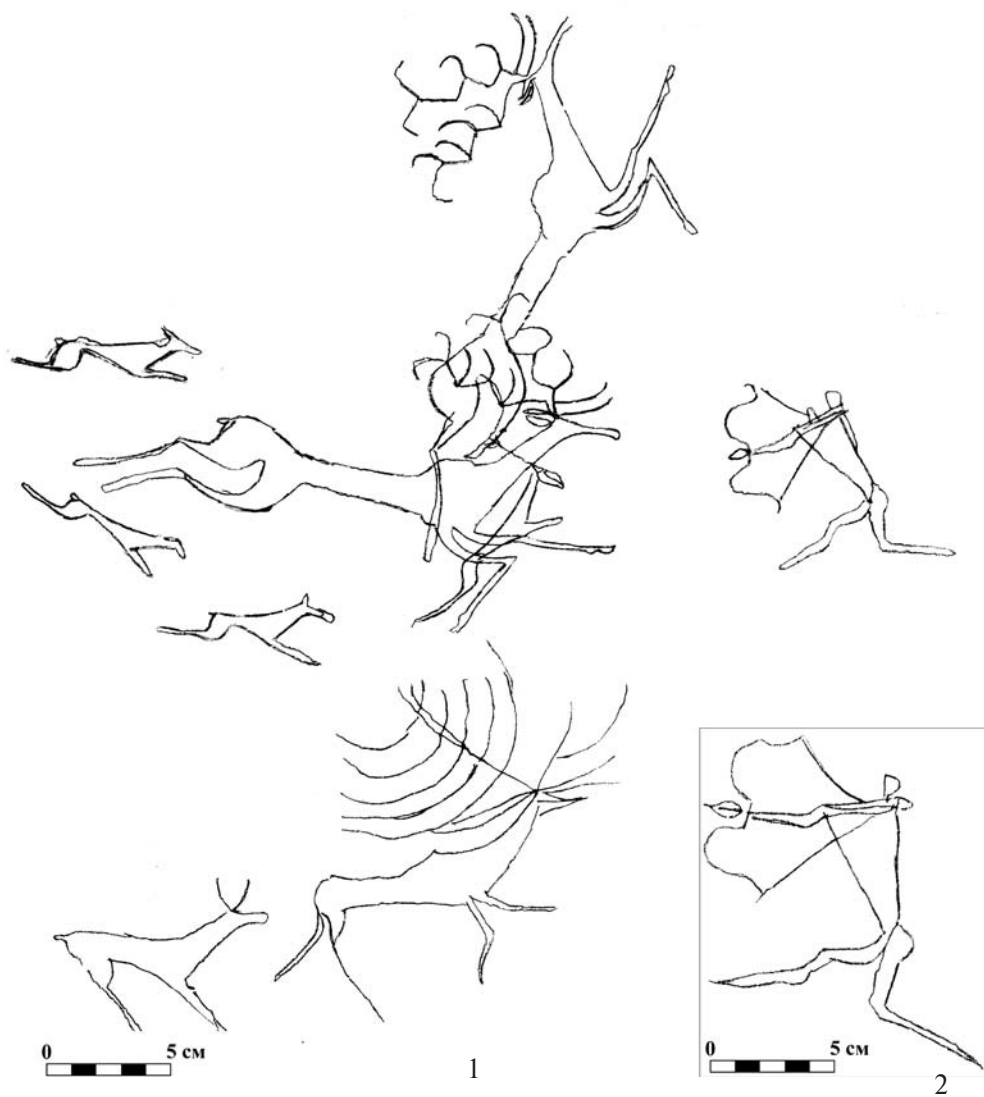

Табл. 15 (АКН-83: 1 — рис. 31, 2 — рис. 30)

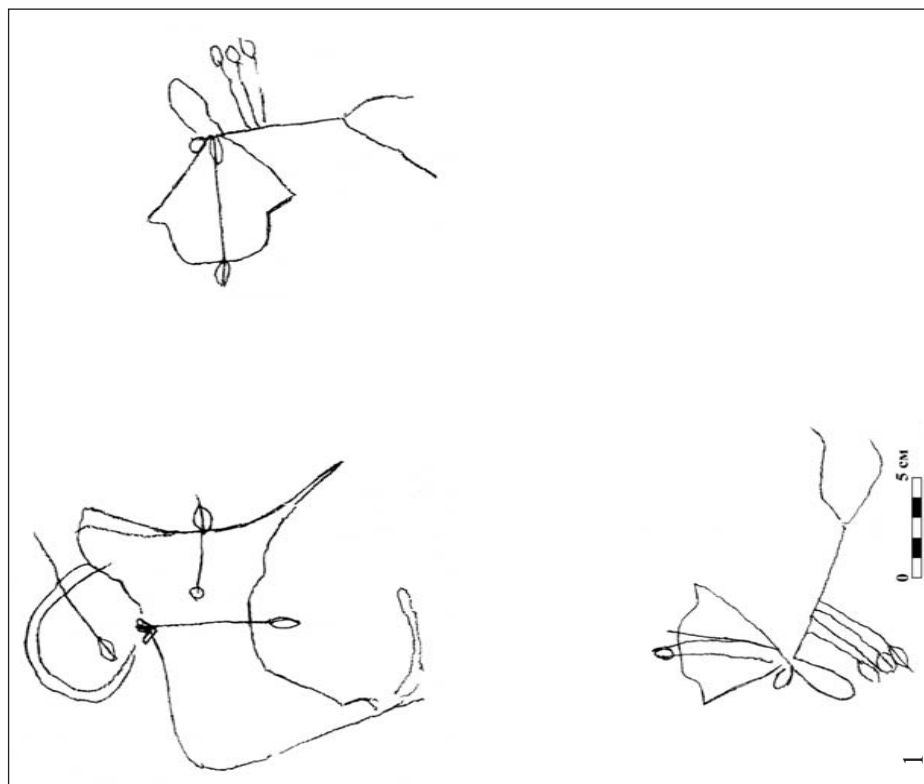
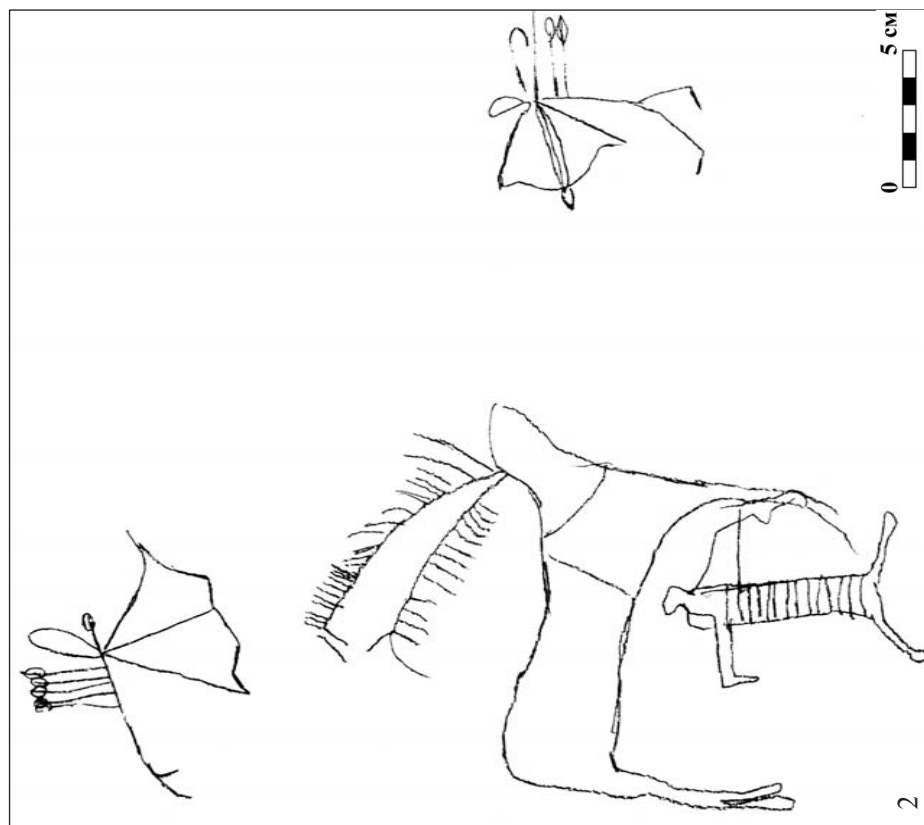

Табл. 16 (АКН-83: 1 — рис. 39, 2 — рис. 32)

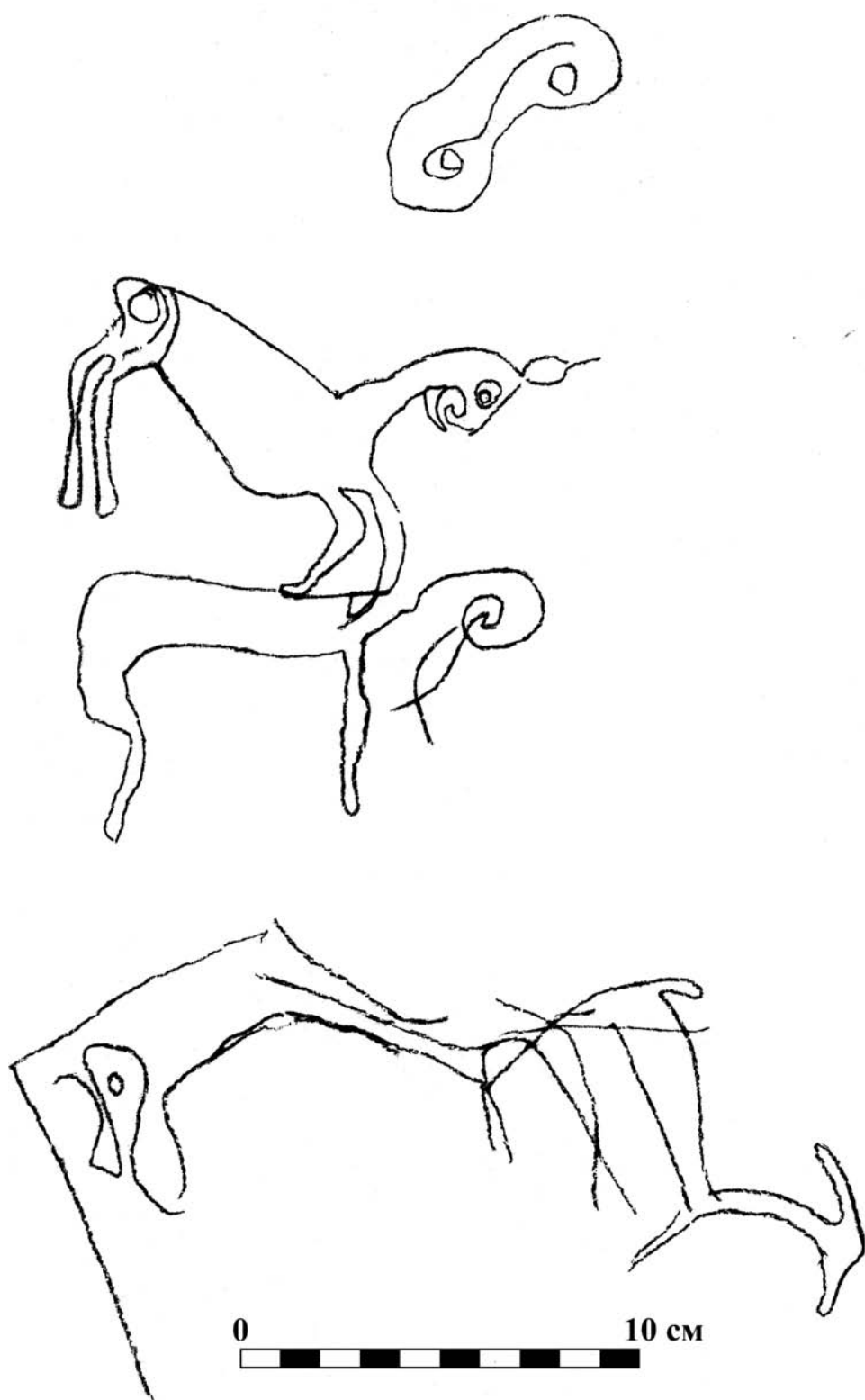

Табл. 18 (АКН-83, рис. 36)

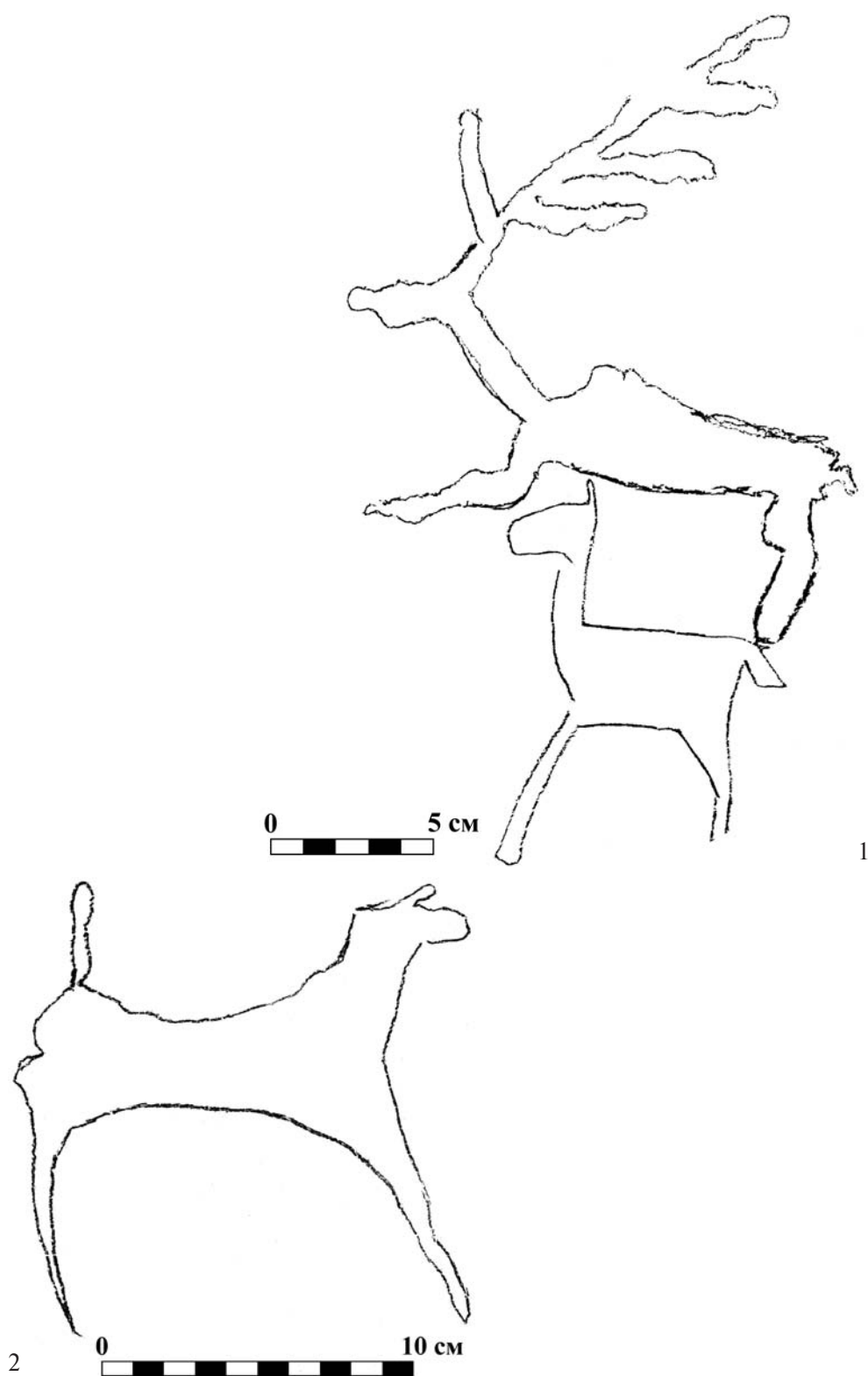

Табл. 19 (АКН-83: 1 — рис. 37; 2 — рис. 38)

Табл. 20 (АКН-83, рис. 40)

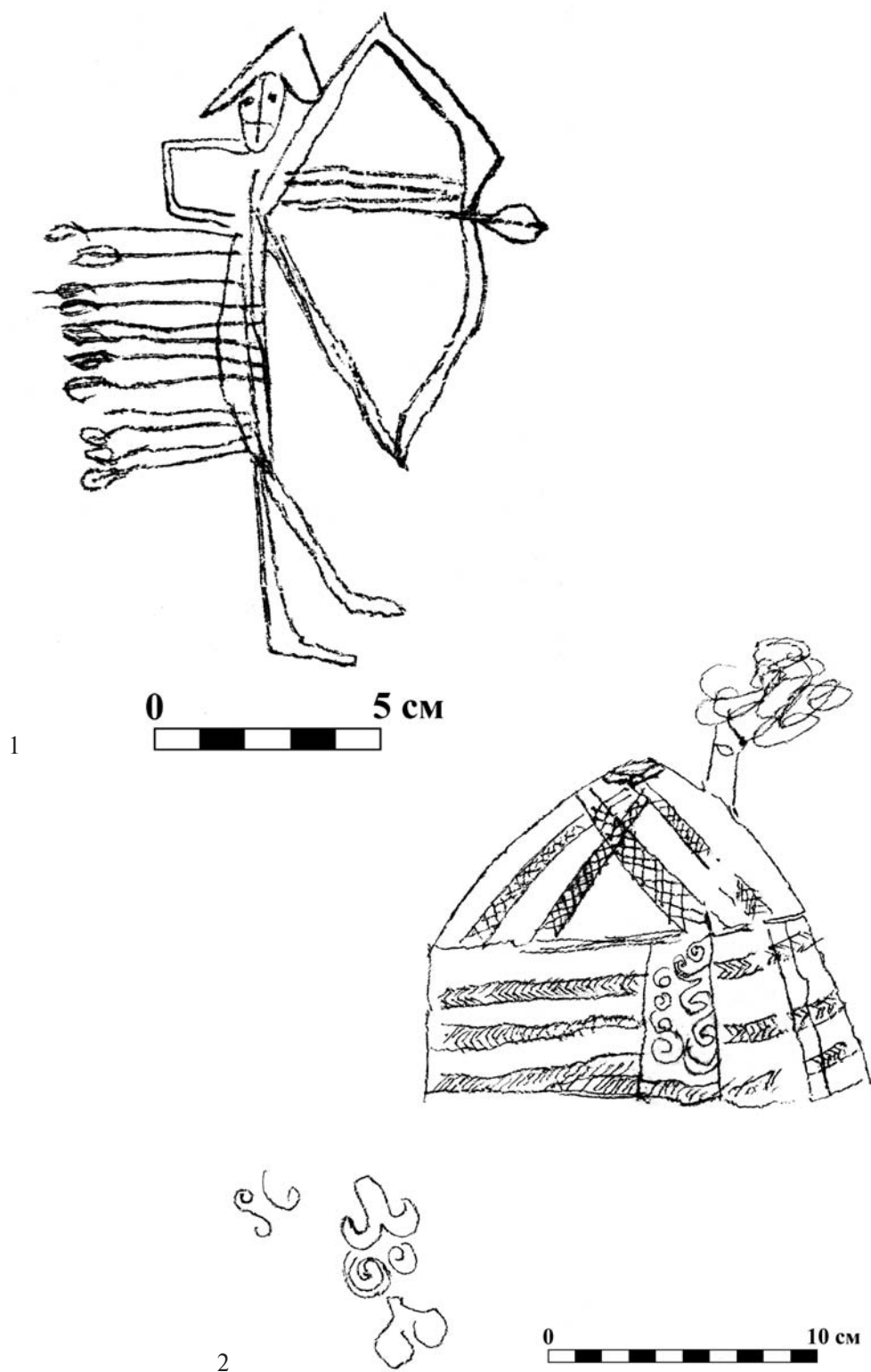

Табл. 21 (АКН-83: 1 — рис. 45; 2 — рис. 41)

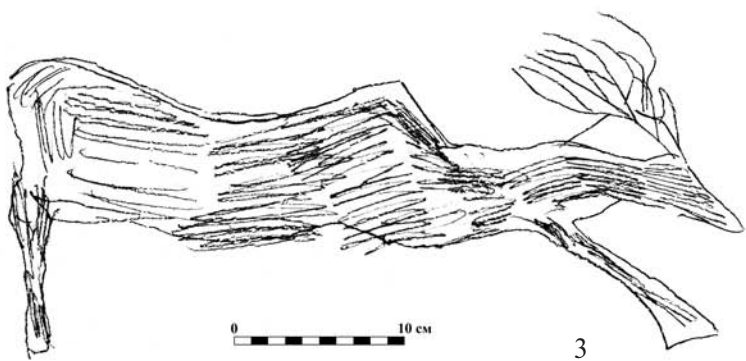
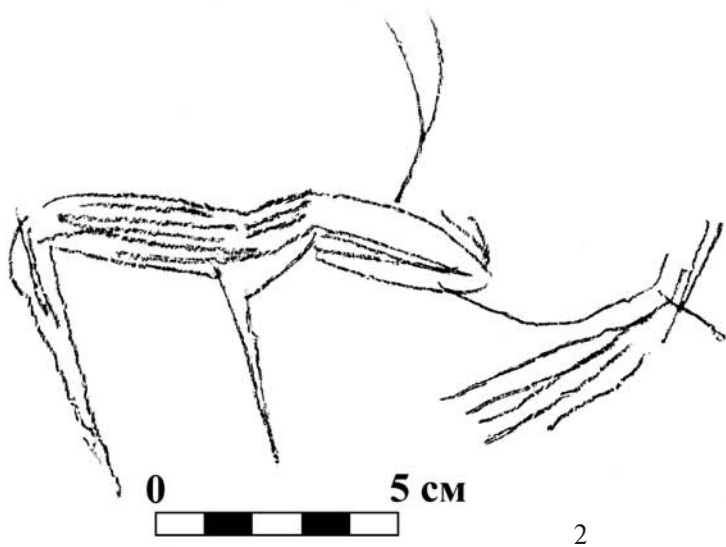
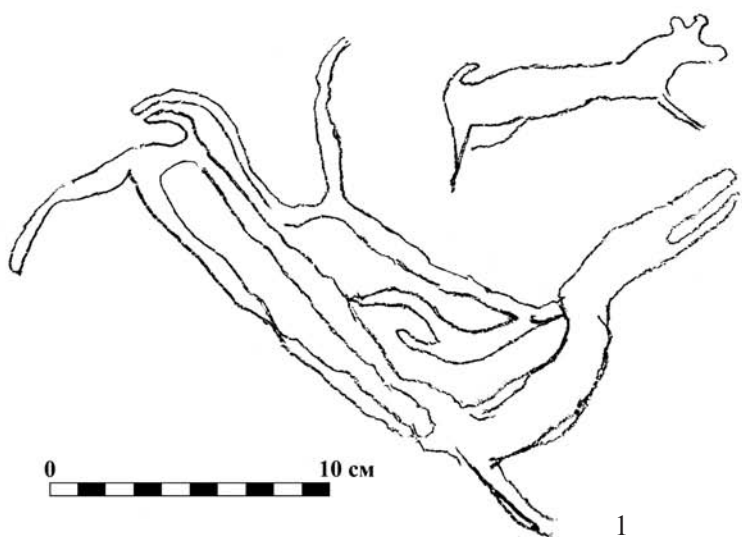

Табл. 22 (АКН-83: 1 — рис. 42; 2 — рис. 43; 3 — рис. 44)

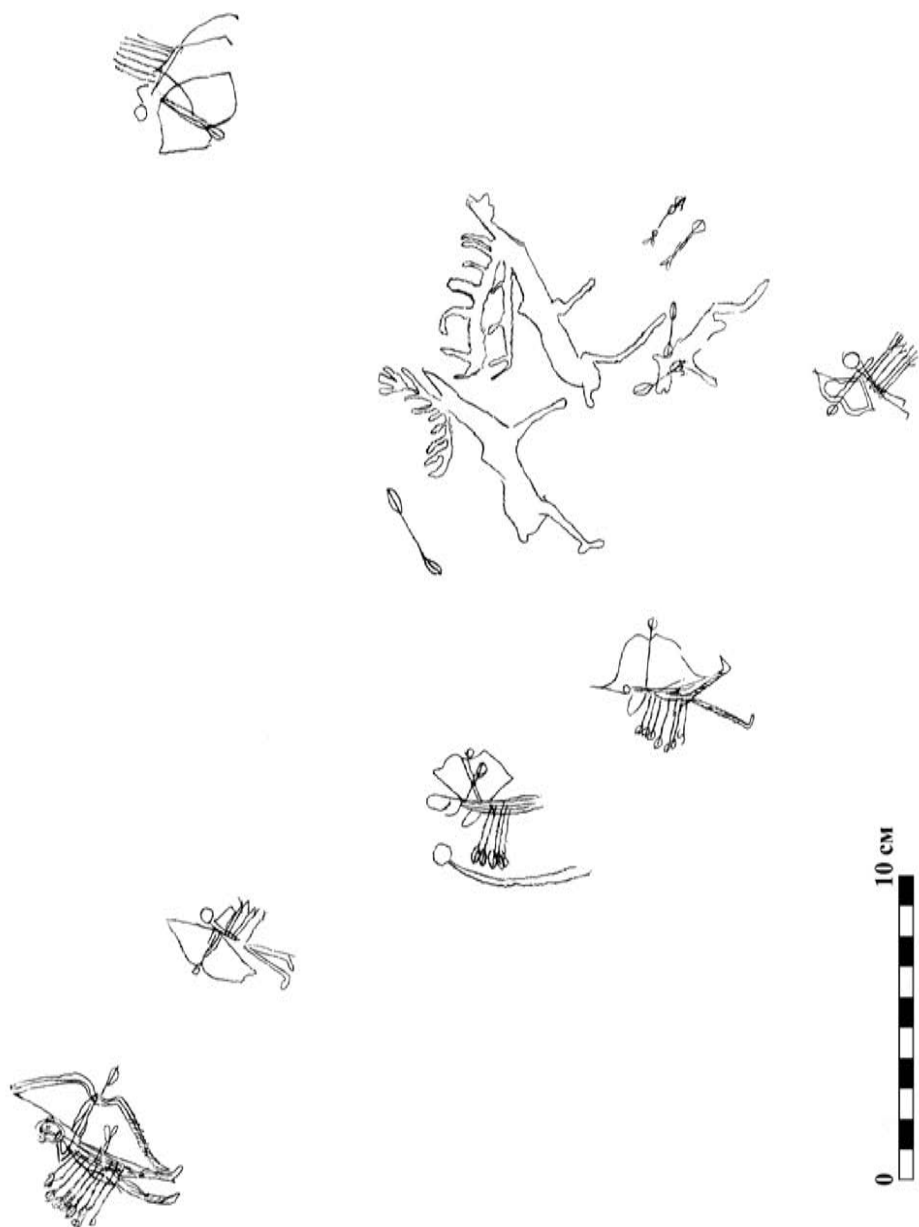

Табл. 23 (АКН-83, рис. 46)

Табл. 24 (АКН-8, рис. 48)

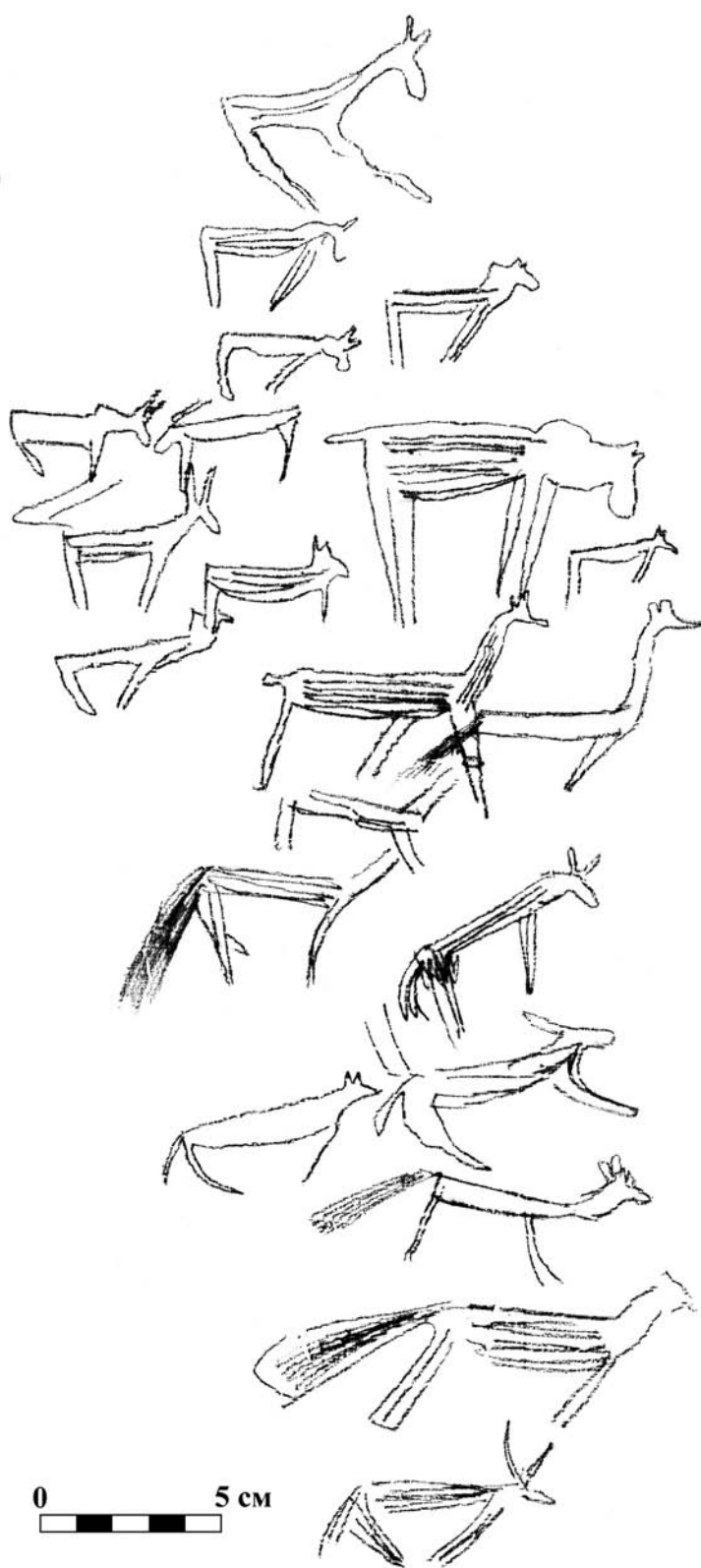

Табл. 25 (АКН-83, рис. 49)

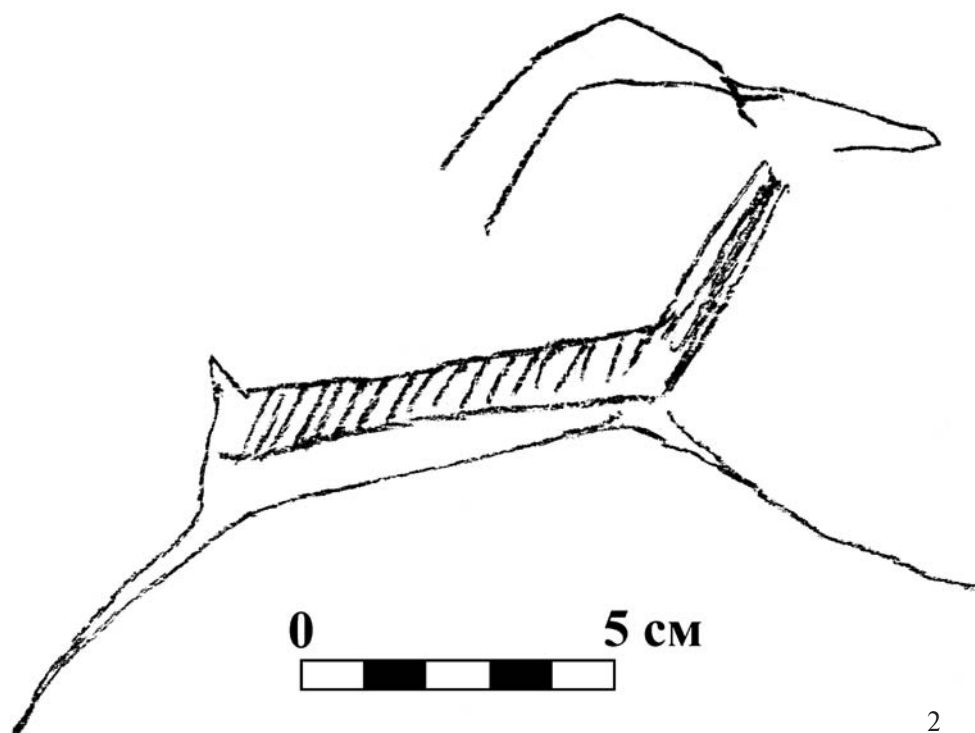
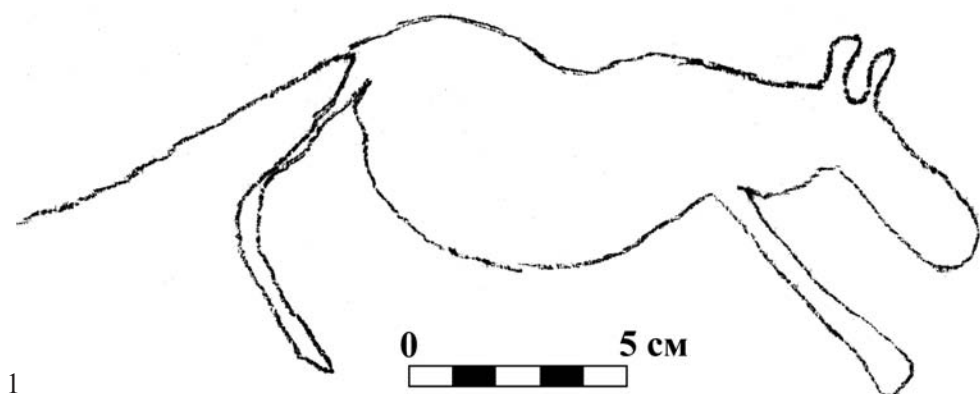

Табл. 26 (АКН-83; 1 — рис. 50; 2 — рис. 53)

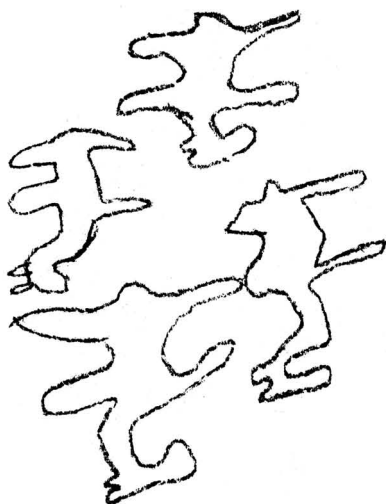
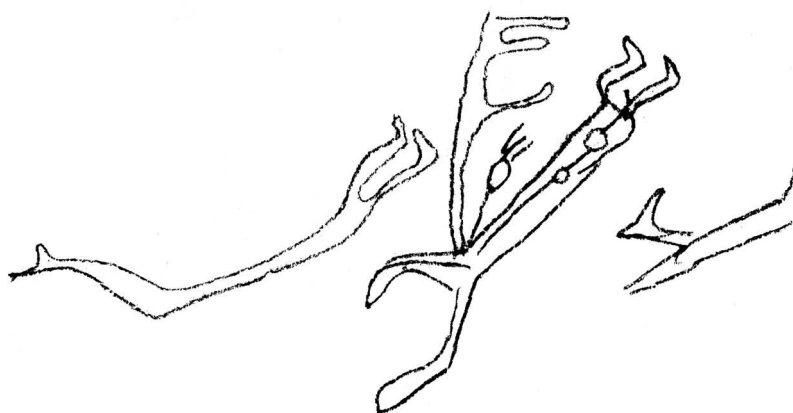

Табл. 27 (АКН-83, рис. 51)

Табл. 28 (АКН-83, рис. 52)

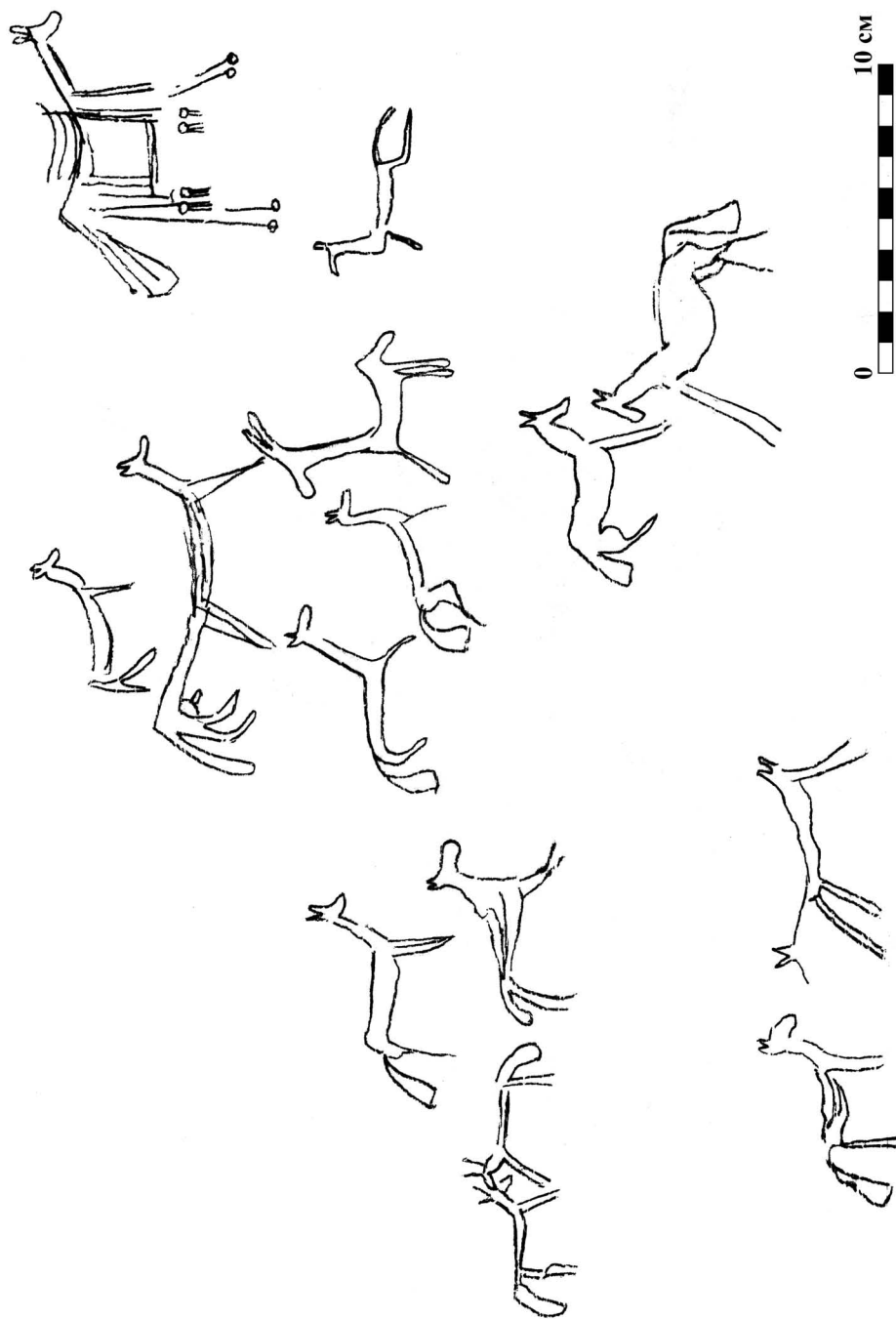

Табл. 29 (АКН-83, рис. 54)

3. Междуречье рек Аккол и Караюк, окрестности зимника № 2
(шифр АК-83)

Табл. 30 (АК-83, рис. 12)

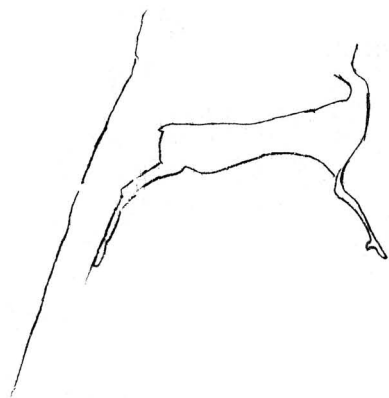
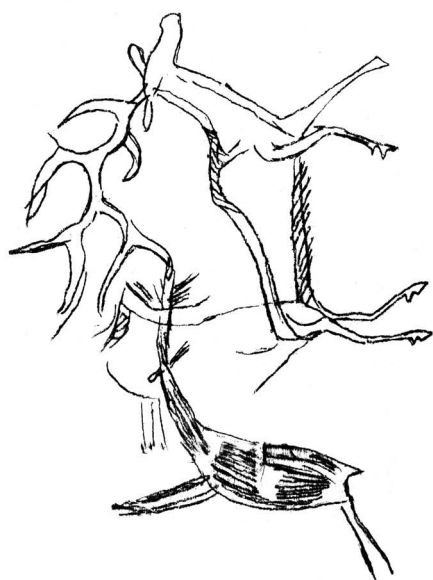

Табл. 31 (АК-83, рис. 13)

Табл. 32 (АК-83, рис. 14)

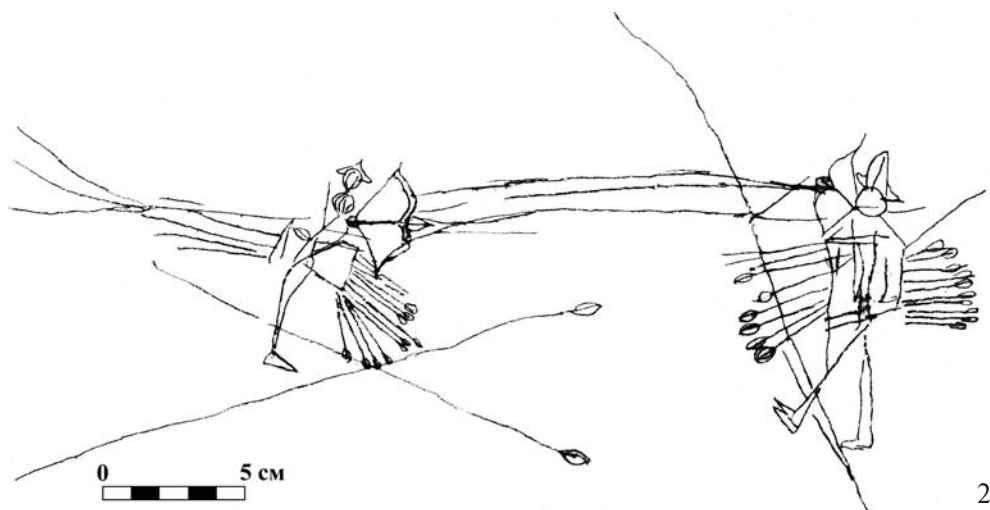

Табл. 33 (АК-83: 1 — рис. 15; 2 — рис. 19)

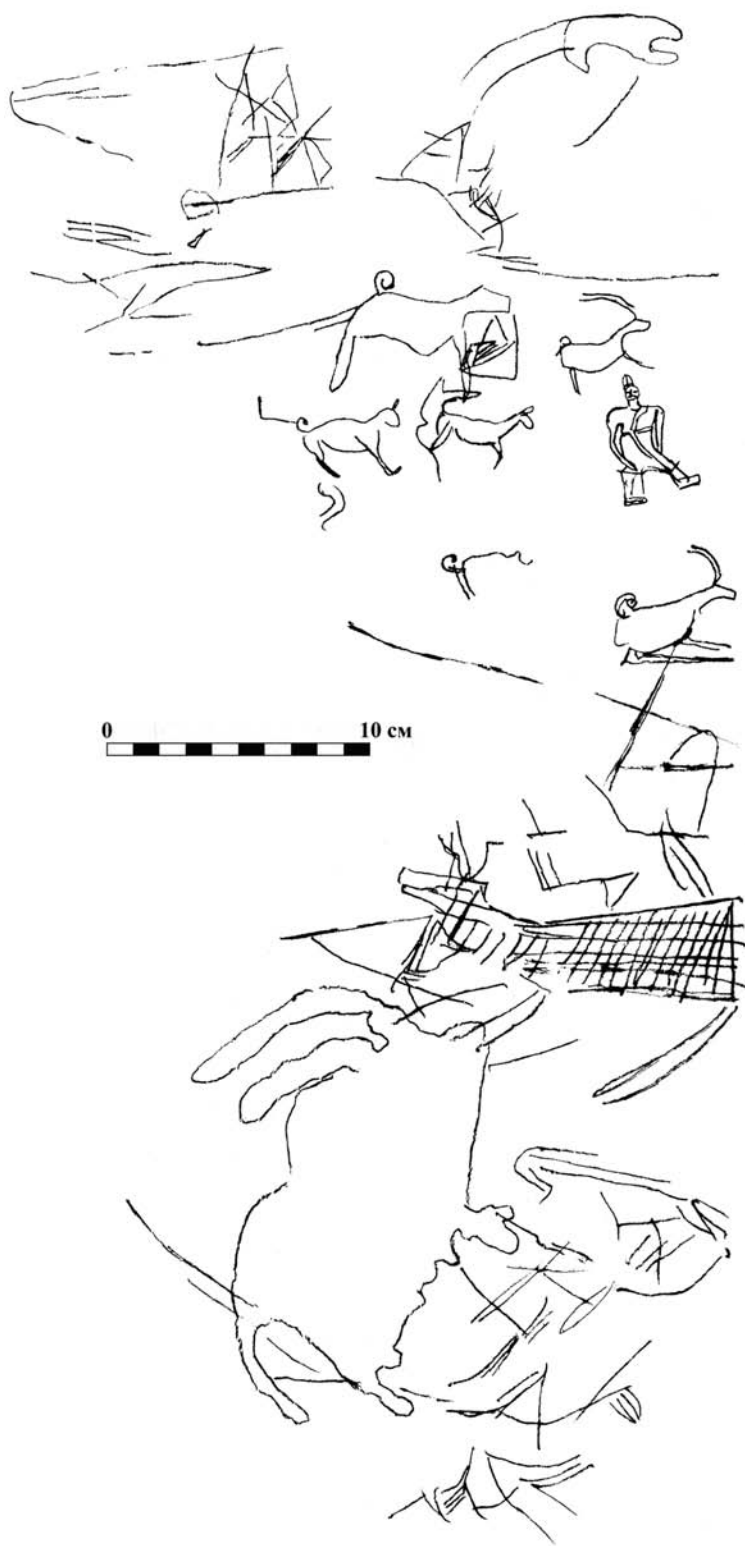

Табл. 34 (АК-83, рис. 16)

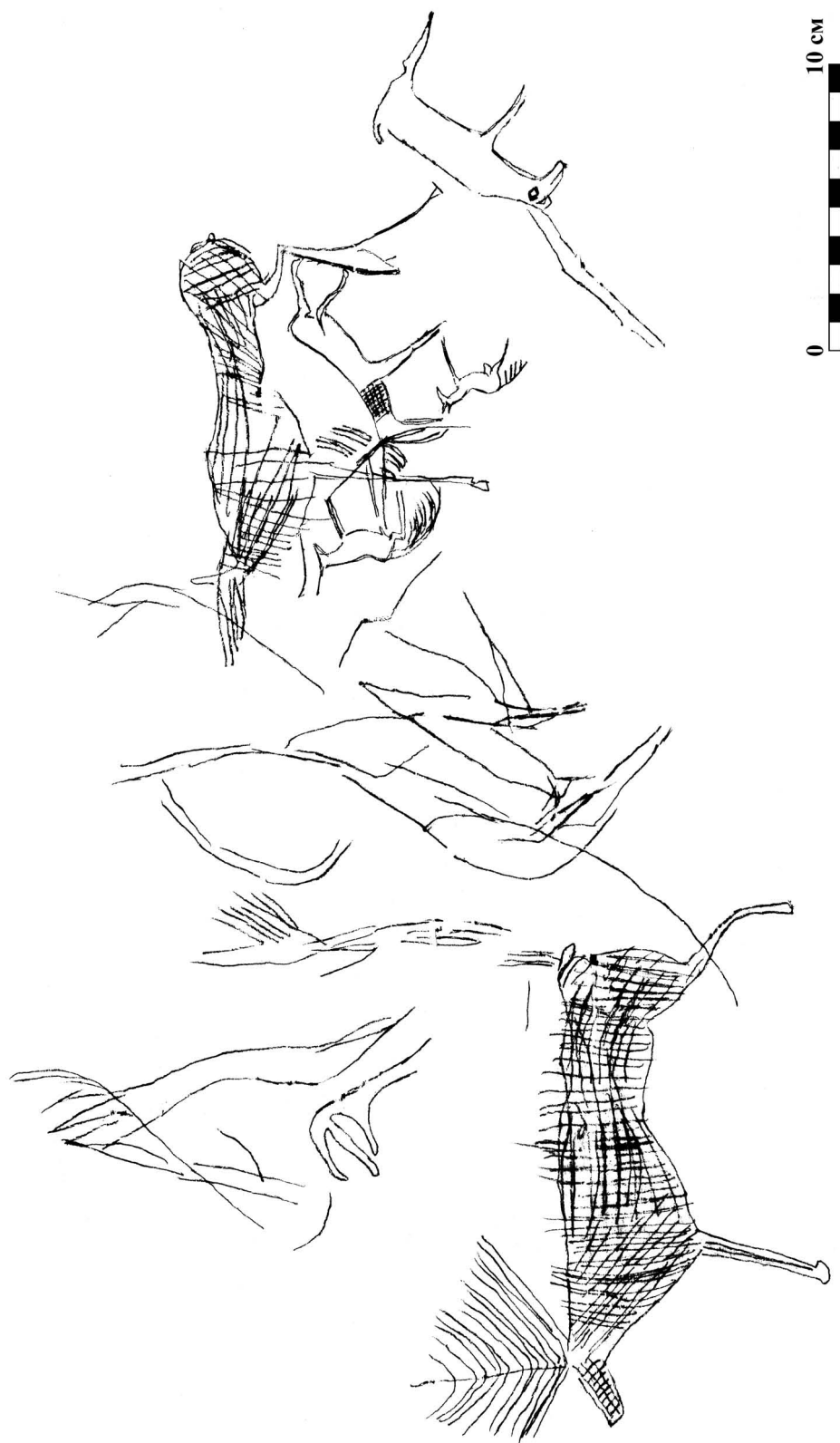

Табл. 35 (АК-83, рис. 20)

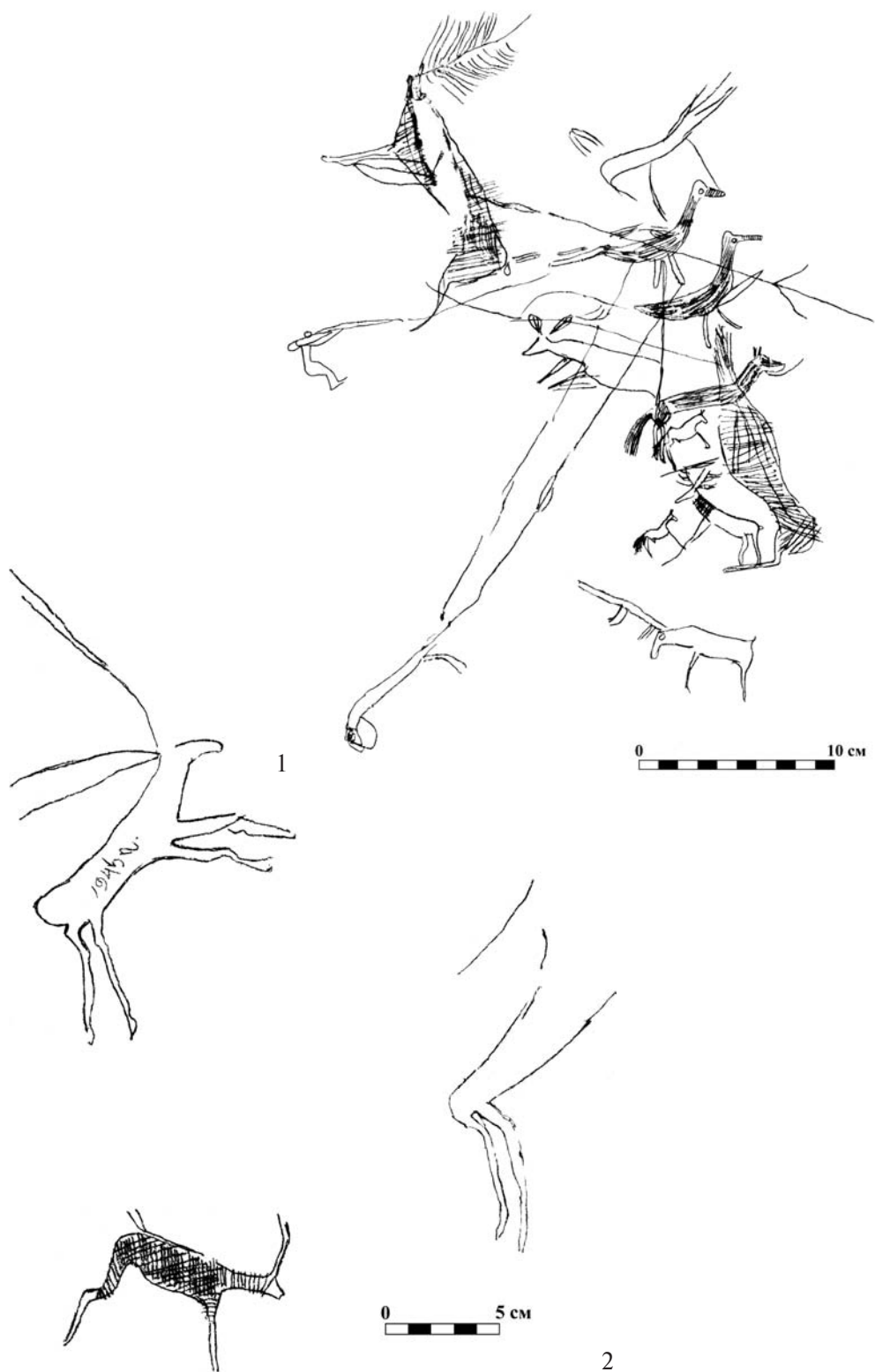

Табл. 36 (АК-83: 1 — рис. 20; 2 — рис. 31)

1

2

Табл. 37 (АК-83, рис. 21)

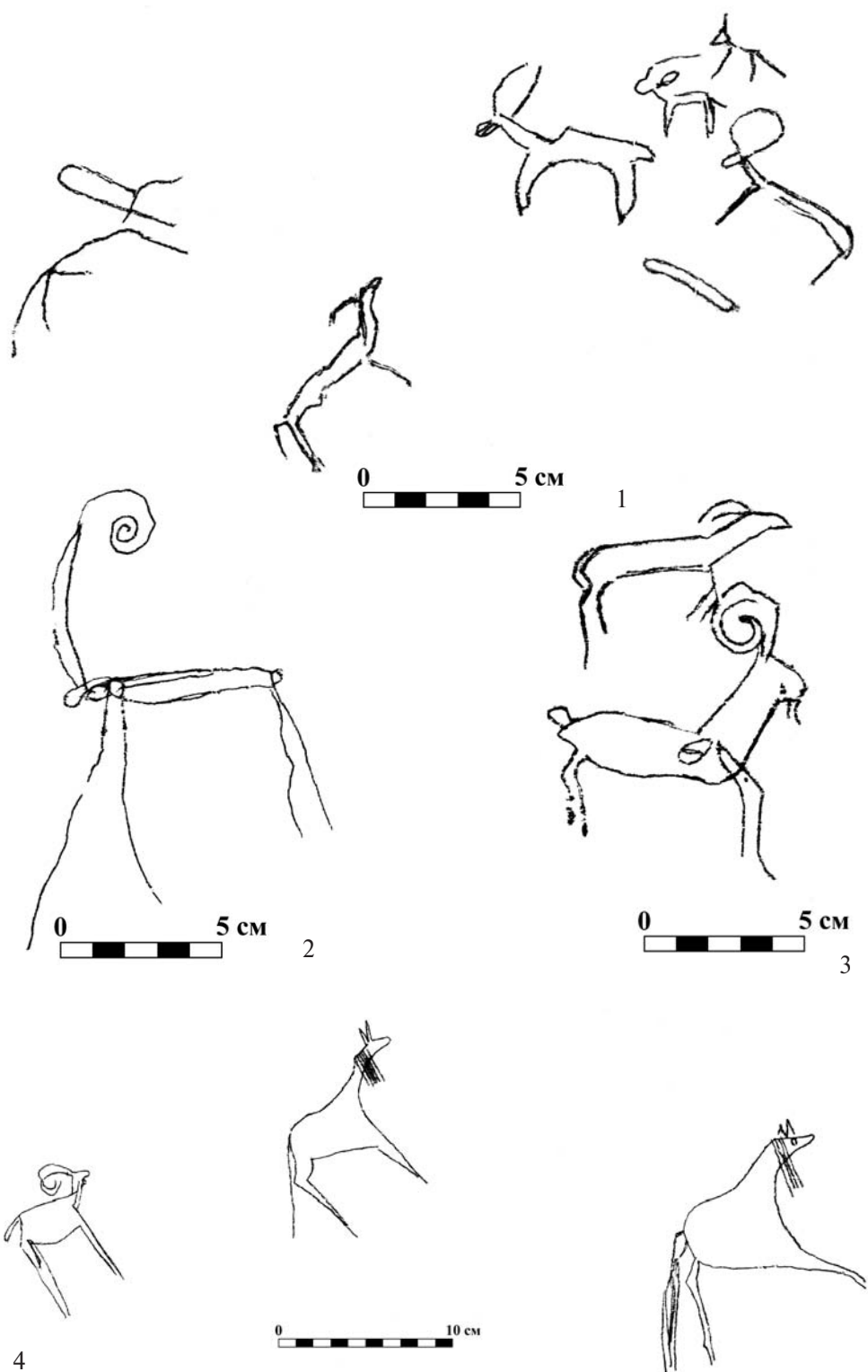

Табл. 38 (АК-83: 1 — рис. 22; 2 — рис. 23; 3 — рис. 26; 4 — рис. 28)

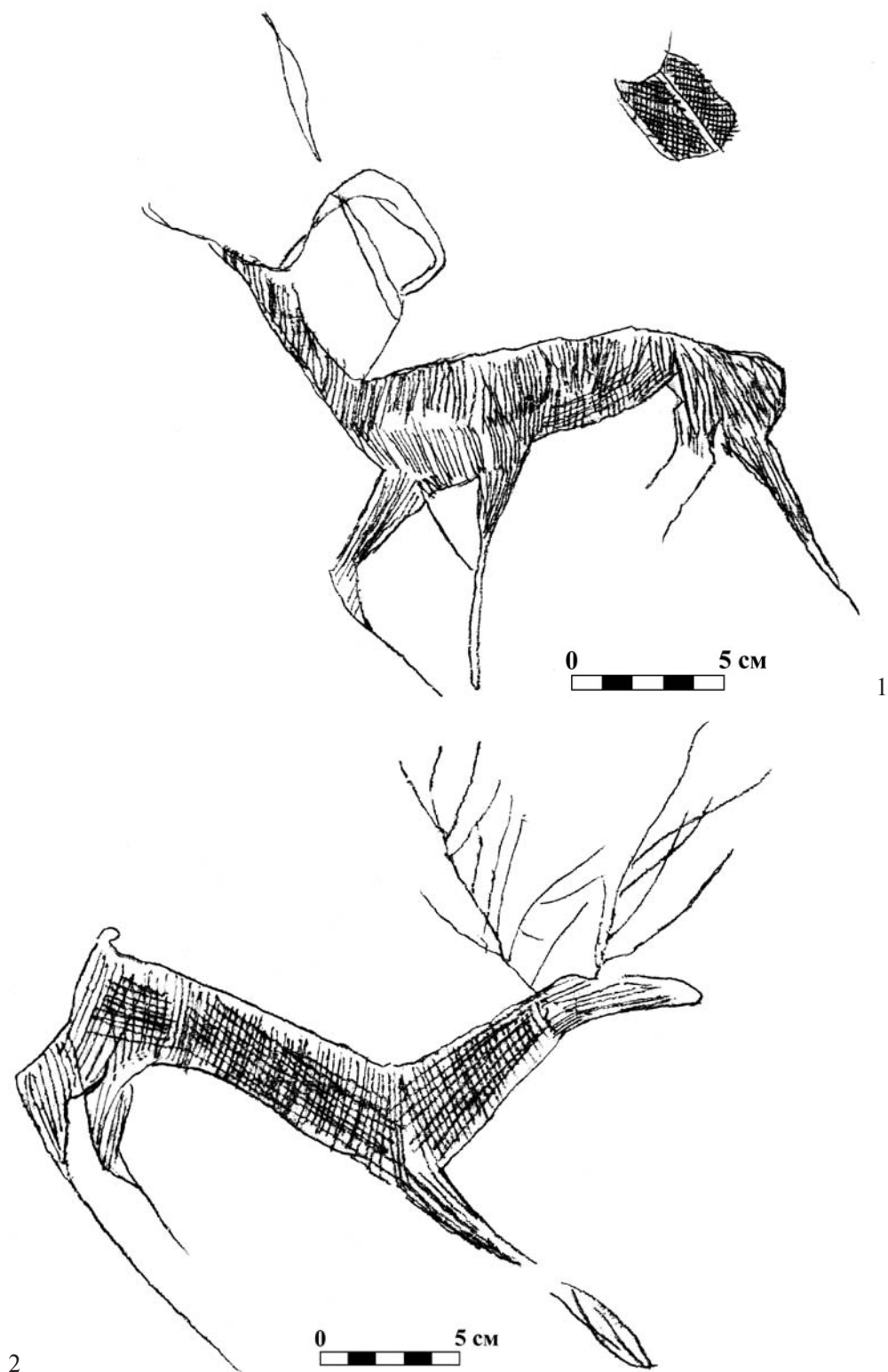

Табл. 39 (АК-83: 1 — рис. 24; 2 — рис. 29)

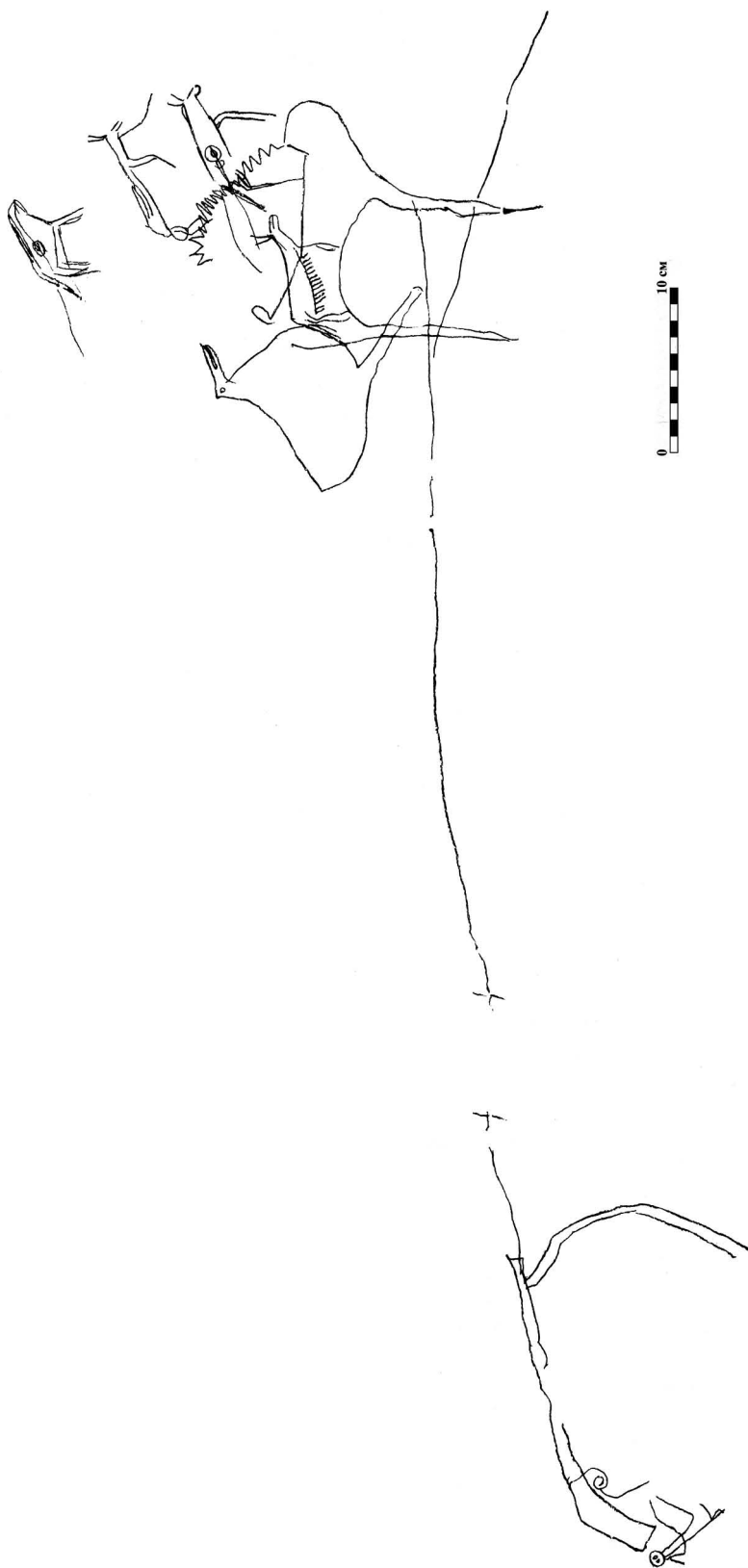

Табл. 40 (АК-83, рис. 27)

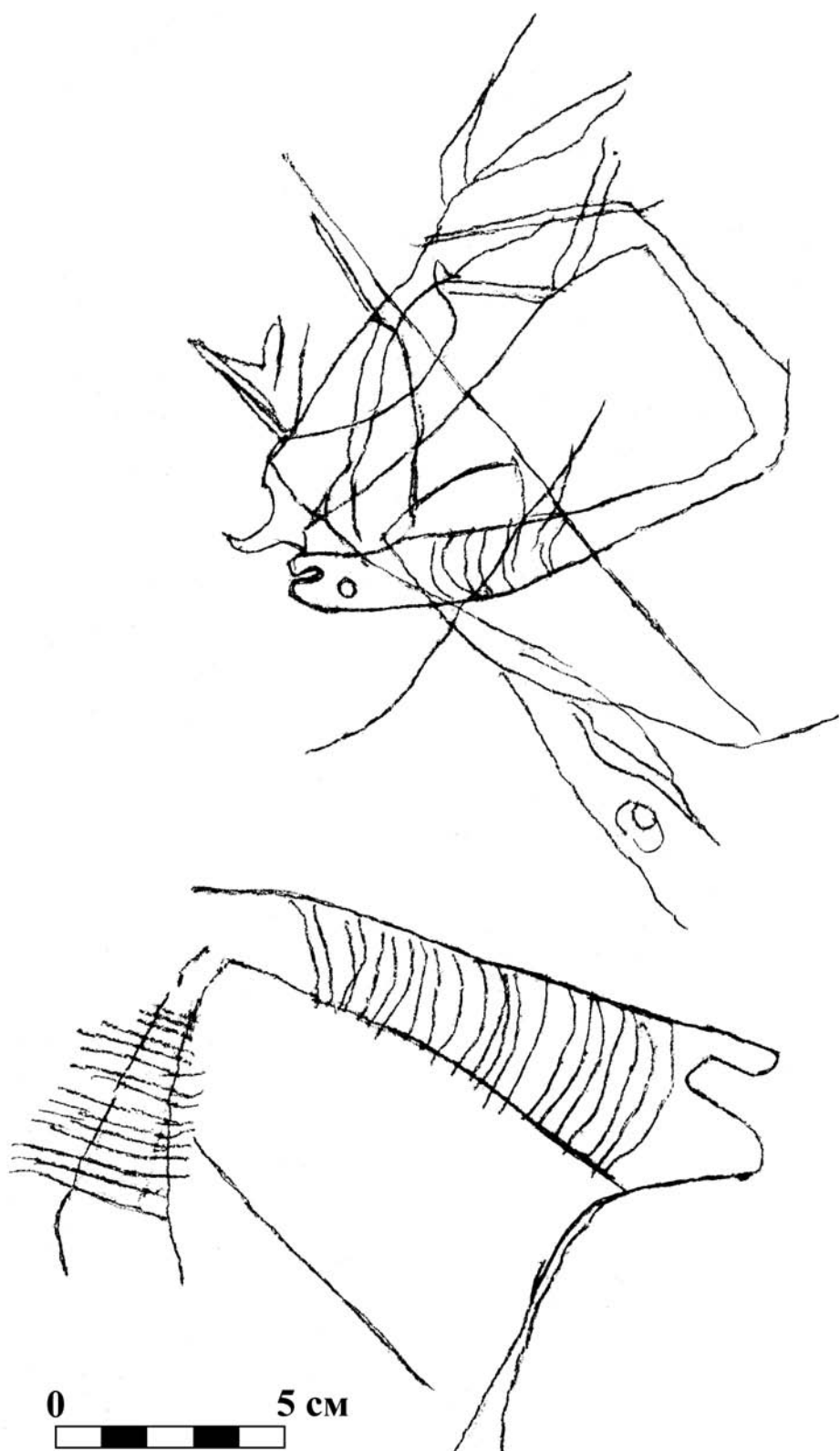

Табл. 41 (АК-83, рис. 45)

Табл. 42 (АК-83, рис. 46)

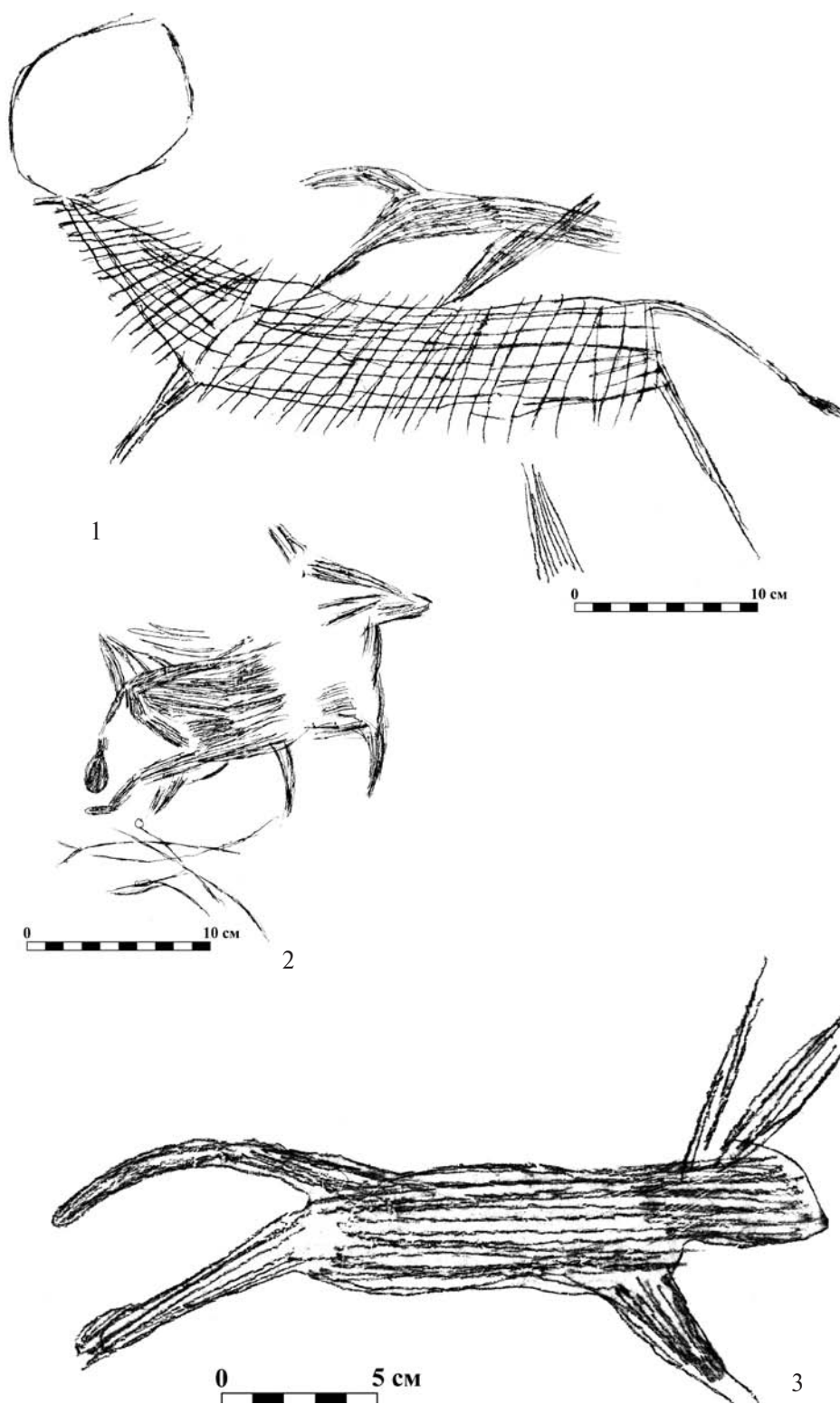
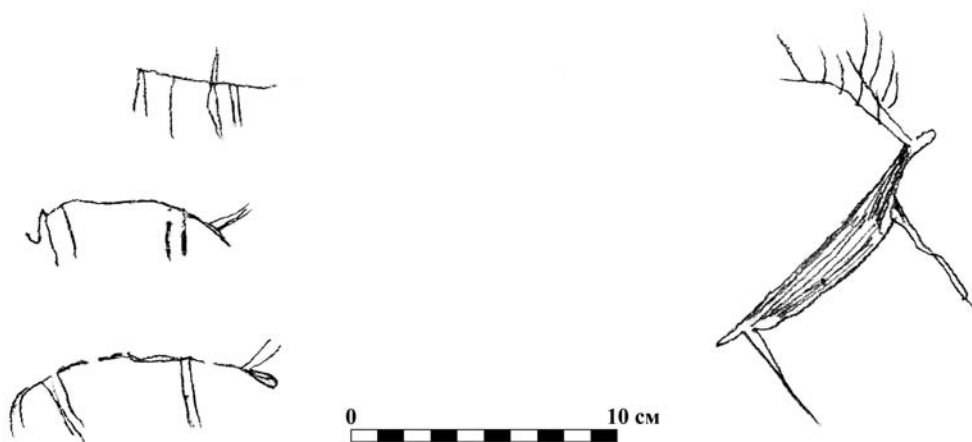

Табл. 43 (АК-83: 1 — рис. 47; 2 — рис. 51; 3 — рис. 50)

1

2

Табл. 44 (АК-83: 1 — рис. 52; 2 — рис. 63)

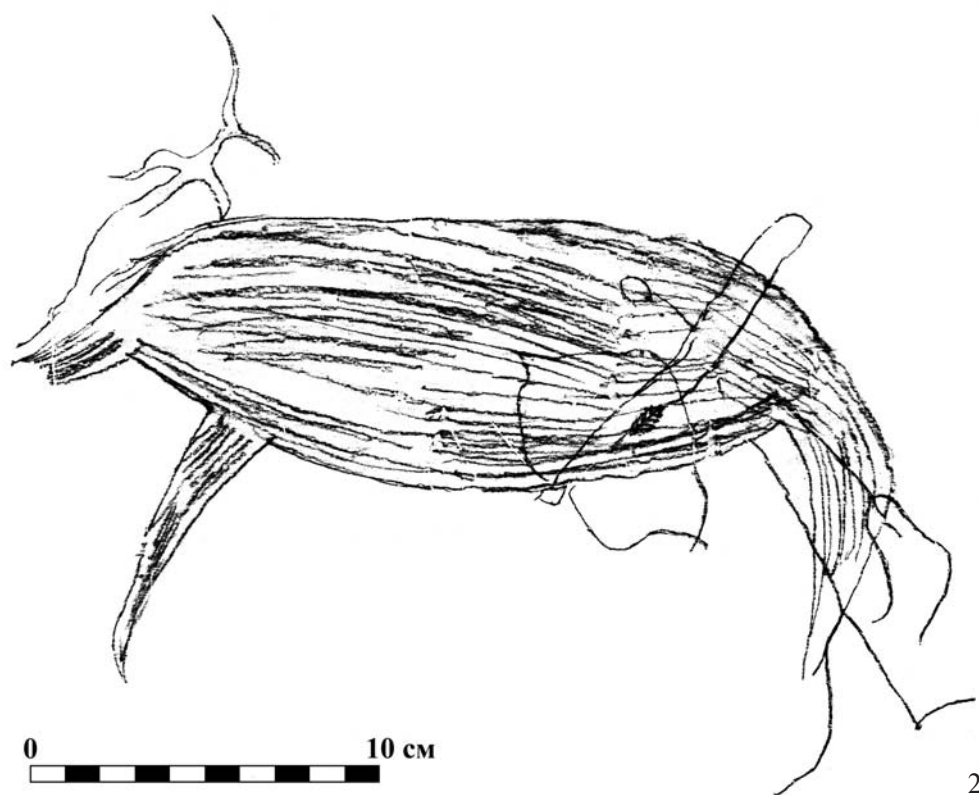
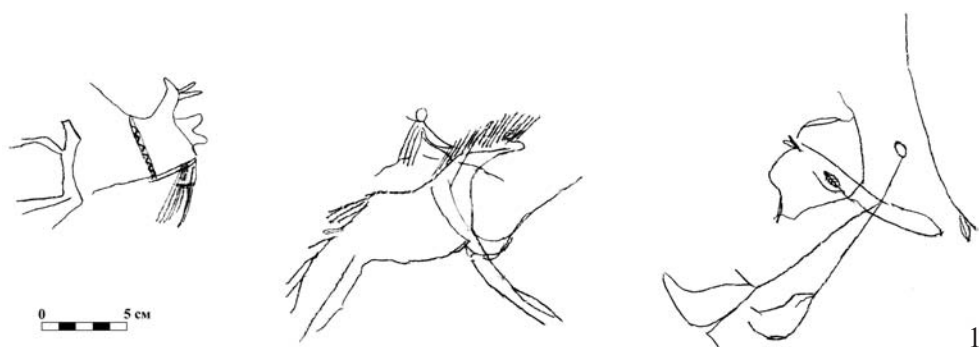

Табл. 45 (АК-83, рис. 30)

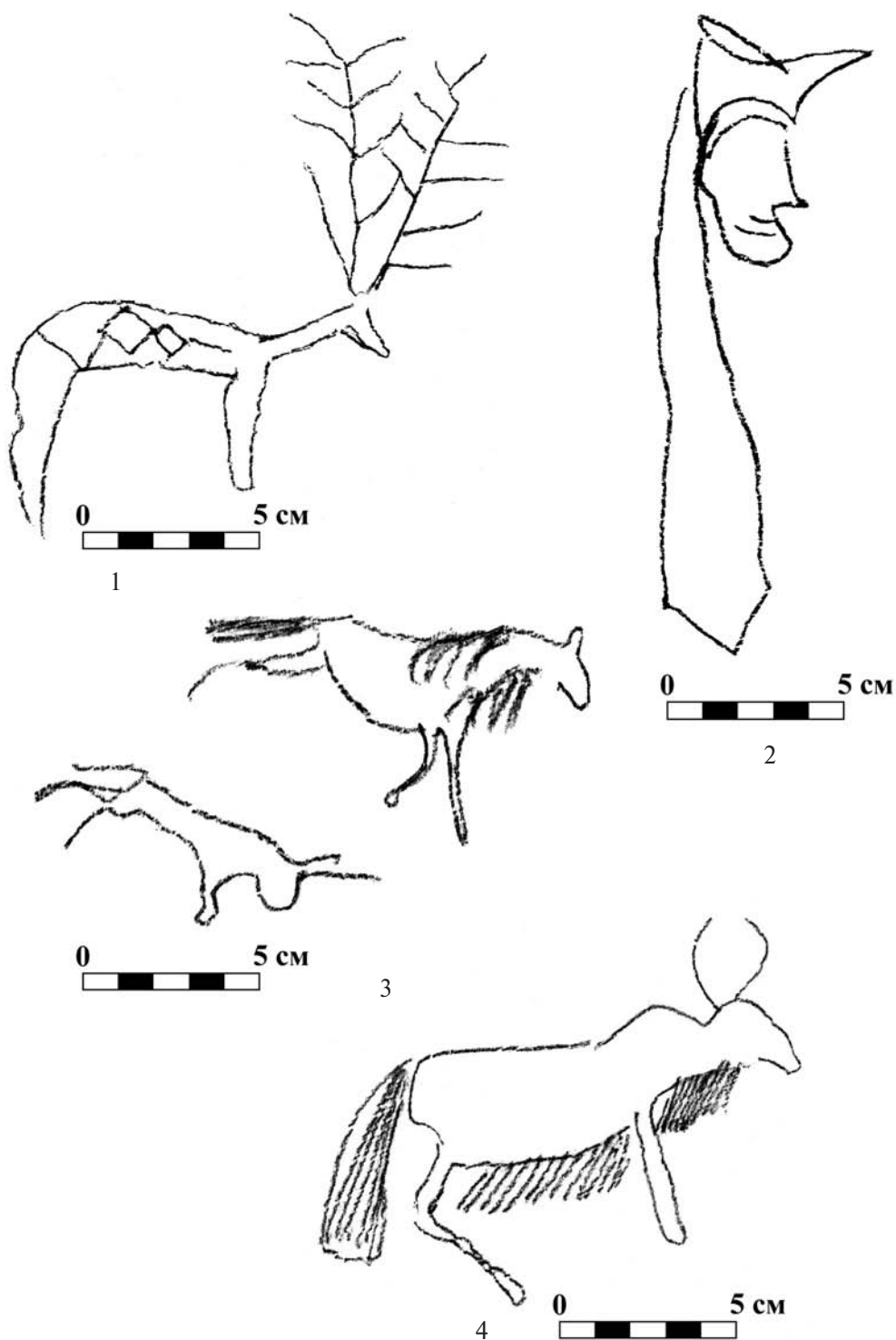

Табл. 46 (АК-83: 1 — рис. 34; 2 — рис. 62; 3—4 — рис. 68 а, б)

Табл. 47 (АК-83, рис. 40)

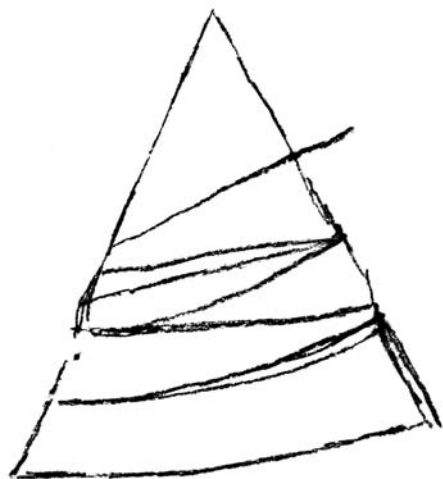
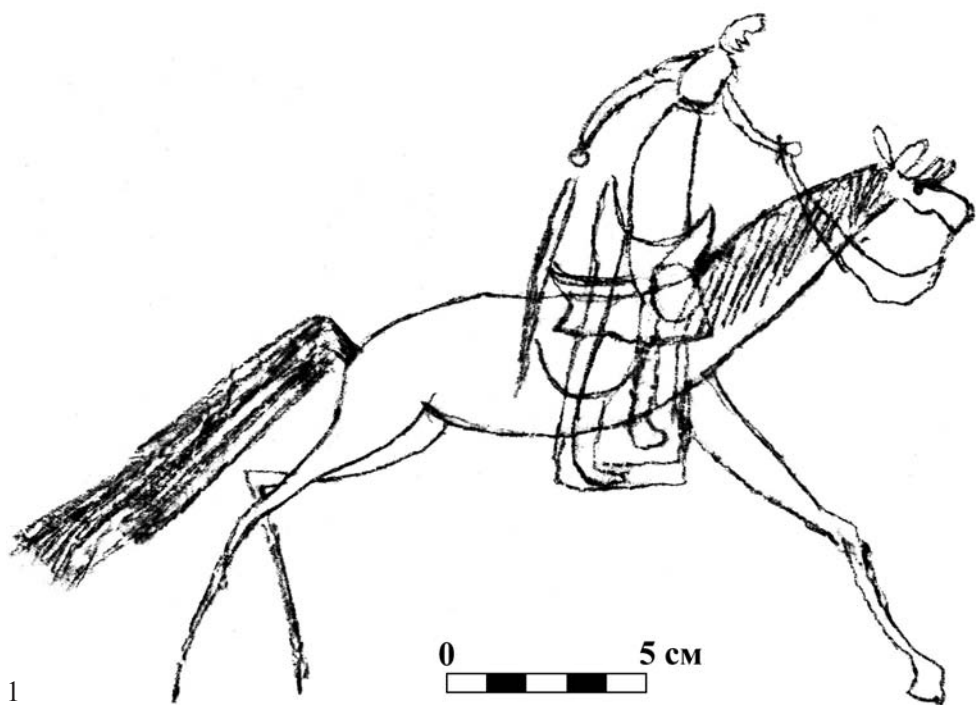

Табл. 48 (АК-83: 1 — рис. 44; 2 — рис. 61)

Табл. 49 (АК-83, рис. 53)

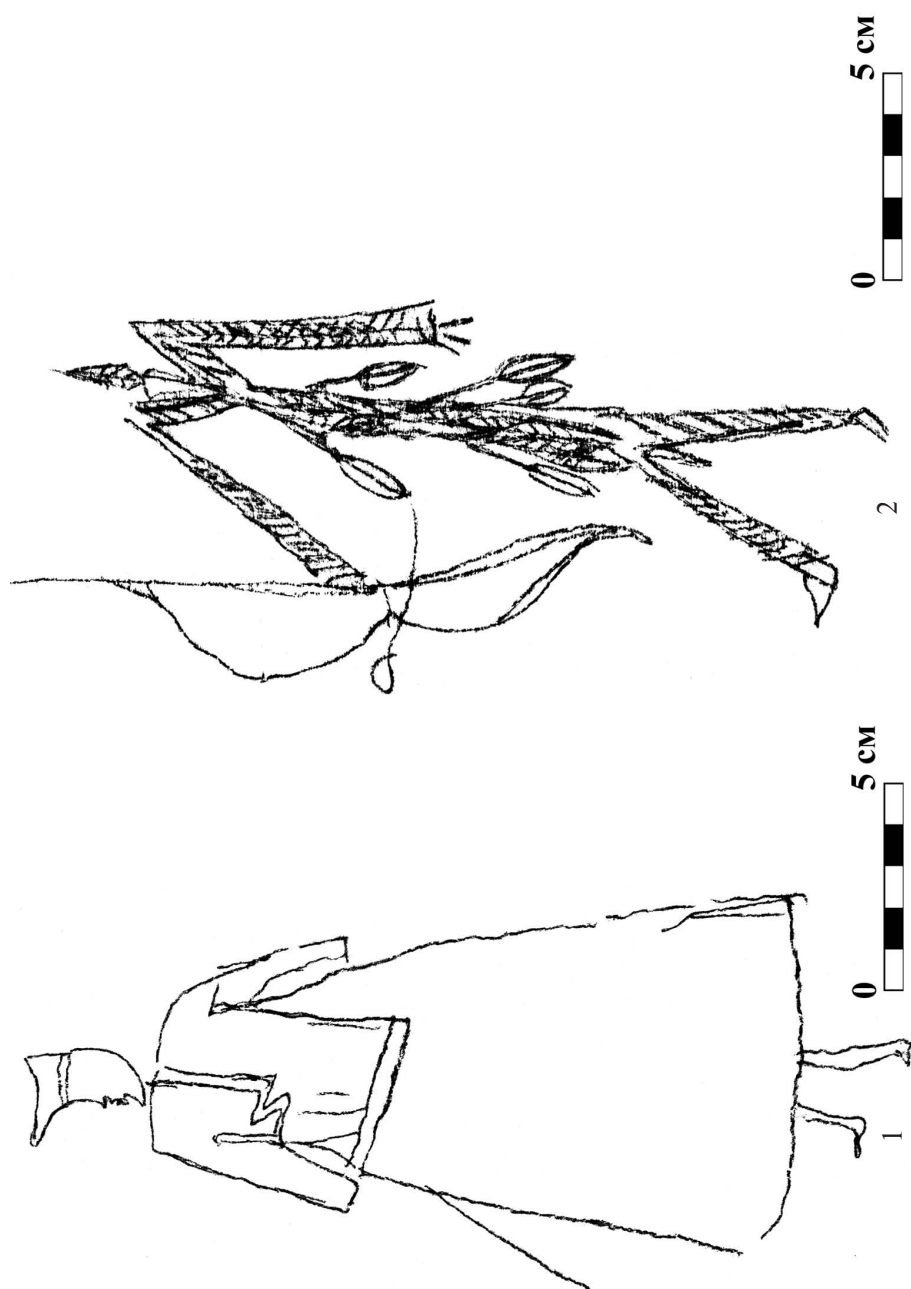

Табл. 50 (АК-83: 1 — рис. 55; 2 — рис. 76)

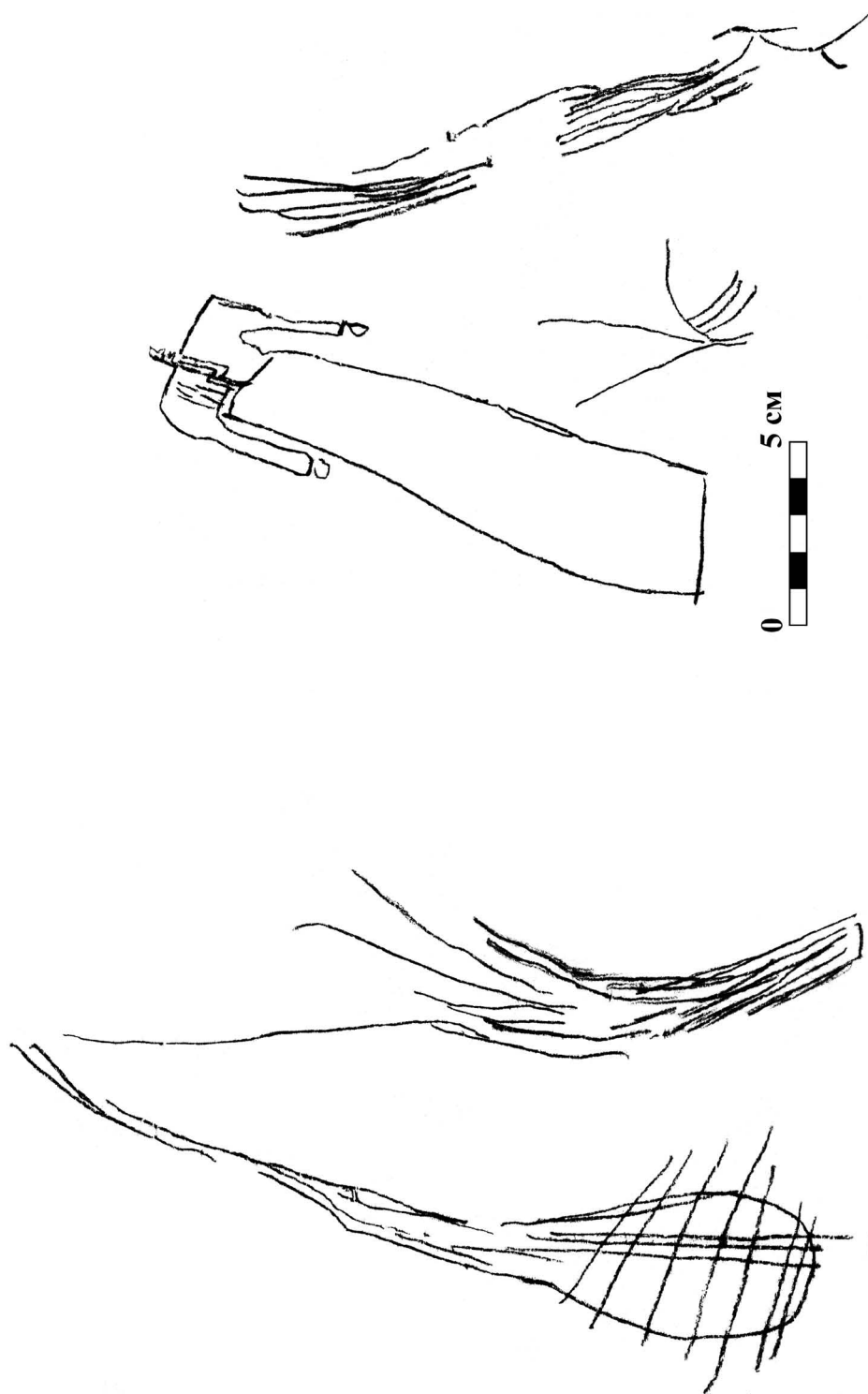

Табл. 51 (АК-83, рис. 59)

Табл. 52 (АК-83, рис. 60)

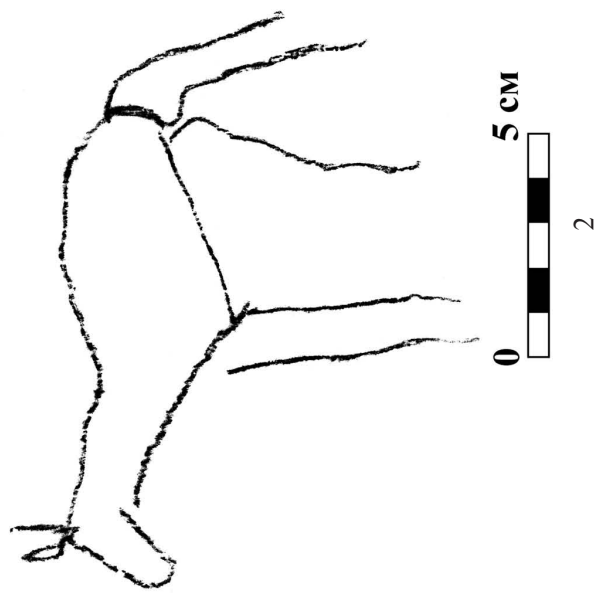
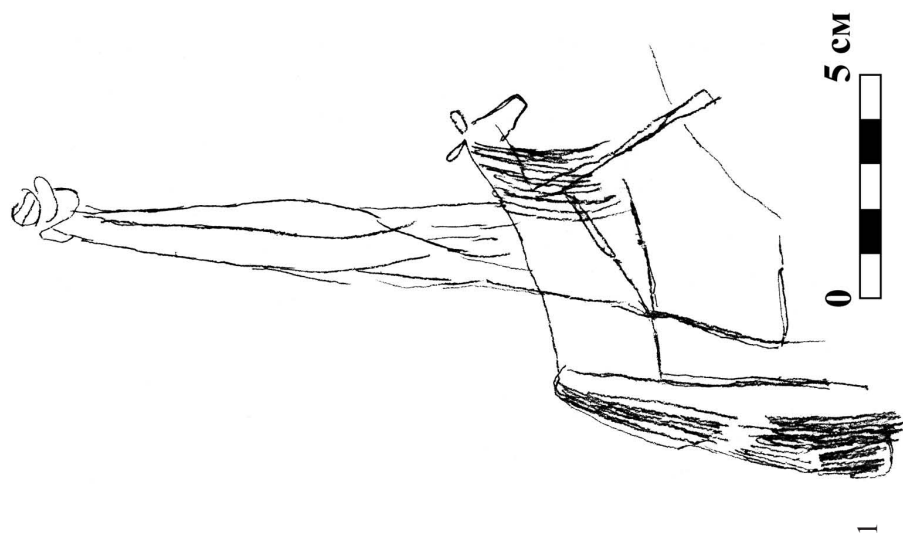

Табл. 53 (АК-83: 1 — рис. 64; 2 — рис. 70)

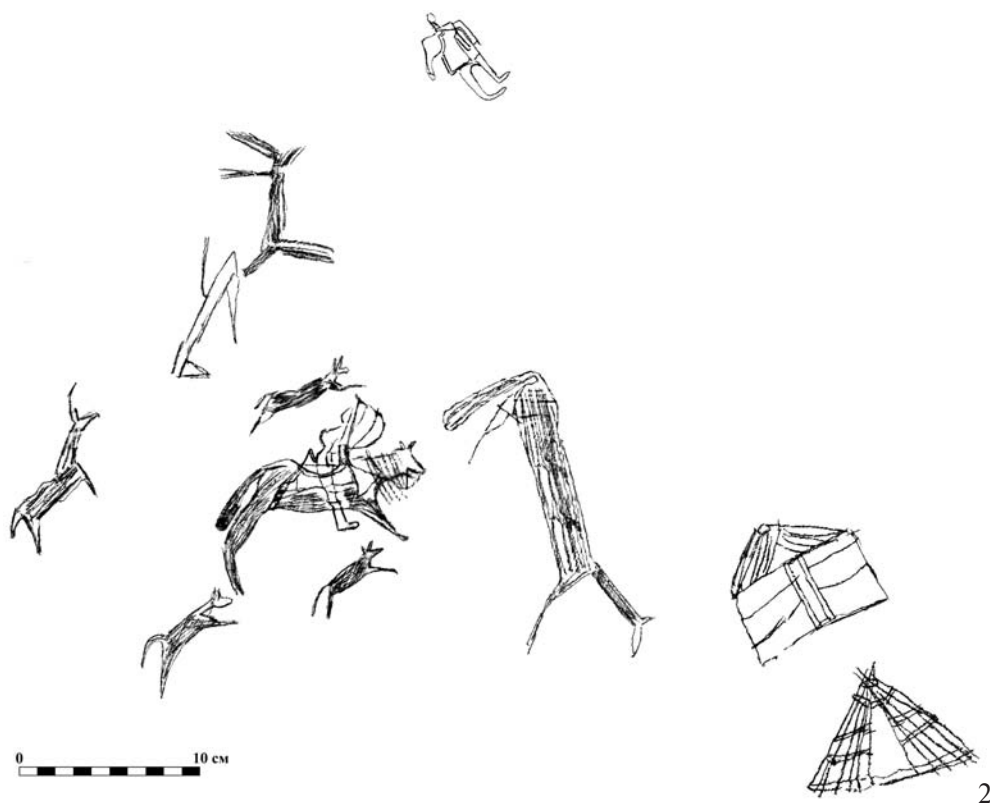
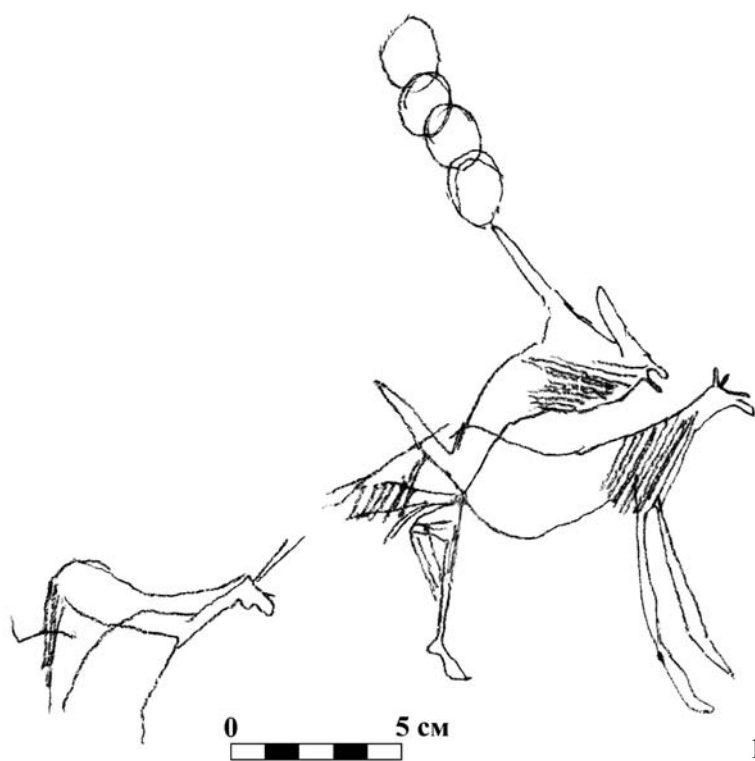

Табл. 54 (АК-83: 1 — рис. 65; 2 — рис. 66)

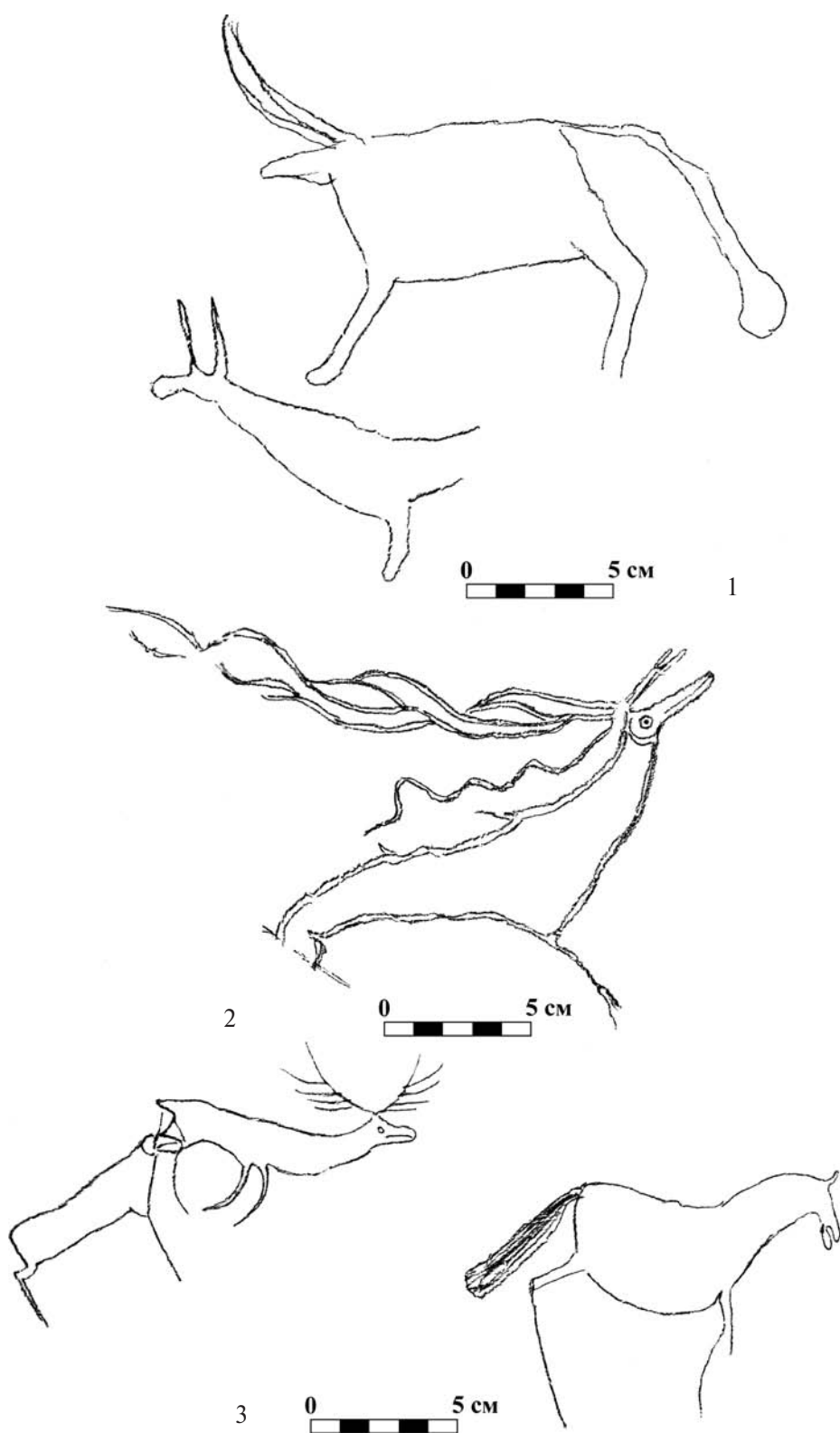

Табл. 55 (АК-83: 1 — рис. 67; 2 — рис. 69; 3 — 73)

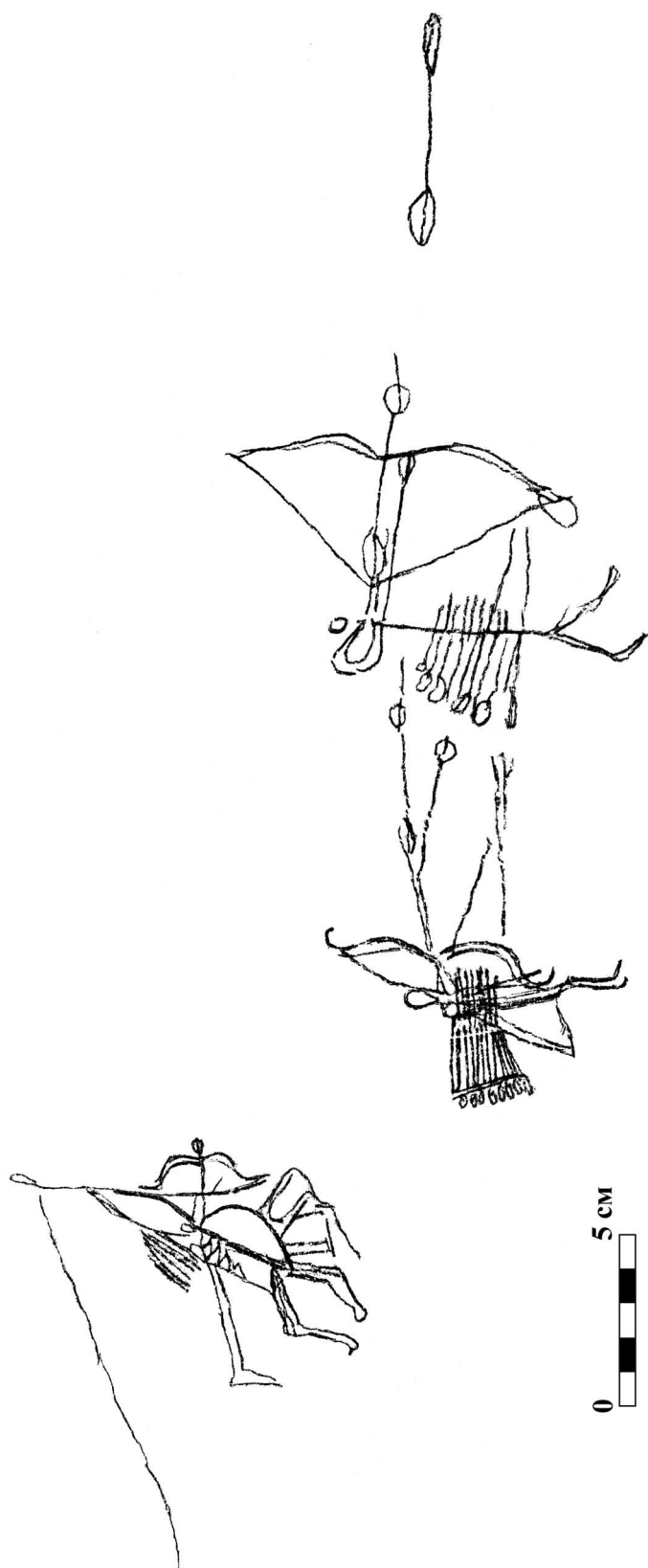

Табл. 56 (АК-83, рис. 71)

Табл. 57 (АК-83, рис. 72)

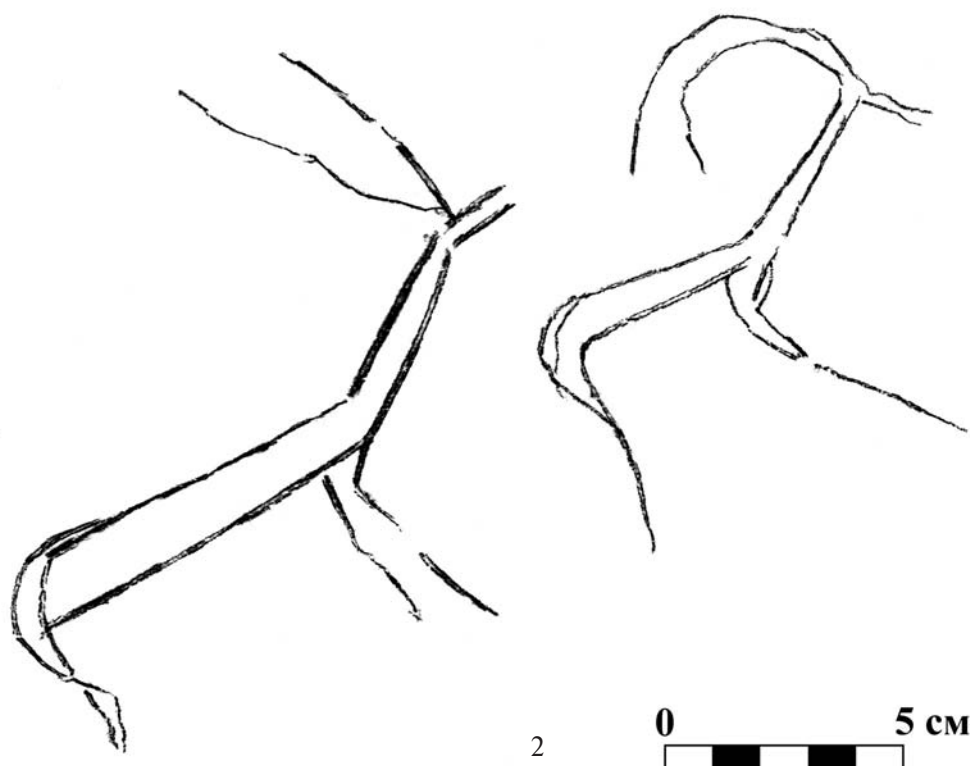
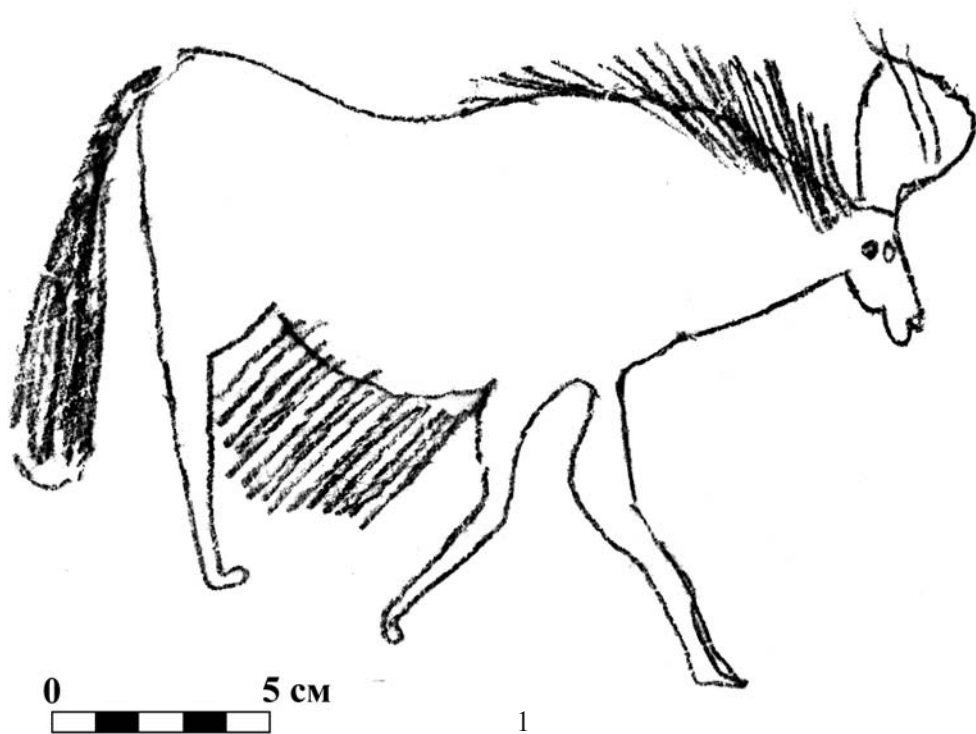
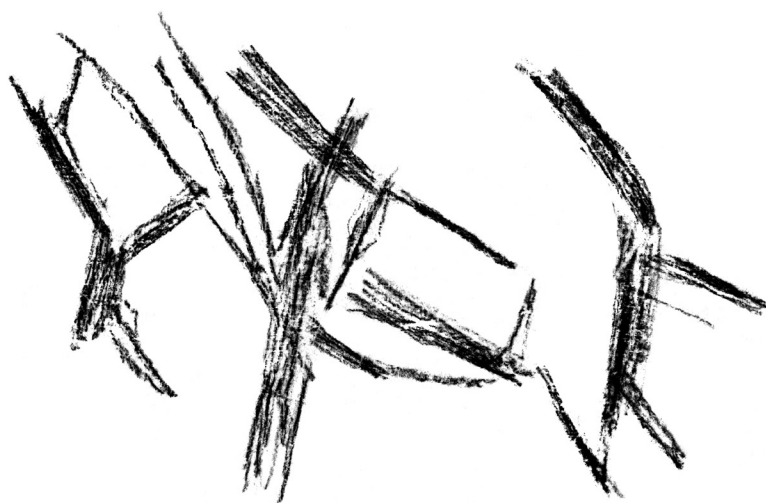
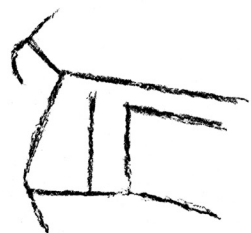

Табл. 58 (АК-83: 1 — рис. 72 (фрагмент); 2 — рис. 75)

Табл. 59 (АК-83: 1 — рис. 74)

1

2

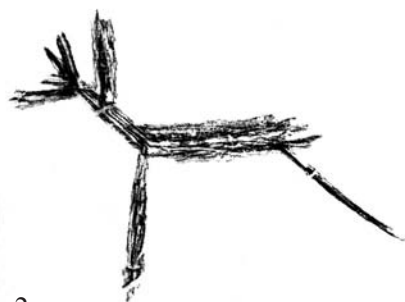
Табл. 60 (АК-83: 1 — рис. 79; 2 — рис. 82)

1

0 5 см

2

0 5 см

Табл. 61 (АК-83: 1 — рис. 80; 2 — рис. 81)

1

2

Табл. 62 (АК-83: 1 — рис. 86; 2 — рис. 83)

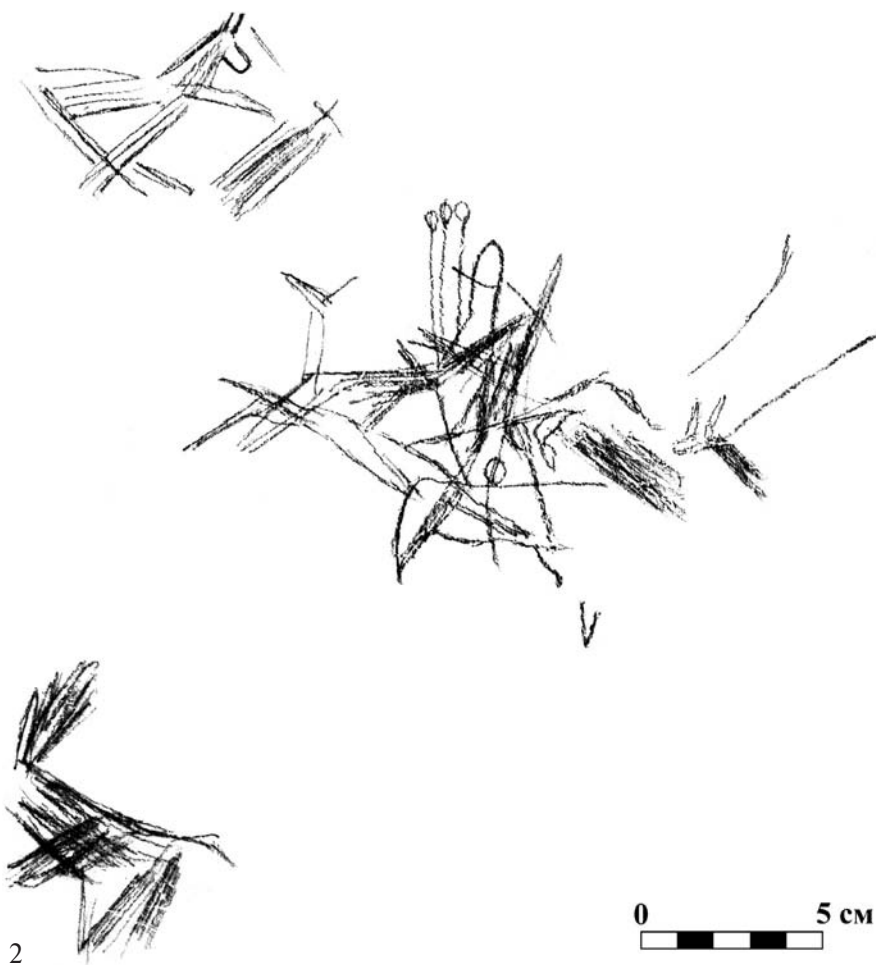
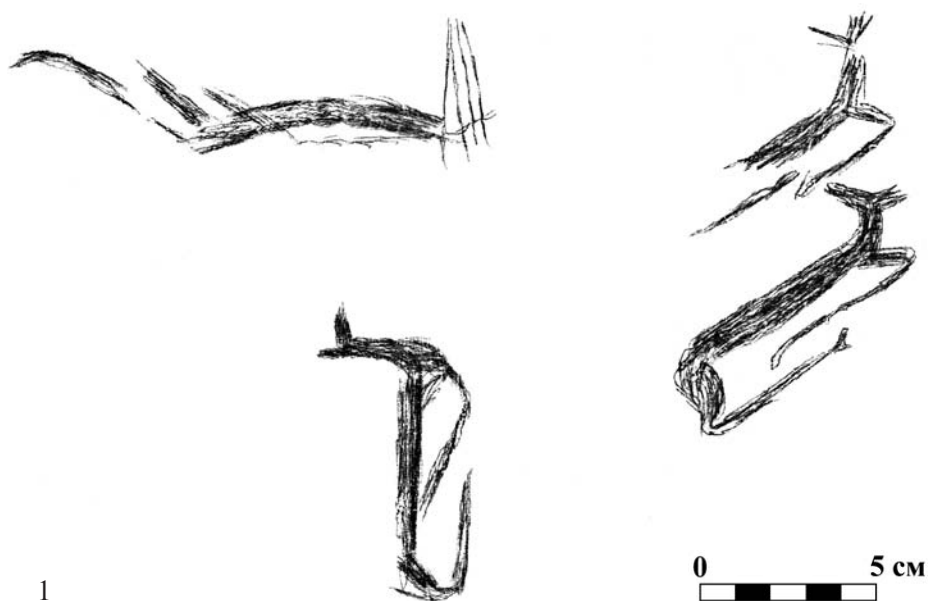

Табл. 63 (АК-83: 1 — рис. 84; 2 — рис. 85)

Табл. 64 (АК-83, рис. 94)

СКАНДИНАВСКАЯ БРОНЗА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МАЭ РАН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Коллекция датских древностей бронзового века № 1571 петербургской Кунсткамеры (МАЭ РАН) чрезвычайно ценна в историческом и культурном плане. Датскими учеными середины XIX столетия, работавшими в Королевском музее в Копенгагене, была разработана периодизация истории материальной культуры человечества, включавшая каменный, бронзовый и железный века. Эта периодизация, использующаяся по настоящее время, первоначально была составлена как обобщение результатов археологических раскопок в Дании.

В 1861 г., через два года после оригинальной публикации, в Санкт-Петербурге Императорской Академией наук была издана великолепная книга профессора Копенгагенского университета И.И.А. Ворсо — ведущего специалиста по скандинавским древностям бронзового века — «Северные древности Королевского музея в Копенгагене». В главе, посвященной бронзовому веку, Ворсо отмечал не имеющее аналогов в Европе качество северных бронз: «Древности, относящиеся к бронзовому веку, найденные в Дании, кроме того отличаются не только своими формами, орнаментикою, но частью даже самым составом от древностей бронзового же века в западной и южной Европе; они обыкновенно уступают соответственным древностям Датским как в совершенстве отделки, так и в изящности форм и орнаментами» [Ворсо 1861: 9].

История приобретения коллекции предметов бронзового века Кунсткамерой такова. Императорская Академия наук отправила в Копенгаген хранителя Этнографического музея Л.Ф. Радлова, и в результате его миссии была достигнута договоренность об обмене коллекционными предметами между двумя знаменитыми музеями. В предисловии к русскому изданию книги о северных древностях Копенгагенского музея, написанном российскими академиками Бэром и Шифнером, помимо впервые представленной на русском языке периодизации истории материальной культуры человечества с выделением каменного, бронзового и железного веков, рассказывается об этой миссии: «Академия сделала еще более. Она отправила в прошедшем году (т.е. в 1860-м. — *И.Г.*) в Швецию и Данию хранителя своего Этнографического Музея Л.Ф. Радлова, который усердно следит за этим предметом. Там он, при помощи гг. Томсена и Ворсо, изучил северные древности, прилежно также занялся северными языками, в особенности датским, для того, чтобы иметь возможность ознакомиться с многочисленными специальными трудами, появившимися в этих странах в разных видах и в разное время. Можно надеяться,

что со временем он сделает доступными русской публике главнейшие из этих трудов в виде общих обзоров» (Там же: X).

В рукописном отчете о новых поступлениях в Кунсткамеру академика Шредера и консерватора Л. Радлова за 1862 год отмечено: «4. В обмен за отправленные, согласно развитию Кооперации, в Копенгаген 28 номеров из числа Дублетов Этнографического Музея И. А. Н. присланы Королевским Этнографическим Музеем Копенгагенским:... д) 39 т. наз. бронзового века...» [Отчет о состоянии и приращениях Этнографического Музеума в течение 1862-го года].

Перейдем к описанию коллекции МАЭ РАН № 1571. Используемая по настоящее время хронология, как известно, базируется на периодизации Оскара Монтелиуса, разделившего в 1885 г. более чем тысячелетнюю эпоху бытования северных бронз на шесть периодов. Описание коллекции № 1571 опирается на хронологическую шкалу Монтелиуса, так как типы вещей, представленных в ней, достаточно показательны.

I период (1700 г. до н.э. — около 1500 г. до н.э.).

1571-1 (рис. 1). Пальштаб секирообразной формы. Форма топора сложилась под влиянием центральноевропейской Унетицкой культуры. Его аналоги — № 10 и отчасти № 11 из сводки Ханса Кристиана Брохольма [Broholm 1952: 44].

Рис. 1.

Следует подчеркнуть, что форма и особенно орнаментация оружия I периода демонстрируют сильные влияния Унетицкой культуры. Правда, на некоторых вещах уже появляется восточно-средиземноморский по происхождению орнамент бегущей спирали (например, на копье № 28 и пальштабе № 32, по Брохольму [Ibid.: 46]). К самому раннему времени начала бронзового века в Дании относится и меч из Рербю, на котором выгравировано изображение корабля с тараном средиземноморского типа (возможно, XVII век до н.э.). Таким образом, контакты с микенскими и пилосскими царскими домами, в погребениях которых (микенские могильные круги А и В, пилосские толосы и могильный круг) найдены украшения из балтийского янтаря [Beck 1965: 96–106], уже имели место, но в I период превали-

ровали еще более мощные центральноевропейские влияния со стороны Унетицкой культуры.

II период (1500 г. до н. э. — 1200–1100 гг. до н.э.)

Хронологически этот период почти совпадает с позднеэлладским (ПЭ) периодом в Греции, т.е. со временем расцвета микенской цивилизации. Поэтому совершенно неудивительно, что вследствие интенсивных контактов, вероятно морских, с Восточным Средиземноморьем, преобладающим на скандинавских вещах становится орнамент бегущей спирали (к сожалению, в известной монографии Элизабет Хернер скрупулезно рассмотрено региональное варьирование мотивов этого орнамента, но ничего не говорится о связях Скандинавии и Микен [Herner 1989]).

В коллекции № 1571 орнамент бегущей спирали представлен на оконечностях двух ребристых «воротников» (№ 1571-18 и № 1571-19).

1571-2 (рис. 2, 3). Пальштаб с V- или U-образными углублениями на боковинах. В углубления боковины вставлялся расщепленный сук, отходя-

Рис. 2.

Рис. 3.

щий от ветви, использовавшейся в качестве древка. Аналоги у Брохольма — № 100, 101 [Broholm 1952: 50].

1571-3 (рис. 4, 5). Пальштаб редкого для Дании типа, по Брохольму, британского происхождения. Брохольм опубликовал аналогичный экземпляр под № 105 [Ibid.]. Это небольшой и достаточно массивный простой пальштаб с закраинами. Максимальная ширина лезвия 44 мм, длина 115 мм, максимальная толщина 27 мм, протяженность закраин 59 мм, максимальная ширина обуха 17 мм.

1571-4 (рис. 6, 7, 8, 9). Рукоять меча граненая. Рукояти меча аналогичной формы — № 81 и № 82 в сводке Брохольма [Ibid.: 49].

Рукоять украшена орнаментом двух типов: первый — из трех concentрических кружков с точкой в центре (группа A I : 3 b по типовой классификации элементов Элизабет Хернер [Herner 1989: 25]) — в сочетании со вторым — линейным орнаментом из двух спиралей, соединенных петлей.

На одной стороне рукояти сохранился великолепный орнамент, каждый элемент которого составляют три concentрических кружка друг в друге с выбитой в центре точкой. Идентичный орнамент также сохранился на круглой гарде рукояти. Четыре пояса кружков на рукояти разделены орнаментальными поясами, каждый — с орнаментом из четырех горизонтальных линий. Рукоять граненая, имеет восемь граней.

Рис. 4.

Рис. 5.

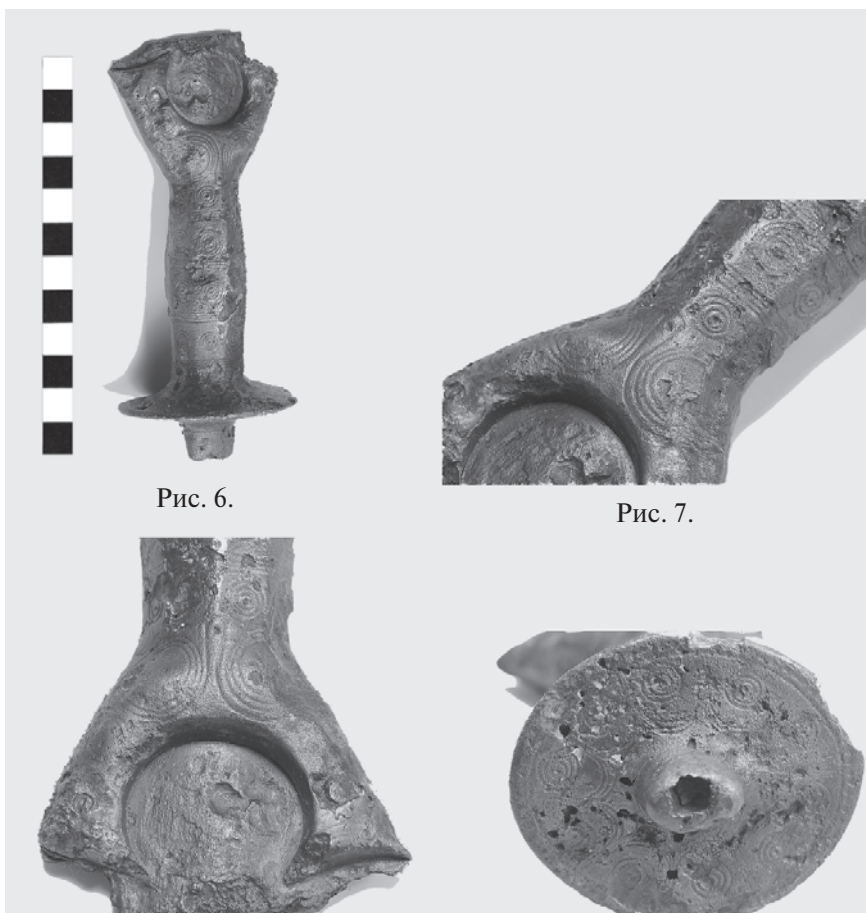

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

На каждой грани в каждом поясе содержится кружок, на орнаментированной внешней стороне гарды — десять кружков. В центре гарды вокруг выступа, на который насаживалось лезвие, они окаймляют орнамент в виде многолучевой звезды, вогнутые стороны лучей распределяются по одной на кружок, лучи тянутся до орнаментального бордюра, окаймляющего всю овальную гарду. На овальный бордюр нанесен орнамент двух типов: внешний обод — точки, внутренний — одинарная выгравированная борозда. Навершие рукояти меча обломано, до места повреждения к концу оно расширяется и уплощается, в центре с двух сторон прослеживается округлая выемка.

На рукояти выгравированы две симметричные четырехлинейные спирали. Внешние витки спиралей соединяются идущим между спиралями в сторону гарды петлеобразным аппендиксом. Этот орнамент не следует путать с бегущей спиралью. Такой характерный орнамент, по Гимбутас, является солярным символом и маркирует индоевропейские древности второй волны вторжения индоевропейских кочевников, нахлынувшей на Западную Европу. Два идентичных символа из парных спиралей, соединенных идущей вверх петлей, рядом с антропоморфным божеством с солярным диском вместо головы прорисованы на гораздо более древней, чем скандинавский артефакт, североитальянской стеле из Кавена, Тельо, долина Вальтеллина (ок. 3000 г. до н.э.) [Gimbutas 1997: 294; Гимбутас 2006: 442]. Вероятно, на рукояти датского меча изображен этот древний индоевропейский символ, переживший века.

1571-5a (рис. 10, 11). Кинжал изысканной формы длиной 260 мм, максимальной шириной 40 мм, с двумя симметричными выгравированными линиями на лезвии, эффектно подчеркивающими форму клинка, который плавно расширяется у рукояти. Узкий язык основы рукояти имеет 40 мм в длину.

Рис. 10.

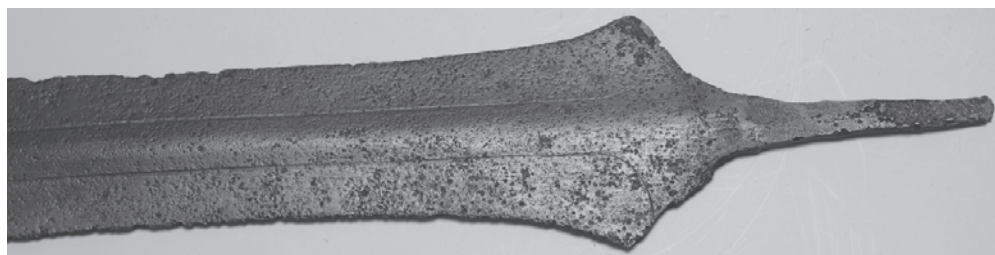

Рис. 11.

1571-10 (рис. 12). Меч средневропейского типа, колюще-рубящий, имеет ромбовидный в сечении клинок 760 мм в длину и шириной в среднем 30 мм. Бронзовый язык основы рукояти длиной 65 мм составляет с клинком одно целое.

Рис. 12.

1571-12 (рис. 13). Фрагмент бронзового серпа с центральным ребром жесткости и зубцами по краю. Известно 68 серпов такого типа, 27 из них найдены в семи кладах вместе с другими вещами второго периода. Серпы этого типа встречаются на Датских островах и в Восточной Ютландии, но совершенно неизвестны в Западной Ютландии.

Рис. 13.

Аналог — № 406 каталога Брохольма [Broholm 1953: 92–93].

1571-18 *a, b, c, d, e, f* (рис. 14, 15). Реставрированный «воротник» из тонкой бронзовой пластины с характерной ребристой поверхностью, рядами насечек на гребнях и орнаментом бегущих спиралей на плоскости оконечности. В данном случае представлена композиция из четырех бегущих спиралей, расположенных одна за другой по длине «воротника». Каждая бегущая спираль состоит из двух спиралей, расположенных по высоте «воротника», закрученных по часовой стрелке и соединенных между собой одинарными линиями (группа А III : 1 I по типовой классификации элементов Элизабет Хернер [Herner 1989: 27]). Микенское происхождение орнамента, бывшего показателем социального статуса, доказывается, по моему мнению, хронологическим соответствием поздне-элладского (ПЭ) периода в Греции и временем бытования орнамента бегущей спирали в Скандинавии (преимущественно второй период, по

Рис. 14.

Рис. 15.

Оскар Монтелиусу), а также концентрацией балтийского янтаря в погребениях царских семей Микен и Пилоса.

Аналоги из сводки Брохольма — № 175—178 [Broholm 1952: 53].

1571-19 a, b (рис. 16, 17). Ребристый «воротник» из двух фрагментов с орнаментом бегущей спирали на плоском конце, сходный с предыдущей вещью, но худшей сохранности. Сохранились два фрагмента предмета.

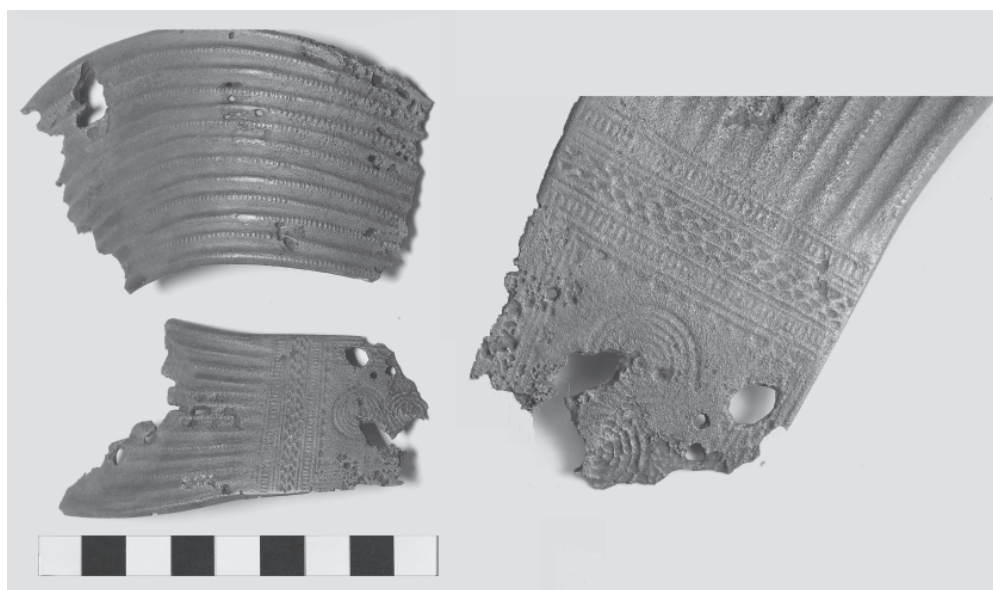

Рис. 16.

Рис. 17.

Диаметр целой вещи составлял, вероятно, около 140 мм по верхнему краю и приблизительно 150 мм по нижнему краю. Толщина пластины приблизительно от 0,5 мм в районе борозд и более 1 мм в области греб-

ней. У более крупного фрагмента внешняя поверхность покрыта рельефом из тринадцати гребней, на гребни частично нанесена поперечная насечка. Другой фрагмент представляет собою частично сохранившийся конец «воротника» в виде богато орнаментированной плоской пластины. Здесь поперек окончаний гребней по высоте «воротника» расположены две орнаментальные полосы из мелких параллельных линейных насечек, ограниченных с одной стороны одной, а с другой — двумя прямыми линиями. Между этими полосами лежит орнаментальная полоса, состоящая из четырех рядов треугольных углублений, образующих как бы две выпуклые зигзагообразные линии. За второй полосой из линейных насечек располагается орнамент из крупных бегущих спиралей, вероятно древний орнамент, аналогичный микенскому или более раннего времени (критскому и кикладскому). По длине воротника частично сохранились две спирали из 5–6 витков. Спиральный орнамент окружен прямоугольной рамкой из ряда треугольных углублений и шести прямых линий с обеих сторон по длине «воротника». В данном случае скандинавский артефакт хронологически соответствует позднеэлладскому периоду Греции (ПЭ), т.е. расцвету микенского искусства, поэтому сходство орнаментации в виде бегущей спирали при постулировании глубокой культурной диффузии этого важного элемента восточно-средиземноморской культуры в Скандинавию бронзового века представляется вполне объяснимым.

III период (1200–1100 гг. до н.э. — около 950 г. до н.э.).

1571-56 (рис. 18, 19). Навершие меча. Аналог — № 240 в работе Брехольма [Broholm 1952: 58].

Рис. 18.

Рис. 19.

Это богато орнаментированное пирамидальное навершие скандинавского типа. На трубчатой насадке на рукоять — три орнаментальных пояса, разделенных четырьмя прорезями — по две с каждой стороны. Орнамент двух нижних орнаментальных поясов состоит из ряда мелких

вертикальных линейных насечек, ограниченных с обеих сторон непрерывными линиями. Выше нанесен пояс с орнаментом из двух рядов треугольных углублений, обращенных вершинами треугольников друг к другу. Непосредственно под пирамидой навершия проходят три выпуклые окантовки с орнаментом в виде косых насечек, наклон которых противоположен наклону на соседних окантовках. Над последней окантовкой расположен еще один ряд из треугольных углублений. Основание пирамиды навершия представляет собой квадратную платформу, орнаментированную по высоте четырьмя параллельными линиями. Линейный орнамент на пирамиде навершия образует пять поясов. Три пояса имеют такое же расположение насечек, как и окантовки на трубчатой насадке на рукоять. Между ними — два пояса с непрерывной линией по оси. В центре располагается высокий выступ усеченного конуса, орнаментированный семью параллельными круговыми линиями. Вокруг выступа симметрично на гранях и ребрах пирамиды расположены восемь округлых отверстий, окаймленных окружностями и служащих для крепления навершия к органической основе рукояти.

1571-7 (рис. 20). Обломок оконечности клинка меча с желтым блеском очищенной бронзы. Линейная орнаментация каждой стороны клинка состоит из двух полос, образованных тремя параллельными линиями, расположенных симметрично оси клинка. Аналоги каталога Брохольма — № 236 и № 238 [Broholm 1952: 58].

Рис. 20.

1571-8 (рис. 21). Бронзовая основа рукояти с частью клинка меча, аналогичного № 243 и № 244 в книге Брохольма [Ibid.: 58].

Восемь сквозных отверстий диаметром 5 мм в бронзовой пластине основы служили для крепления костяных, роговых, янтарных или деревянных пластин рукояти, на основе рукояти также выступают семимиллиметровые закраины, в которые вставляли пластины.

1571-11 (рис. 22). Однолезвийный кривой нож, вероятно, служил для бритья. Такие ножи встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Вещи этого типа внесены в работу Брохольма под номерами 254, 255, 256 и 257 [Ibid.: 59].

Рис. 21.

Рис. 22.

1571-26 (рис. 23). Спиральный пружинный браслет с утраченными уплощенными концами. Аналог по Брохольму — № 305 [Ibid.: 61]. Браслет для тонкой руки представляет собой бронзовую пружинную спираль из четырнадцати витков с постепенно уменьшающимся диаметром, позволяющую при движении. Внешняя поверхность каждого витка выступает клином. Внутренняя поверхность плоская. Последние два витка спирали меньшего сечения. Браслеты подобного типа имеют центральноевропейские аналогии.

IV период (около 950–800 гг. до н.э.)

1571-14 (рис. 24). Бритва подтреугольная, орнамент по верхнему краю линейно-геометрический. Нижний ряд орнаментики состоит из мелких

Рис. 23.

Рис. 24.

треугольных углублений, расположенных вершиной вниз, выше выгравированы три параллельные борозды, далее следует пояс косых насечек, выше у края бритвы нанесена еще одна борозда. Изогнутая, как лебединая шея, рукоятка заканчивается стилизованной птичьей головкой. Шесть экземпляров бритв такого типа, являющихся, вероятно, работой одного ремесленника, найдены в Северной Ютландии. Аналог по Брохольму — № 50 [Broholm 1953: 65].

1571-16 (рис. 25). Это самая миниатюрная бритва — фрагмент длиной 51 мм. Вероятно, общая длина изделия составляла 56 мм. Ручка бритвы — упрощенный вариант мотива изогнутой птичьей шеи с клювом в форме крючка.

Рис. 25.

1571-17(рис. 26). Фибула очковая, плохой сохранности, покрыта пленкой зеленоватого окисла. В сводке Брохольма типологически близкие номера — № 54, 55 и 56 [Ibid.: 65].

Рис. 26.

Общая ширина 140 мм, диаметр дисков 55 мм, ширина выпуклого валика бордюра дисков, покрытого косой насечкой, около 4 мм, толщина перемычки между дисками — от 4 до 7 мм (утолщения перемычки по сторонам, прикрепляющимся к дискам), длина перемычки 36 мм. Центральная часть перемычки между утолщениями покрыта поперечной насечкой. В центре левого диска сохранился «умбон» диаметром приблизительно 5 мм.

1571-22(рис. 27). Небольшой нож, 122 мм длиной, использовавшийся в качестве туалетной принадлежности. 79 образцов подобных ножей найдены в Ютландии, 44 — на Датских островах. Аналог № 33 в сводке Брохольма несколько меньше [Ibid.].

Рис. 27.

1571-27 (рис. 28). Пуговица сложной формы. Состоит из штыря, двух дисков на его концах, из которых более крупный — собственно пуговица, и конуса, расширяющегося к более крупному диску и расположенного рядом с ним. Орнаментация состоит из параллельных борозд, которые охватывают штырь и конус, на конусе ближе к максимальному диаметру прослеживается орнамент из косых насечек, выгравированных между бороздами. Этот тип пуговиц произошел от более простых двойных пуговиц третьего периода, состоящих из двух соединенных стержнем дисков, но без внешнего штыря, и хорошо иллюстрирует тенденцию увеличения вещей и усложнения орнаментации в позднем бронзовом веке. Двойная пуговица со штырем такого же типа — № 58 у Брохольма [Ibid.].

1571-29 (рис. 29). Более крупная сложной формы пуговица с утраченным меньшим диском на конце длинного штыря. Покрыта зеленоватым окислом. Конус опоясывают параллельные борозды.

Рис. 28.

V период (около 800—700 гг. до н.э.)

1571-13 (рис. 30). Бритва подтреугольная, изогнутая рукоять заканчивается спиралью. Не орнаментирована. Крупные бритвы такого типа обычны для V периода, на многих из них выгравированы стилизован-

Рис. 29.

ные изображения кораблей с таранами (например, шедевр древнего искусства со стилизованным изображением корабля с тараном под парусом грибовидной формы, птицы и «двойного солнца», № 151 [Broholm 1953: 74]). Аналог вещи из коллекции МАЭ РАН — № 149 сводки Брохольма [Ibid].

Длина бритвы 105 мм. Это наиболее крупная и хорошо сохранившаяся бритва в коллекции МАЭ РАН.

Рис. 30.

VI период (около 700–500 гг. до н.э.).

1571-21 (рис. 31). Гривна шейная тордированная, т.е. имеющая вид витой веревки, с концами-«ушками». Аналог — «торквес» № 279, опубликованный в книге Брохольма, который, однако, не бронзовый, а золотой [Ibid.: 83].

1571-23 (рис. 32, 33, 34). Гривна тордированная с замком на концах в виде массивных крюков, изогнутых во взаимноперпендикулярных плоскостях и зацепляющихся друг за друга. Цвет желтый. Аналогичен «торквес» № 272 в сводке Брохольма [Ibid.]. Орнамент на замке в виде круглых углублений, окаймленных окружностями, выгравирован на внешней стороне гривны: по три углубления вдали от концов, пять

Рис. 31.

Рис. 32.

Рис. 33.

Рис. 34.

углублений на одном и одно углубление на другом конце замка. Гривна тордирована, за исключением нескольких сантиметров от концов, на которых расположен орнамент замка. Тордированная область гривны разделена на шесть частей серпообразными углублениями — по семь с каждой стороны гривны, от которых расходятся спирально закрученные по гривне борозды, которые и делают ее тордированной, причем в соседних частях направление спиралей противоположно.

1571-24. Гривна тордированная с замком в виде массивных крюков того же типа, но меньшего диаметра. Цвет желтый. Диаметр по окружности около 200 мм, максимальный диаметр круглого сечения 10 мм, средняя толщина уплощенных частей у концов гривны около 3 мм, ширина около 9 мм. Длина уплощенных частей составляет примерно треть

длины гривны, далее представлена круглая в сечении тордированная часть. Орнаментация замка гривны — кружковый орнамент, дополненный поперечными линиями и точками. На наружную часть Г-образного замка нанесен орнамент из пяти обведенных окружностями углублений-«кружков», четыре из них выстроены в линию. Заканчивается гравировка замка орнаментом из трех поперечных линий; орнамент из трех поперечных линий также присутствует на внутренней части замка. По краям внешней поверхности уплощенных концов нанесен орнамент из часто расположенных выстроенных в линию точек. По его завершении на обоих концах уплощенной части гривны нанесен фактически идентичный орнамент из трех поперечных линий-насечек и обведенного кружка.

Библиография

Ворсо И.И.А. Северные древности Королевского музея в Копенгагене, отобранные и объясненные профессором Копенгагенского университета И.И.А. Ворсо (Worsaae) / Изд. Императорской Академии наук. СПб., 1861.

Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006.

Отчет о состоянии и приращениях Этнографического Музеума в течение 1862-го года // Отчеты акад. Шредера и консерватора Л. Радлова о поступлениях коллекций в Музей за 1842—1855, 1858, 1862, 1863 гг. и записка о размещении коллекций и по вопросу о расширении помещения Музея. Черновик // Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918 г., 23 ед.хр.

Beck C.W. Infrared Spectra of Amber and the Chemical Identification of Baltic Amber // *Archaeometry*. 1965. Vol. VIII.

Broholm H.C. Danske Oldsager. Kobenhavn, 1952. Vol. III. Aeldre Bronzealder.

Broholm H.C. Danske Oldsager. Kobenhavn, 1953. Vol. IV. Bronzealder.

Gimbutas M. The Kurgan culture and the Indo-Europeanization of Europe. Washington, 1997.

Herner E. Spiral Decoration in Early Bronze Age Scandinavia: A technical and qualitative analysis and study of production. BAR International Series 552. Oxford, 1989.

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ о. ИТУРУП
(По материалам полевых исследований Ю.В. Кнорозова)¹

В 1960 г. в журнале «Вопросы географии Дальнего Востока» вышла небольшая заметка геолога Г.М. Власова, который в составе экспедиции Дальневосточного геологического управления проводил исследования на территории Южных Курильских островов. В заметке сообщалось, что сотрудниками этой экспедиции в кальдере вулкана Б. Хмельницкий на о. Итуруп были обнаружены «исчерканные» камни. Первоначально геологи не придали этому большого значения, но впоследствии убедились, что по крайней мере часть «царапин» на камнях была сделана рукой человека. Об этом, по их мнению, свидетельствовали определенные закономерности в локализации камней (они располагались только в южной части кальдеры, там, где протекал ручей с пресной водой), четкость и глубина самих «царапин», а также наличие определенной структурированности или организации в их начертании [Власов 1960: 371–373]. Публикация Г.М. Власова вызвала живейший интерес в научной среде. Курильские острова в свое время являлись территорией обитания одного из самых загадочных народов мира — айнов, и Г.М. Власов сразу предположил, что найденные геологами царапины на камнях представляют собой примитивные письма айнского происхождения. Однако к тому моменту в литературе бытовало мнение о том, что айны не имели своей письменности. Не были известны тогда на Курилах и наскальные рисунки доайнского времени. «Исчерканные камни» Итурупа стали загадкой, решение которой могло привести ученых к открытиям мирового масштаба.

В 1963 г. на Итуруп была организована экспедиция сахалинских археологов. Одной из основных ее задач стал поиск наскальных рисунков. Открытия геологов тогда подтвердились: в кальдере Б. Хмельницкого и в устье р. Северный Чирип были обнаружены валуны со знаками. В.А. Голубев, руководитель экспедиции, в полевом отчете сообщает о 17 валунах и делит изображения на них на «рисунки» и «знаки» (Архив ИА РАН. Р. 1. Д. № 3338). Первые были найдены только в кальдере, вторые — и в кальдере, и в устье Северного Чирипа. Исследователь отмечает, что и «знаки», и «рисунки» были выполнены в форме незначительно углубленного рельефа путем выбивки, а общий стиль их отличался «своеобразной линейностью». Особенно четко эта линейность, по мнению В.А. Голубева,

¹ В основе статьи лежат материалы личного архива Ю.В. Кнорозова, который после смерти ученого был передан в отдел археологии МАЭ РАН вместе с археологической коллекцией, собранной во время его экспедиций на Курильские острова.

просматривалась в «знаках», линии которых были «более четкими и прямолинейными», а «глубина рельефа и размеры» меньшими, чем у «рисунков». Более того, говоря о «знаках», он отмечает, что они «местами сходны с иероглификой Востока». Расшифровка и интерпретация образов, запечатленных в рисунках и знаках, вызвала у археологов затруднения. Мешали этому как нечеткость, стертость изображений, так и редкая их повторяемость. Те сцены, которые исследователям все же удалось понять, свидетельствовали о том, что это «негативные отпечатки» постоянной трудовой жизни охотников, наполненной опасностями и тревогами. В.А. Голубев полагал, что эти рисунки могли быть оставлены только предшественниками айнов, носителями неолитической культуры, не знавшей металла.

В 1979 г. под влиянием публикаций Г.М. Власова и исследований сахалинских археологов к изучению курильских находок подключился выдающийся отечественный специалист по древним системам письма Ю.В. Кнорозов. Его интерес был столь велик, что в течение целого десятилетия он практически ежегодно выезжал на Южные Курильские острова с целью изучения древней культуры айнов, прежде всего их письменности. Наскальные рисунки Курильских островов Ю.В. Кнорозов считал древними пиктографическими знаками айнов, и в этом отношении он, безусловно, стал пионером. Вопрос о том, почему это письменность, почему именно айнская, для исследователя не стоял. С его точки зрения, «письмо (как и язык) появилось конвергентно у всех племен в верхнем палеолите в виде пиктографии (рисунчатое письмо), включающей более раннюю кинеграфию (запись движений)», а связь курильских надписей с айнской пиктографией доказывалась сходством в начертании и наборе их знаков ([Кнорозов и др. 1984], см. также материалы к неопубликованной статье Ю.В. Кнорозова «Пиктография айнов» из архива исследователя в отделе археологии МАЭ РАН).

К подготовке данной публикации меня прежде всего побудил визит на Итуруп, во время которого на поселении Янкито-1 нашей экспедиции удалось обнаружить валун с петроглифами. Не скрою, уже после первого знакомства с архивом Ю.В. Кнорозова у меня сложилось ощущение, что его стремление видеть в наскальных рисунках Итурупа собственно рисунки, выполненные рукой человека, не всегда разделялось окружающими его людьми, и исследователь был в этом отношении довольно одинок. Наша же находка подтверждала его выводы, по крайней мере, в том, что наскальные рисунки на Итурупе есть. Погрузившись в проблему, я поняла, что, несмотря на всю важность открытий, сообщения о наскальных рисунках Итурупа все еще остаются не подкрепленными ни полноценными публикациями источников, ни их анализом.

Ю.В. Кнорозов подходил к изучению наскальных рисунков Итурупа прежде всего как этнолог, специалист в области этнической семиотики. В своих трудах он, пытаясь разгадать тайный смысл пиктографии, основное внимание уделял сравнительной характеристике знаков на валу-

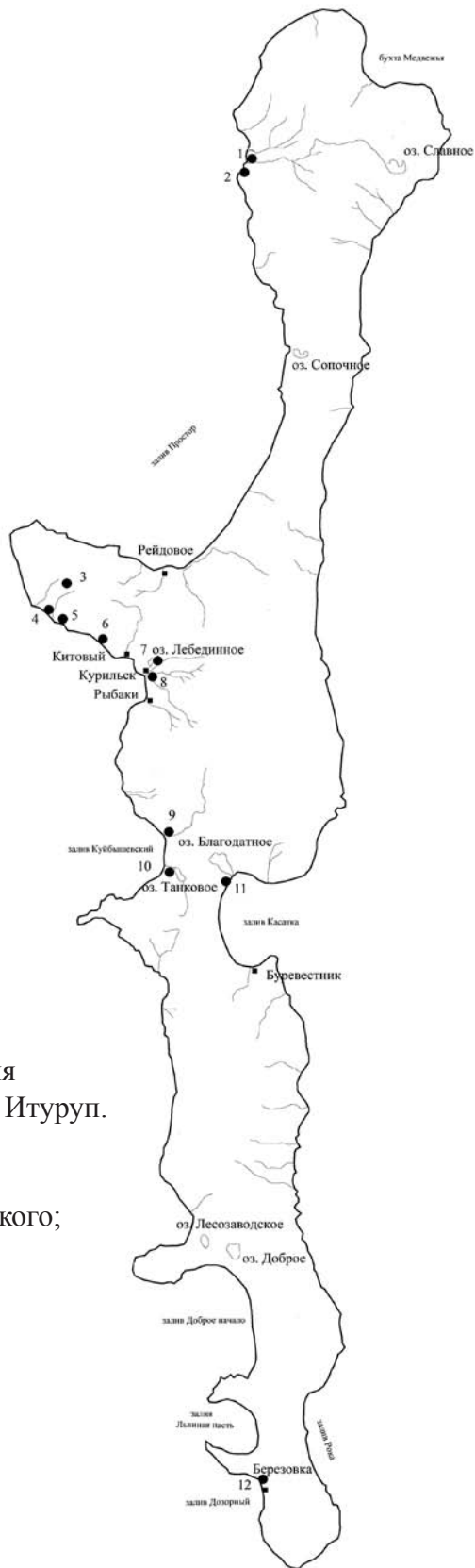

Рис. 1. Карта расположения валунов с рисунками на о. Итуруп.

- 1 — р. Славная;
- 2 — о. Шлем;
- 3 — кальдера Б.Хмельницкого;
- 4 — Мертвый берег;
- 5 — оз. Красивые Глаза;
- 6 — Янкито-1;
- 7 — Приозерное-1;
- 8 — Курильск;
- 9 — р. Куйбышевка;
- 10 — оз. Танковое;
- 11 — залив Касатка;
- 12 — пещера Медвежья.

нах и предметах религиозного значения айнов. Сами же находки в своем первоначальном виде так и не были им опубликованы. В литературе отсутствуют точные данные о количестве памятников, местах их обнаружения, нет и полных прорисовок изображений и т.д. К сожалению, материалы, отложившиеся в архиве ученого, не дают возможности подготовить такую обстоятельную публикацию. Не будучи археологом и не обладая необходимыми навыками, исследователь не делал копии с рисунков, многие из его находок не зафиксированы даже с помощью фототехники. Это осложняет ситуацию, но тем не менее, думаю, возможно хотя бы частично восполнить имеющийся пробел и представить вниманию заинтересованных специалистов сводку всех памятников пиктографии, обнаруженных Ю.В. Кнорозовым на Итуруп, а также по возможности дать некоторый их анализ.

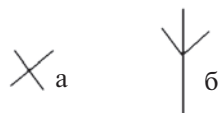
Кальдера Б. Хмельницкого (рис. 1). Для начала отметим, что предметом особого внимания Ю.В. Кнорозова по вполне понятным причинам была кальдера вулкана Богдан Хмельницкий. В 1979 г. именно она стала основным объектом поиска для небольшой группы специалистов. Однако несмотря на большое желание и тщательный осмотр обнаружить рисунки на камнях, упоминавшихся в отчетах Г.М. Власова и В.А. Голубева, не удалось². Следующая экспедиция в кальдеру состоялась в 1982 г. Этот год оказался более удачливым. Исследователям удалось найти в кальдере валун со знаками — но только один, в материалах Ю.В. Кнорозова он получил название «скала в озерке» (рис. 2). Знаки были нанесены на плоский горизонтальный срез скалы и на ее боковую поверхность. В документах сохранилось упоминание о том, что патина в знаках была белесая, тогда как на самой поверхности камня — серая. Полной прорисовки знаков с этой скалы нет. В архиве сохранились лишь несколько фотографий и уменьшенные схематичные рисунки Ю.В. Кнорозова, которые, впрочем, не вполне соответствуют тому, что можно увидеть на фотографиях. Расшифровка (или интерпретация) знаков отсутствует, однако среди рабочих материалов сохранилась запись, сопоставляющая рисунок на верней плоскости валуна с записями на инау.

² То обстоятельство, что экспедицией Ю.В. Кнорозова в кальдере не были обнаружены валуны со знаками, упоминавшиеся в отчетах Г.М. Власова и В.А. Голубева, конечно, вызывает определенные вопросы и недоумения. Юрия Валентиновича это волновало очень сильно и все годы его курильской эпопеи. Объяснения этому были найдены в том, что камни могли быть перемещены в результате ледниковых сходов, лавин, землетрясений. Это действительно возможно. Например, совсем недавно проводилось переобследование петроглифов Сикачи-Аляна, которые, так же как и на Итуруп, были нанесены на сравнительно небольшие валуны. В результате этих работ многое из того, что было найдено в свое время А.П. Окладниковым, обнаружить не удалось, но вместе с тем были зарегистрированы и совершенно новые, ранее не известные изображения, многие валуны оказались перемещены на десятки и даже сотни метров. А виной тому стали воды Амура, на берегах которого и лежали камни.

— ≡ ⇐ перенос на скалу
типичной надписи на инау

ср. гора (дух-хозяин гор, нубури камуй)
 счастливая шестерка

Несколько валунов с отдельными выбитыми знаками было найдено в том же 1982 г. в долине р. Южный Чирип: несколько раз у водопадов (а) и один раз на скале перед снежником (б). Сохранились только схематичные уменьшенные рисунки этих знаков, без указания их реальных размеров. Косой крест Юрий Валентинович считал знаком хозяина огня, так как он, возможно, передавал «схематическое изображение прибора для добывания огня» [Кнорозов и др. 1984: 232]. В других случаях косой крест мог обозначать и медведя [Кнорозов 1999: 96].

Мертвый берег (рис. 1; 12). Большая группа рисунков на камнях была обнаружена экспедицией Ю.В. Кнорозова у подножия вулкана Богдан Хмельницкий, на морском берегу между устьями рек Северный и Южный Чирип (Мертвый берег). Случилось это в 1979 г., а в 1982 г. эти памятники были осмотрены и обследованы повторно. Среди них выделяются крупные камни с рисунками на плоских горизонтальных поверхностях (в отчетах — «плиты») и такие же камни, у которых рисунки были нанесены на боковые, обычно вертикальные поверхности (в отчетах — «скалы», «валуны»). Интересно, что на «плитах» рисунки были изображены группами, тогда как на «валунах» зафиксированы только отдельные знаки. Различалась и техника выполнения рисунков. На «плитах» знаки были «процарапаны», а на валунах — выбиты. По данным Ю.В. Кнорозова, всего на Мертвом берегу было обнаружено 12 поверхностей со знаками: семь плит и пять валунов. К сожалению, материалы сохранились лишь частично. Пользуясь архивными источниками Ю.В. Кнорозова, мы можем достоверно восстановить рисунки лишь для шести плит и двух валунов.

Поверхность первая [Кнорозов и др. 1984: 228, рис. 5]. Камень расположен в 10 м от самого полноводного ручья, на его левом берегу. Ручей течет по гальке и теряется в ней. Поверхность с рисунками гладкая, горизонтальная, размеры 45 × 60 × 52 см, «текст» занимает примерно треть ее часть (рис. 3). Бороздки знаков покрыты такой же патиной, что и поверхность камня. Изображение процарапано. Ниже представлена расшифровка надписи (или интерпретация знаков), выполненная Ю.В. Кнорозовым.

	один знак, отдельный змея
	пять знаков, первая группа, первая строка морское животное (?), морская птица (?), касатка, касатка, гарпун (?) с линем
	три знака, вторая группа, вторая строка плывущий тюлень, неясный (лодка (?), гарпун с линем (угловатая форма для удобства выбивания на камне)
	три знака, третья группа, вторая строка морское животное (рыба (?), птица, птица
	три знака, четвертая группа, третья строка лодка с двумя гребцами, сеть, сеть

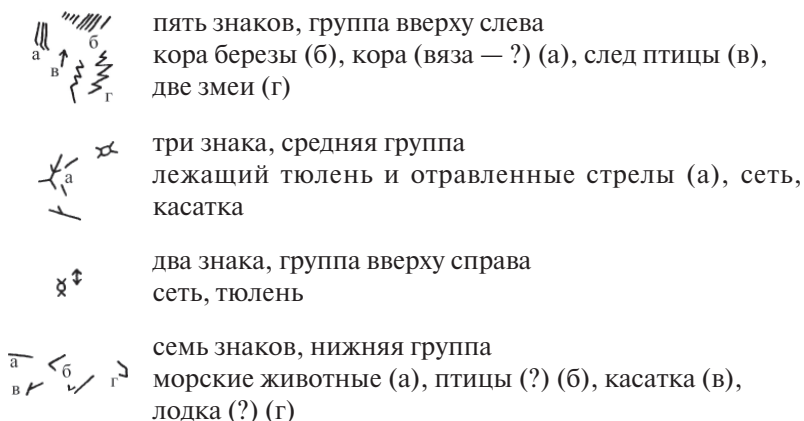
Поверхность вторая [Там же: рис. 6]. Данные о местонахождении и иных особенностях изображения в архиве отсутствуют (рис. 4). Ниже представлена расшифровка надписи, выполненная Ю.В. Кнорозовым.

	четыре знака, группа слева гора (сопка), змея, две птицы (гагары — ?), змея
	два знака, верхняя косая строка птица (рыба — ?), птица
	два знака, нижняя косая строка касатка (?), морское животное

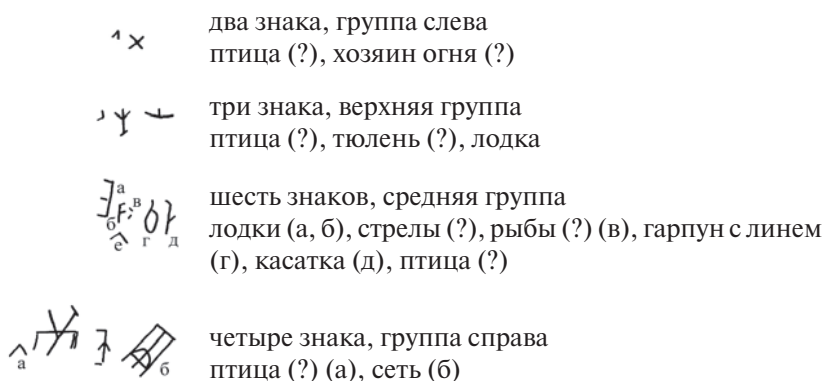
Поверхность третья [Там же: рис. 7]. Камень расположен на левом берегу ручья, текущего по гальке и теряющегося в ней. Поверхность с рисунками гладкая, плоская, немного неровная, слегка наклонена к морю, размеры 67 × 55 см. Изображение процарапано (рис. 6). Ниже представлена расшифровка надписи, выполненная Ю.В. Кнорозовым.

	отдельный знак справа змея
	четыре знака, верхняя группа морские животные, атакованные касатками
	средняя группа (некоторые знаки не ясны и, возможно, неточно прорисованы) морское животное, птица, касатка, неясный (лодка —?)
	три знака, нижняя группа сеть, кит с фонтаном (?), касатка

Поверхность четвертая [Там же: рис. 8]. Камень расположен на левом берегу ручейка, стекающего с берегового уступа. Поверхность с рисунками плоская, горизонтальная со множеством мелких углублений, размеры 45×25 см, боковые стороны камня «изломаны, неровные». Вокруг разноцветные камни. Изображение процарапано (рис. 5). Ниже представлена расшифровка надписи, выполненная Ю.В. Кнорзовым.

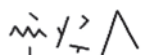

Поверхность пятая [Там же: рис. 1]. Камень расположен на левом берегу почти пересохшего ручья. Горизонтальная поверхность отколота до момента нанесения знаков, участок со знаками ровный, плоский, гладкий, размеры 47×57 см. Изображение процарапано (рис. 7). По фотографии создается ощущение, что размеры знаков в этом изображении (по крайней мере тех, что видны) больше, чем на предыдущих плитах, а линии знаков — шире. Ниже представлена расшифровка надписи, выполненная Ю.В. Кнорзовым.

Поверхность шестая [Там же: рис. 3]. Камень расположен на левом берегу непитьевого (?) ручья. Поверхность с рисунками плоская, наклонена к ручью, «изъедена точками», размеры 48×57 см. Изображение процарапано (рис. 8). По фотографии видно, что знаки имели очень большие размеры и линии их были нанесены, скорее всего в иной технике,

чем на первых пяти поверхностях. Ниже представлена расшифровка надписи, выполненная Ю.В. Кнорзовым.

 змея, касатка, неясные

Поверхность седьмая [Там же: рис. 4]. Камень расположен в нескольких метрах от прибоя, плоскость с рисунком вертикальная. Изображение выбито (рис. 9). Однозначной интерпретации этому знаку в материалах архива не нашлось.

Поверхность восьмая [Там же: рис. 2]. Камень расположен на правом берегу того же ручья, на левом берегу которого найдена пятая поверхность, плоскость с рисунком вертикальная. Изображение выбито (рис. 10). По мнению Ю.В. Кнорзова, это может быть знак касатки — главного морского хозяина — или кита с фонтаном.

Помимо названных выше изображений в архиве упоминаются еще три. Все они — отдельно выбитые знаки на вертикальных плоскостях валунов. Фотографии этих валунов отсутствуют, и мы можем привести здесь только уменьшенные схематичные прорисовки этих изображений, сделанные рукой Ю.В. Кнорзова. Об одном из них (большая рыба) известно, что оно нанесено на валун, расположенный в нескольких метрах от прибоя, длина сторон знака 24 и 26 см, о другом (неясном) — то, что оно было нанесено на столб лавы недалеко от «ручья без ущелья».

 морская птица

 большая рыба

 небо (?)

Хотелось бы обратить внимание на описание Мертвого берега, которое приводит Ю.В. Кнорзов. «Побережье м. Чирипа между реками Северный и Южный Чирип и далее к югу — мертвая зона. Морская вода у берега отравлена [серными. — О.Я.] речками <...> Из-за отравленной воды у побережья нет рыбы, чаек, водорослей за немногими исключениями, и раковин <...> На берегу между речками <...> не могли жить морские собиратели...». Исследователь полагал, что это место могло использоваться лишь для причаливания лодок, отправляющихся на промысел, так как здесь был небольшой песчаный пляж, удобный для причаливания лодок (см. материалы архива).

Озеро Красивые глаза (Буда) (рис. 1). Согласно отчету, валуны со знаками встречаются в окрестностях озера Красивые глаза (Буда). В архивных материалах Ю.В. Кнорзова найдена фотография одного камня со

знаками, он обозначен как «камень у лагеря» (рис. 11). Интерпретация его отсутствует. Кроме того, сохранилась прорисовка с еще одного камня, найденного в этой местности, — «валуна Бубнова», но фотографий и точных данных о нем нет. Прорисовка и возможная интерпретация Ю.В. Кнорозова приведены ниже.

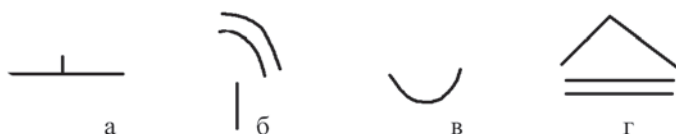
большая рыба (сопка — ?) — вверх
две змеи — внизу

Янкито-1 (рис. 1). В 1982 г. валуны со знаками были найдены в 2,5 км к северу от пос. Китовый на территории неолитического поселения Янкито-1, которое, как потом выяснилось, оказалось самым ранним на о. Итуруп. Знаки были выбиты и расположены на боковой поверхности двух валунов. В архиве сохранились фотографии и прорисовки знаков, выполненные Ю.В. Кнорозовым (рис. 15).

В 2007 г. археологическая экспедиция МАЭ проводила полевые исследования на о. Итуруп. Главной задачей отряда было исследование неолитической стоянки Янкито-1. При осмотре памятника на его южной оконечности был обнаружен крупный валун с рисунками (рис. 13). Изображение располагалось у верхнего края валуна на его наклонной поверхности. Поверхность валуна была покрыта кавернами, ямками и трещинами естественного происхождения, кроме того на камне были заметны следы от попадания в него пуль (территория памятника долгое время использовалась как артиллерийский полигон). Знаки, о которых идет речь, очень сильно отличались от свежих и естественных нарушений поверхности валуна, и сомнений в том, что они были сделаны древним человеком, не остается. Отчетливо «прочитывался» только самый крайний знак «человечек с распростертыми руками», благодаря которому нам и удалось точно идентифицировать этот валун как скалу № 1 из отчета Ю.В. Кнорозова (рис. 15). Влево от «человечка» в 10–12 см располагался еще один знак, правда неясный, на поверхности валуна он был виден менее четко. Ниже располагался знак в виде вертикальной черточки. Все знаки сделаны выбивкой. Следует отметить, что по технике исполнения они больше напоминали отдельно выбитые изображения с Мертвого берега, чем изображения на плитах. Не исключено, что на валуне есть и другие знаки, но достоверно зафиксировать их не удалось ввиду отсутствия у нас необходимого опыта. Нельзя также не упомянуть, что на соседнем валуне была обнаружена группа естественных углублений, напоминающих человеческое лицо (рис. 14).

Курильск (рис. 1). В 1982 г. на территории пос. Курильск на пляже правого берега р. Курилки между первым мостом (у пляжа) и высокой скалой («скала Рожа») с естественными углублениями, напоминающими человеческое лицо, были найдены камни со знаками на плоской повер-

хности: «всего 10 камней (обкатанных валунов) с выбитыми пиктографическими надписями и отдельными знаками (не считая сомнительных)». В архиве сохранилась фотография одного камня — наиболее интересного, по мнению Ю.В. Кнорозова. Лежал он в 1,5 м от берега реки. На одной поверхности был изображен медвежий след (лапа), на другой — знак касатки (рис. 17). Впоследствии этот валун был передан на хранение в Курильский краеведческий музей. На пяти валунах был выбит знак касатки (рис. 16). Размеры валунов варьировали от 25 до 52 см, сами знаки были маленькие, нижняя черта от 4 до 7 см, верхняя — 3 см. Еще один валун имел шесть горизонтальных насечек (по мнению Ю.В. Кнорозова, шесть — счастливое для айнов число) на вертикальном округлом ребре, длина насечек 2,5 см, высота валуна 50 см. Три оставшихся валуна не описываются, приводится лишь схематичное изображение знаков (а—в), а для одного из них — также интерпретация как изображения лодки с одним гребцом (а). На левом берегу р. Курилки выше 2-го моста одним из участников экспедиции местным жителем Э.П. Сироткиным был обнаружен еще один камень с надписями. Размеры его 15 × 15 см, размеры нижней черты знака 10 см. В архиве сохранилась только схематичная прорисовка этого знака. Ю.В. Кнорозов считал, что он изображал море и рыбу (г).

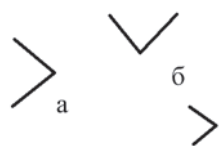

Приозерное-1 (рис. 1). В 1982 г. на левом берегу незамерзающего ручья, впадающего в оз. Лебединное, на территории поселения Приозерное-1 обнаружен «обкатанный валун» с пиктографической надписью (рис. 18). Более подробную информацию об этой находке приводит В.И. Гуляев. Поселение располагалось на восточном берегу оз. Лебединное в районе буровых, в 4—5 км к северо-востоку от пос. Курильск. Поселение занимало высокий берег озера, из под которого вытекал небольшой питьевой ручей. Валун со знаками располагался на левом берегу этого ручья. Камень имел округлые очертания и плоскую поверхность, на которой и было процарапано изображение [Гуляев 1982: 10—11].

Куйбышевка (Пионер) (рис. 1). В 1979 г. на высокой скале у берега моря на левом берегу р. Куйбышевки найден глубоко выбитый знак (прямой крест) на ровной горизонтальной поверхности камня, который, по мнению Ю.В. Кнорозова, мог обозначать парящую птицу (чайку — ?). В 1982 г. на той же скале обнаружен другой камень — со знаком змеи (зигзаг) на плоской горизонтальной поверхности.

Малая Куйбышевка. 1984 г. на правом берегу р. Малая Куйбышевка на одном из валунов, образующих насыпь вокруг «кладбища китов», зафиксирован выбитый знак «в виде угла в 45°, вершиной к морю, со сторона-

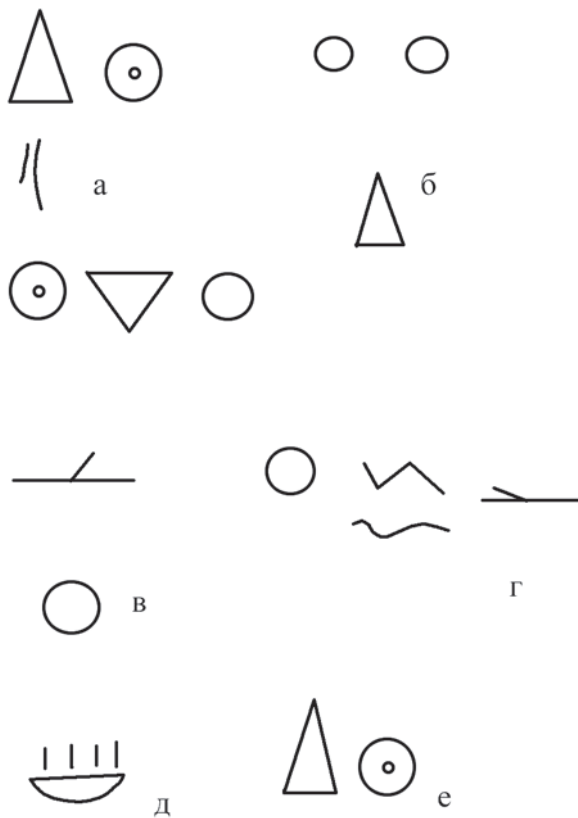
ми длиной 1,5 см» (а). В 1987 г. на одном из участков поселения «над культурным слоем на естественном уступе под верхом террасы» обнаружен камень с пиктографической надписью — «в левом верхнем углу большой знак птицы» (б). Фотографии отсутствуют.

Озеро Танковое (рис. 1). В 1983 г. при обследовании погребального уступа у подножия дюны был найден камень неправильных очертаний со знаком в виде прямого креста, «глубоко выбитым на шлифованной поверхности и круглой ямкой, также шлифованной». Знак располагался на верхней ровной поверхности камня, размеры которой 20 × 30 см, размеры креста 9 × 9 см, ямки — 5 см. Тогда же при обследовании восточной дюны была обнаружена плита с девятью выбитыми ямками, расположенными в виде перевернутой буквы «П». Фотографии отсутствуют. В 1984 г. один из участников экспедиции В.В. Бочаров нашел на погребальном уступе небольшие валуны, принесенные с берега моря, с глубоко выбитыми знаками, точно соответствующими по форме и размерам наконечникам стрел и дротиков. Фотографии и изображения их в архиве не сохранились.

Славная (рис. 1). В 1984 г. экспедицией Ю.В. Кнорозова обследовались берега рек Славной, Глушь и ручья Рыбного, расположенных на полуострове Медвежий. Здесь была обнаружена интересная группа знаков, судя по описаниям, отличавшаяся от всего того, что было найдено экспедицией ранее. Целесообразно привести полное описание этой местности из отчета Ю.В. Кнорозова.

«Селение находилось на южном левом берегу [реки Славной. — О.Я.], неподалеку от устья. Неолитические слои обнаружить не удалось. Размытых естественных срезов слоев в этой местности нет <...> После освобождения Курильских островов на левом берегу был построен рыболовецкий поселок Славное, в дальнейшем покинутый <...> Примерно в полукилометре от устья река поворачивает на юг и уходит в ущелья между невысокими сопками. После по-

ворота к правому <...> берегу близко подходит высокая (около 100 м) лавовая терраса <...> Размытый и выветренный край террасы сохранился в виде гигантских скал высотой немногим ниже террасы <...>

На скалах по ходу размывания и выветривания образовались естественные трещины, выбоины, линии и пятна, иногда похожие на петроглифы. Часто встречаются косые линии, соединяющиеся под тупым углом. Такие “углы” в разных направлениях часто встречаются на береговых скалах от Птичьих ворот до р. Глушь <...> К югу от одиночной северной скалы с естественными “углами” идет группа из трех скал. На второй из них издали, с места селения на левом берегу, хорошо видна группа знаков, расположенных в три “строки” (а). На третьей (к югу) скале знаки расположены в две “строки” (б). Далее к югу группа из двух скал (“Дунькины груди”). На первой (северной) виден темный знак касатки и под ним белый диск (в). На боковых сторонах третьей скалы есть знаки, не видные из селения, предназначенные для зрителя у подножия скалы, — темный диск (южная сторона), знак касатки и двух змей в виде зигзагов (северная сторона) (г).

Некоторые знаки видны с места селения и ночью в полнолуние, когда у айнов справлялись праздники. Вблизи знаки просматриваются плохо (как картина масляными красками), но вполне различимы. В нижней “строке” второй скалы диаметр диска 55 см, сторона треугольника 200 см».

В 3 км к югу от р. Славной протекает ручей Рыбный, где также были обнаружены знаки. «В узком русле ручья на валуне выбит знак “след медведя”. Перед устьем ручья к северу находится скала-островок Шлем высотой 42,6 м. На отвесных скалах островка с берега видны знаки» (д, е).

Березовка (рис. 1). В 1985 г. обследовалась южная оконечность о. Итуруп — полуостров Часовой, побережье залива Дозорный, где в свое время располагалось айнское селение Танне Мои, а в советские годы — с. Березовка. При осмотре были обнаружены остатки древних поселений и собран богатый подъемный материал. В отчетах Ю.В. Кнорозова содержится упоминание двух скал с выбитыми округлыми ямками, однако исследователь сомневался в их искусственном происхождении. А вот знаки, найденные на стенах пещеры Медвежьей, Ю.В. Кнорозов считал безусловно принадлежащими руке человека. Знаки были зафиксированы на правой стене бокового хода. Первый знак зафиксирован в 250 м от начала хода, он был процарапан, длина его 40 см. Второй знак располагался за первым на небольшом расстоянии, стена здесь имела следы копоты. Длина знака 60 см. Знак был плохо виден, поэтому в отчетах зафиксировано несколько возможных вариантов его начертания.

Касатка (рис. 1). В 1987 г. обследовалось побережье залива Касатка. В 2 км от устья р. Благодатной, где располагалось поселение, раскопан-

ное в 1959 г. Р.В. Чубаровой, за танковым полигоном в зоне древнего приобья был выявлен участок с размытыми культур-

ными слоями и скоплением валунов, на одном из которых обнаружено пять глубоких зарубок. В 1989 г. бухта обследовалась повторно, в рукописном варианте отчета приводятся прорисовки знаков на валунах. Из текста отчета не ясно, на одном валуне найдены все зарисованные знаки или на разных.

Анализируя в целом материалы, собранные Ю.В. Кнорозовым, а также учитывая то, что было найдено его предшественниками, нам бы хотелось отметить, что факт присутствия на Итурупке наскальных рисунков, знаков и т.п., видимо, следует признать окончательно и, судя по всему, мы можем говорить о нескольких их видах.

Первый представлен каменными плитами Мертвого берега, на которых изображались целые сценки из жизни оставившего их населения. Камни с рисунками имели сравнительно небольшие размеры и располагались на левых берегах питьевых ручьев. Изображения наносились на плоские горизонтальные поверхности камней и отличались очень маленькими размерами, очевидно, они были процарапаны (металлическим инструментом — ?), линии их очень узкие и плохо различимые. Скорее всего такие же плиты были найдены и в кальдере Богдан Хмельницкий экспедициями Г.М. Власова и В.А. Голубева. К этой группе могут быть отнесены первая-четвертая поверхности Мертвого берега и, возможно, камни В.А. Голубева со знаками, «похожими на восточную иероглифику» (рис. 19). Любопытно, что именно эти плиты вызывали у Ю.В. Кнорозова меньше всего затруднений при расшифровке нанесенных на них надписей. Любопытно также и то, что располагались эти плиты там, где совершенно однозначно не могли располагаться селения людей (см., например, описание Мертвого берега). Возможно, не случайно, что именно эти изображения Ю.В. Кнорозов считал некой аналогией икуниси, обращением к богам (духам-хозяевам) с просьбой обеспечить помощь в промысле.

От камней с изображениями первого вида следует отличить, пока очень предварительно, скорее как вопрос, такие же сравнительно небольшие по размерам камни со знаками гораздо больших размеров. Для выяснения их соотношения с изображениями первого вида требуется уточнение и мест обнаружения этих камней, и техники нанесения на них знаков, и общего начертания последних. В материалах Ю.В. Кнорозова эти изображения документированы плохо. Пока же можно лишь сказать, что они выполнены примерно в том же прямолинейном стиле и некоторые знаки на этих камнях как будто повторяют знаки на камнях первой группы. Все изображения этого типа остались практически не расшифрованными Ю.В. Кнорозовым. К этой группе можно уверенно отнести

шестую поверхность Мертвого берега, отдельные изображения в кальдере, в том числе «скалу в озерке» Ю.В. Кнорозова и некоторые камни, найденные В.А. Голубевым и Г.М. Власовым. Возможно, сюда же следует включить и рисунки на валуне со ст. Янкито-1.

Изображения третьего вида самые сложные для интерпретации, чаще всего именно в их отношении и возникают сомнения, что перед нами дело рук человеческих. Речь идет об отдельно выбитых знаках. Найденны они были только экспедицией Ю.В. Кнорозова, фотодокументов практически не осталось. Часть из них наносилась на большие камни-валуны, как и изображения певой и второй групп, часть — на окатанные валуны значительно меньших размеров, лежащие в непосредственной близости от берега моря (Курильск). Некоторые из этих камней были переданы на хранение в музей Сахалинской области. Совершенно очевидно, что в тех случаях, когда речь идет о действительно нанесенных рукой человека знаках, изображения этой группы представляют собой совершенно обособленное явление и, видимо, отличное по замыслу человека от изображений первых двух видов.

Изображения четвертого вида, самые любопытные, так как аналогии им мне не известны. Речь идет об очень крупных изображениях кругов и треугольников на высоченных скалах (не камни-валуны — !) в районе бывшего айнского селения на р. Славная. Выполнены они совершенно в иной технике, вероятно с помощью краски (?). Фотодокументация отсутствует. Ю.В. Кнорозов не оставил своей трактовки этих знаков, но, как следует из его записей, диски он, безусловно, считал изображением солнца и луны, а треугольники — изображением медведя или дыхательного отверстия кита (?). Как бы необычны не были эти изображения, важно подчеркнуть, что аналогичные им знаки были обнаружены на Итурупe и в еще одном пункте — на скале-островке под названием Шлем, в нескольких километрах от р. Славная.

И наконец, отдельно хотелось бы отметить камень («камень-лапа»), найденный экспедицией Ю.В. Кнорозова на пляже у г. Курильска (поселение Курильск-1), который, как мне представляется, отражает отдельный тип памятников археологии, не связанный с петроглифами. По тому, как выглядят рельефные линии на этом камне, он больше напоминает характерные для Дальнего Востока небольшие скульптуры, выполненные на крупных, но портативных камнях путем оббивки. Правда, обычно это бывают головы людей или личины, а здесь мы имеем плоскостное изображение, да еще и с не очень внятным изображением. Тем не менее мне показалось уместным привести здесь это сравнение.

Завершая публикацию, хотелось бы сказать, что открытие петроглифов на Итурупe — очень важное событие. Эти памятники древней культуры человека могут стать прекрасным источником не только для реконструкции письменности айнов, как считал Ю.В. Кнорозов, но и в целом для изучения культурных и этнокультурных процессов в Охотском

регионе. Именно поэтому нужно продолжить их исследование, с тем чтобы дать им более полную и исчерпывающую характеристику.

Библиография

Власов Г.М. Итурупские письмена на камнях // Вопросы географии Дальнего Востока. Хабаровск, 1956. С. 371–374.

Гуляев В.И. Отчет о работах Курильского археологического отряда на о. Итуруп (Курильские острова) Южно-Сахалинской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 10634, 10634 А.

Кнорозов Ю.В., Спевиковский А.Б., Таксами Ч.М. Пиктографические надписи айнов // Полевые исследования Института этнографии. 1980–1981. М., 1984. С. 226–233.

плоский верх скалы
(если смотреть в озеро)

вид сбоку скалы

Ю.В.

по Валерию

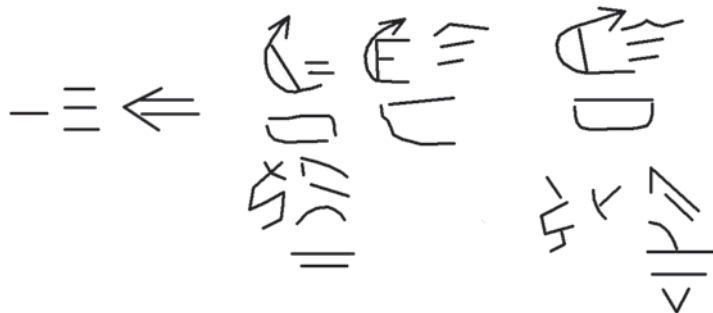

Рис. 2. Кальдера Б. Хмельницкого. «Скала в озерке».

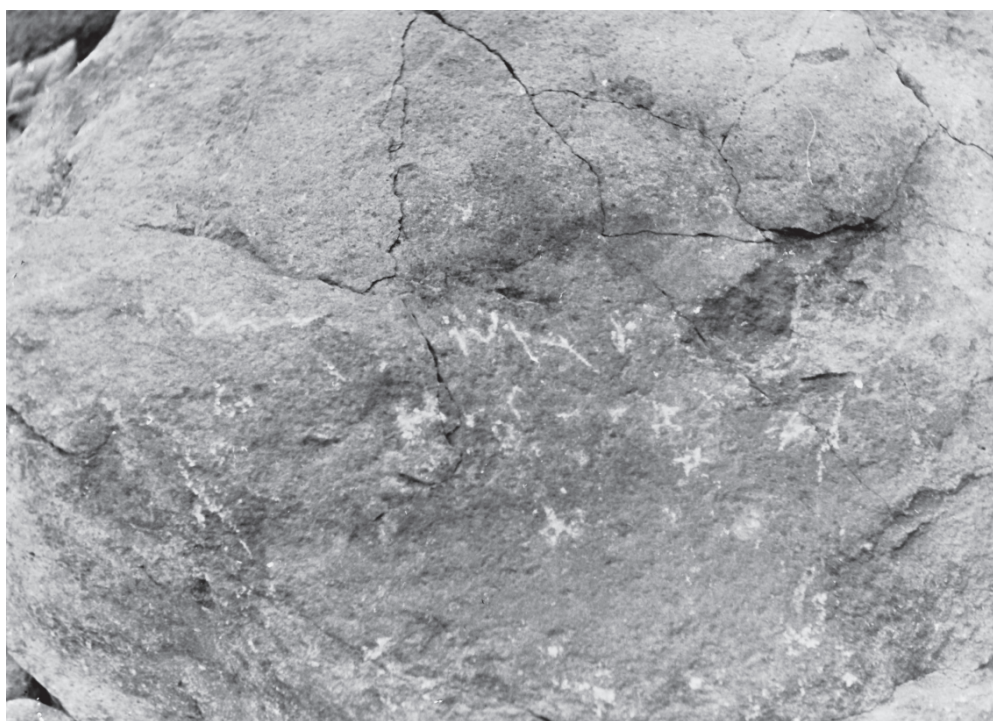

Рис. 3. Мертвый берег. Поверхность первая.

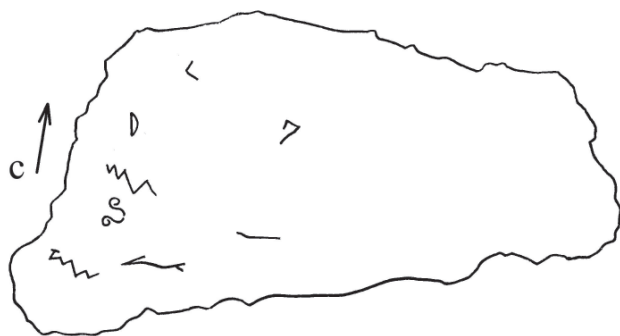
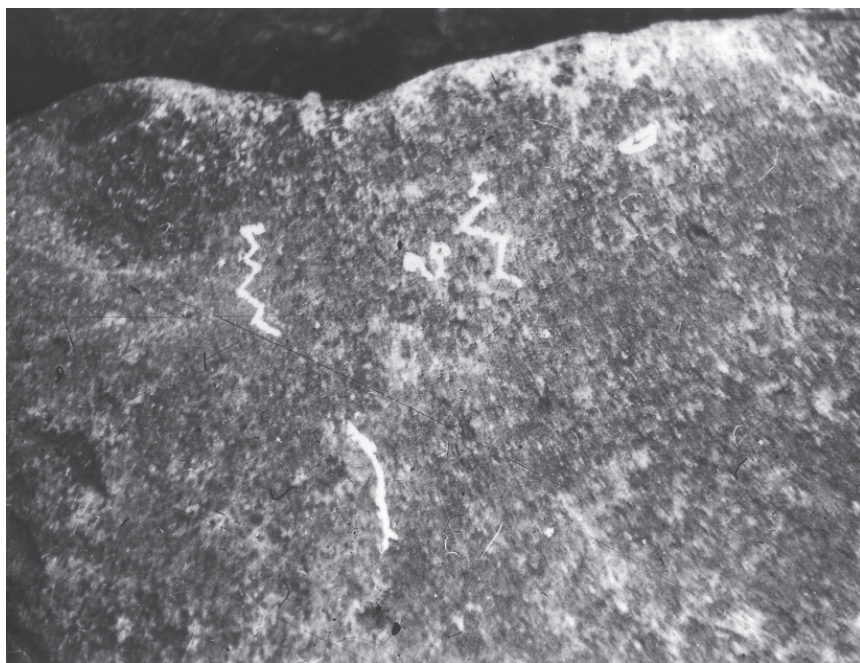

Рис. 4. Мертвый берег. Поверхность вторая.

Рис. 5. Мертвый берег. Поверхность четвертая.

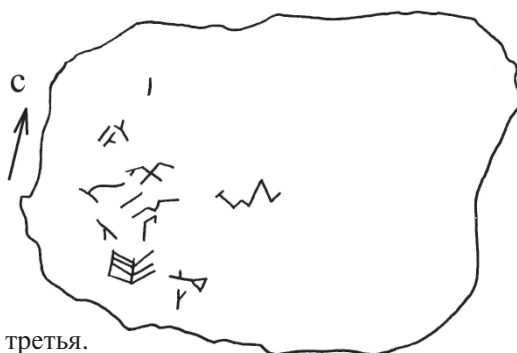

Рис. 6. Мертвый берег. Поверхность третья.

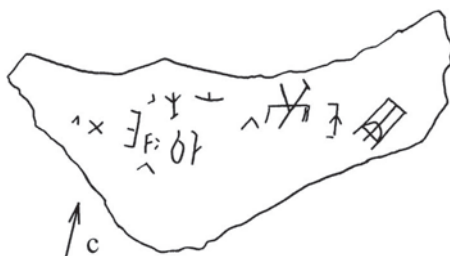

Рис. 7. Мертвый берег. Поверхность пятая.

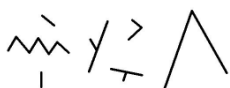

Рис. 8. Мертвый берег. Поверхность шестая.

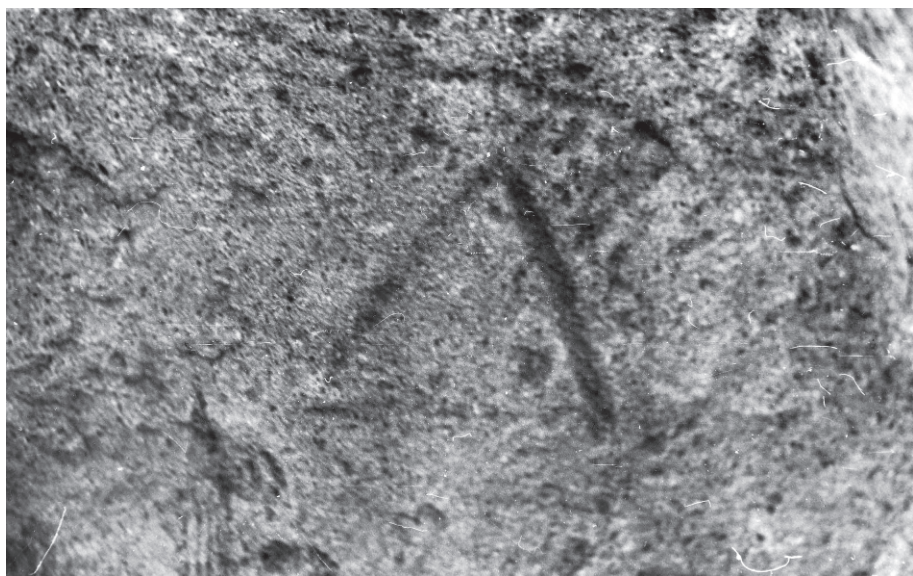

Рис. 9. Мертвый берег. Поверхность седьмая.

Рис. 10. Мертвый берег. Поверхность восьмая.

Рис. 11. Озеро Красивые Глаза.

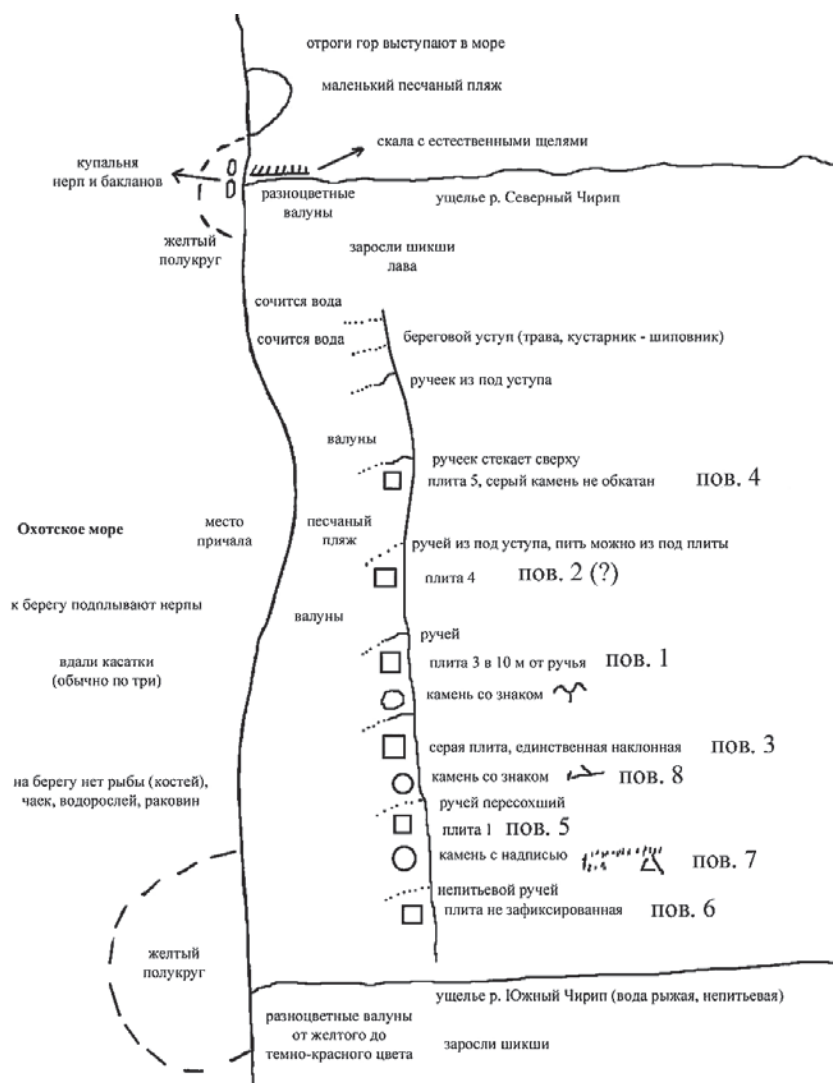

Рис. 12. Мертвый берег.
 Схема расположения плит и валунов со знаками, выполненная
 Ю.В. Кнорозовым.

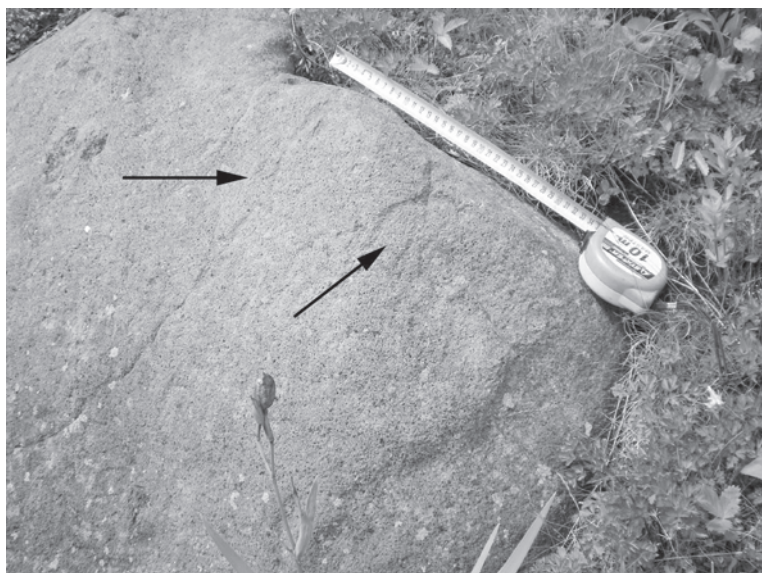

Рис. 13. Янкито-1. 2007. Валун со знаками.

Рис. 14. Янкито-1. 2007. Валун с «лицом».

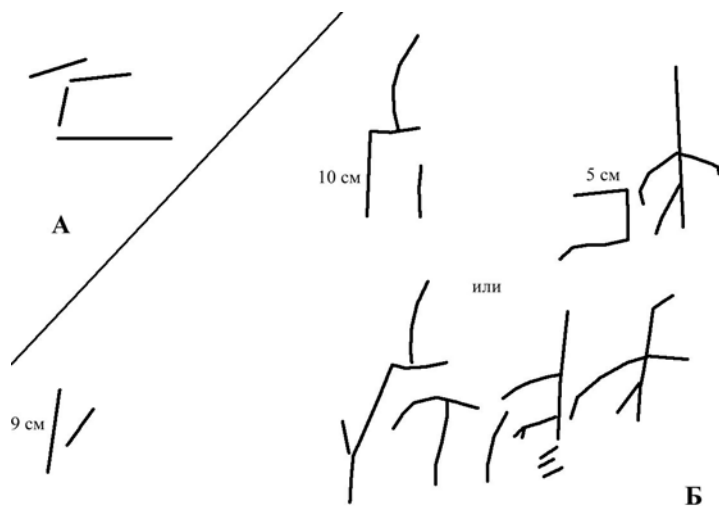

Рис. 15. Янкито-1. 2007. Прорисовка с валунов Ю.В. Кнорозова.

Рис. 16. Курильск. Камень со знаком касатки.

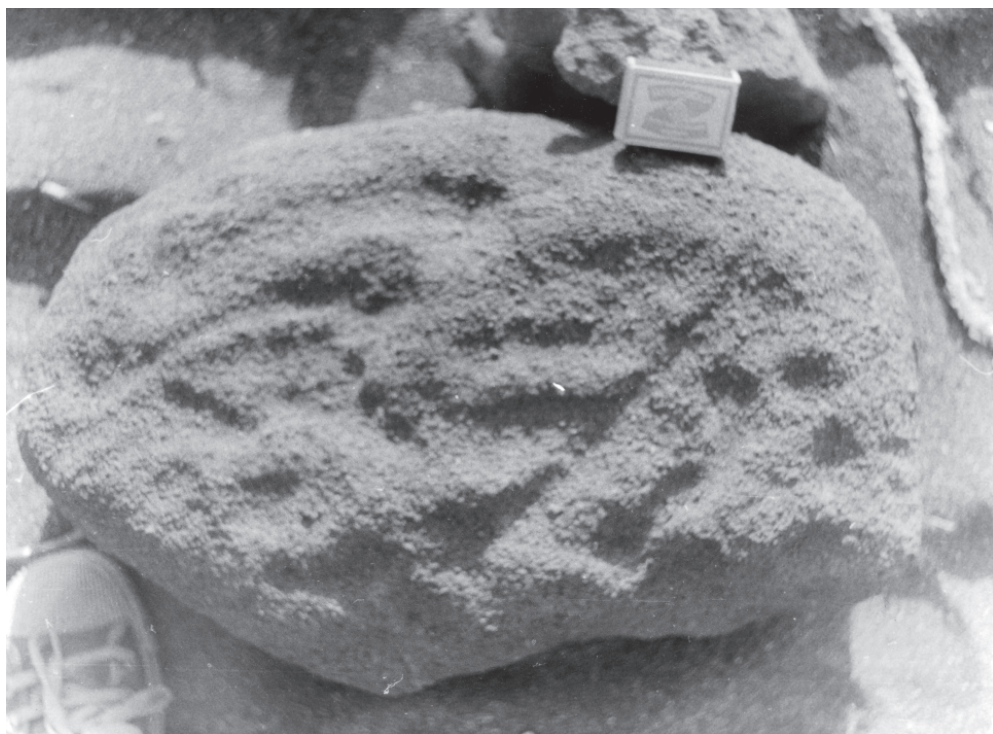

Рис. 17. Курильск. Камень-«лапа».

Рис. 18. Приозерная-1. Камень со знаками.

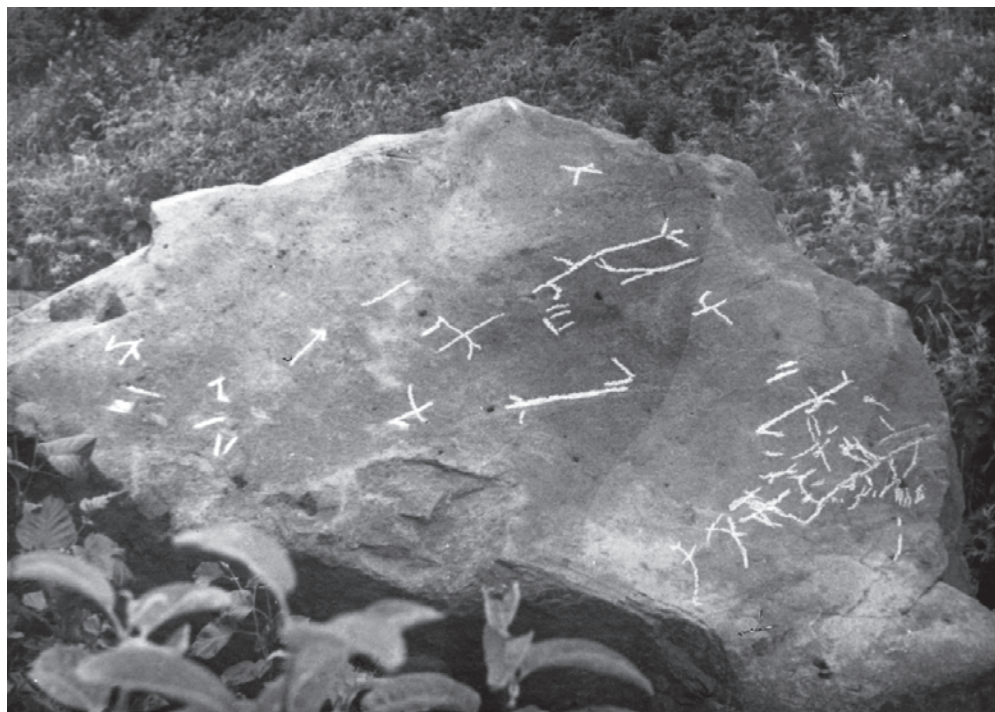

Рис. 19. Камень со знаками из отчета В.А. Голубева.

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ
МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ КАЛМИСТОМЯКИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ**

Изучение различных аспектов культуры финно-угорских народов в целом и прибалтийско-финских народов в частности — традиционное направление в деятельности МАЭ РАН. В фондах отдела археологии хранятся немногочисленные, но представительные коллекции из раскопок средневековых памятников Северо-Запада: коллекции № 6012 — раскопки Равдоникаса в юго-восточном Приладожье, № 1305 — из раскопок Репникова у Городища на Сяси, № 1533 — из раскопок памятников древнерусского времени в районе Вельсегонска, №№ 1807, 1849 — из раскопок Васильева в Лужском уезде. Последние были научно обработаны и опубликованы недавно в «Своде археологических источников Кунсткамеры» В.Ю. Соболевым [Соболев 2006: 302–340].

Археологические материалы из района Приладожья и Карелии широко представлены в фонде отдела в основном результатами раскопок памятников эпохи мезолита—раннего металла. Эпоха железа—Средневековья до настоящего времени в коллекциях отражена не была. Новые материалы, полученные в ходе раскопок последних лет на могильнике Кюлялахти Калмистомяки, частичной публикации которых посвящена статья, заполняют эту лауну.

Археологическое изучение погребальных памятников эпохи Средневековья на Карельском Перешейке и в Северном Приладожье имеет более чем столетнюю историю. Материалы, полученные в результате работ нескольких поколений как финских, так и российских исследователей, полноценно изучены и обобщены в целой серии монографий [Schwindt 1893, Кочкуркина 1982, 1985, Uino 1997, Saksa 1998].

По-прежнему основной фонд источников по материальной культуре средневекового населения региона составляют материалы погребальных комплексов. Подавляющее большинство их было зафиксировано благодаря работам Теодора Швиндта в 1870–1880-е годы [Schwindt 1893]. Однако при всей значимости эти исследования, естественно, имели недостатки, связанные с методикой проведения археологических работ того времени. В большинстве случаев Т. Швиндт, впрочем, как и другие археологи, работавшие в регионе позднее, получая сведения о находках костей или артефактов местными крестьянами, выезжал на место и производил раскопки. Если выявлялось что-либо с его точки зрения интересное — расширялась площадь раскопок. Если нет — работы останавливались. В результате мы, с одной стороны, располагаем сведениями о

множестве мест, где находились древние кладбища, с другой — значительная их часть известна по находкам одного-двух погребений или отдельных костей и артефактов, но не обследована полностью. Тем не менее описания и, что очень важно, чертежи Т. Швиндта позволяют достаточно точно локализовать большинство пунктов на современных картах и местности и охарактеризовать расположение и состав конкретных погребальных комплексов.

Данные источниковедческие лакуны были существенно заполнены позднее. Из наиболее крупных исследований следует назвать работы А.И. Сакса на комплексе Куркийоки Кууппала [Сакса, Саарнисто, Таавитсайнен 1994: 75–77] и на ряде могильников Карельского перешейка и В. Лааксо — на комплексах Каускила Каппелинмяки и Укуниэми Паппинниэми на современной территории Финляндии [Alenius, Laakso 2003, Laakso 2004].

Существует объективная сложность в поиске и изучении погребальных памятников эпохи Средневековья в регионе. Для этого периода был характерен грунтовый обряд погребения без возведения значительных, по крайней мере различимых сейчас, надмогильных сооружений. Поэтому после прекращения функционирования могильника информация о месте его расположения могла постепенно исчезнуть из памяти последующих поколений. Основным видом хозяйственной деятельности населения региона начиная, по крайней мере, с эпохи раннего Средневековья, было земледелие [Saksa et al. 1995]. Соответственно в условиях ледникового рельефа Карелии поселения и зачастую прилегающие к ним могильники располагались в определенном типе ландшафта — в ограниченных по площади озерных или речных долинах вблизи воды. Фактически система расселения, сложившаяся в XII–XIII вв., мало изменялась на протяжении Средневековья–Нового времени. При расширении сельскохозяйственной территории или при переносе поселения, например при повторном заселении региона в XVII в., места расположения более ранних кладбищ и поселений как правило распахивались. Особенно активное освоение Северо-Западного Приладожья происходило в период, когда регион находился в составе независимой Финляндской республики и был одним из важнейших сельскохозяйственных районов страны. В советский период проходило интенсивное колхозное строительство и укрупнение деревень, что также имело негативные последствия для органически сложившейся на протяжении нескольких столетий системы расселения, землепользования и, в частности, сохранности археологических памятников. Сейчас приходится констатировать, что значительная часть объектов эпохи Средневековья–Нового времени разрушена или существенно повреждена, в отличие от времени, когда их впервые зафиксировал Т. Швиндт.

Таким образом, на наш взгляд, существуют как минимум две прикладные задачи археологического исследования погребальных древностей региона: выявление наименее разрушенных могильников и их раскопки

максимально большой площадью с целью наиболее полного качественного изучения всех входящих в его состав комплексов, пространственной стратиграфии могильников, а также получение полноценной антропологической серии.

Давно назревшая необходимость комплексных исследований погребальных памятников подвигла на проведение в 2005 г. разведочных работ в регионе группой по изучению памятников эпохи Средневековья в составе Карельского археологического отряда МАЭ РАН, в которую входили С.В. Бельский (отдел археологии МАЭ), к.и.н. В.И. Хартанович (отдел антропологии МАЭ) и Lic. Ph. В. Лааксо (кафедра археологии Университета Турку). Главная задача исследования — локализация ранее известных объектов, преимущественно могильников, на местности, оценка их современного состояния с точки зрения перспективы проведения археологических раскопок. Всего было обследовано 30 памятников. Среди них наиболее перспективным представлялся участок, расположенный на вершине холма в 2 км к юго-западу от поселка Тиурула, в 0,5 км к юго-востоку от фундамента православной церкви Тиурула, в 0,1 км к югу от юго-западного берега залива Тиуруланселька в Лахденпохском районе Республики Карелия (рис. 1, 2).

В 1920-х годах местными крестьянами в центральной части холма, называвшегося Калмистомяки (букв. «погребальный холм»), возле не существующей сейчас деревни Кюлялахти был найден бронзовый цепедержатель. Также в большой яме в западной части холма, сделанной для хранения картофеля, находили человеческие кости и черепа. На берегу залива Ладоги у подножия холма был обнаружен железный наконечник копья и рукоятка ножа. В 1931 г. на поле была найдена овальная карельская фибула типа С 2 по Линтури [Linturi 1980: 92–93] и наконечник копья. В 1928 г. это место было обследовано Нильсом Клеве, а в 1933 г. Сакари Пяльси. В небольшом отчете, датированном 28 октября 1933 г., знаменитый финский археолог подробно описал местность и основные топографические ориентиры, благодаря которым в 2005 г. это место без особого труда удалось обнаружить. Также он отметил, что на лугу, располагавшемся на вершине холма, находятся 30 западин, ориентированных по линии запад–восток, которые, по его предположению, могут быть могилами [Uino 1997: 222, Кочкуркина 1981: 115, № 177].

В настоящее время холм Калмистомяки максимальной шириной 0,11 км имеет подовальную форму и вытянут по линии северо-запад–юго-восток на 0,2 км соответственно общему направлению ледникового вспахивания в регионе (рис. 2). Вершина холма относительно горизонтальная, поверхность ровная. Северо-западная часть холма более высокая, постепенно понижается в северо-западном направлении. На ней сейчас расположен луг. Характер растительности делит всю территорию холма на три приблизительно равные части. Первая — северо-западная треть занята лугом, вторая — центральная — лиственным лесом, произрастающим на месте довоенного огорода, на третьей — юго-восточной,

скальной части — начинают преобладать хвойные породы. Уровень поверхности постепенно повышается в юго-восточном направлении. Юго-западный склон скалистый и достаточно резко обрывается там, где начинается широкая долина безымянного ручья, огибающего холм с юго-западной стороны и впадающего в залив Тиуруланселька. Здесь отдельные скальные выходы перемежаются пониженными участками, заполненными рыхлым грунтом. Северо-восточный склон также частично занят лугом и опускается в сторону залива. У береговой линии луговая растительность сменяется кустарником.

В северо-западной части холма, на лугу у склона расположены две большие глубокие ямы правильных четырехугольных очертаний. По всей видимости, именно в них были найдены человеческие кости. Яма 1 размером 4×4 м, глубиной до 2 м ориентирована по сторонам света. Это, вероятно, остатки погребя, поскольку с западной стороны яма имеет оформленный вход. Яма 2 расположена в 3 м к югу от ямы 1, размерами 2×2 м, глубиной 1,5 м, также ориентирована по сторонам света. Размеры первой ямы, а также ее правильная форма наводили на мысль, что она слишком велика для простого погребя для хранения картофеля. Впрочем, для собственно археологических исследований это было непринципиально. Однако при проведении археологических разведок вокруг залива Тиуруланселька, приблизительно в 0,5 км к северу, была обнаружена практически идентичная по размерам и форме конструкция, сохранность и местоположение которой позволяли однозначно утверждать, что это остатки дзота времен Второй мировой войны. В июле—августе 1941 г. в этом районе, но на противоположном берегу залива и лежащем далее острове Килпола происходили серьезные бои. Возможно, сооружение на холме Калмистомяки, с которого открывается хороший обзор на северную часть залива, является огневой точкой, для создания которой была расширена и углублена более ранняя хозяйственная яма. Это наблюдение приводит к двум выводам: во-первых, часть могильника может иметь несколько большие разрушения, чем это представлялось ранее, во-вторых, на участке холма, прилегающего к северо-западному склону, рыхлые породы имеют относительно большую мощность. Возможно, здесь есть остатки песчаной террасы, примыкавшей к моренному останцу. Вся поверхность, на которой расположен луг, была занята травяной растительностью, достаточно высокой (выше пояса), которую пришлось выкосить для расчистки будущей площади раскопок. Никаких наземных конструкций или ям на современной поверхности обнаружено не было.

В 2006 г. при поддержке Финляндского фонда культуры (Suomen kulttuuri rahasto) и Фонда карельского союза (Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö) на холме Калмистомяки были проведены первые археологические раскопки силами Карельского и Североевропейского отрядов МАЭ РАН при участии Университета Турку (Финляндия), имевшие разведочный характер. В 2007 г. при поддержке тех же организаций, а

также за счет гранта РГНФ (проект № 07-01-18066е) и средств полевой комиссии МАЭ РАН были произведены раскопки широкой площадью. Также на средства МАЭ РАН были проведены консервационные и реставрационные работы с полученными в ходе полевых исследований материалами. В работе экспедиции принимали участие с российской стороны: сотрудники МАЭ РАН С.В. Бельский и Д.В. Герасимов (отдел археологии), к.и.н. В.И. Хартанович, И.Г. Ширококов (отдел антропологии), а также В.Ю. Соболев, Б.Г. Лыч (СПбГУ), к.и.н. С.Н. Лисицын и к.и.н. М.В. Медведева (ИИМК РАН), И.Д. Ткаченко (РЭМ), Н.Н. Воропаева (ИА РАН), студенты Мурманского педагогического университета, Петрозаводского государственного университета и любители древней истории из Санкт-Петербурга, Москвы и Владикавказа. С финляндской стороны в работах принимали участие ассистент кафедры археологии Университета Турку Lic.Ph. В. Лааксо, выпускники и студенты той же кафедры Т. Сепянмаа, Э. Майойнен и А. Хонкала. Всем принимавшим участие в изучении данного памятника, а также дававшим консультации в период полевых работ и после них авторы выражают искреннюю признательность.

Целью статьи является публикация наиболее выразительных погребальных комплексов, зафиксированных в центральной части площадки, занимаемой могильником. К ним относятся погребения 1 и 3 (раскопки 2006 г.), а также 7, 8, 13, 30, 31, 32 и 33 (раскопки 2007 г.) (рис. 4). Представляется, что материалы, полученные при изучении открытых погребений могильника и отдельных находок более ранних эпох, обнаруженных на данной площади, а также результаты антропологических исследований, данные естественно-научных дисциплин, специфика реставрационных работ, данные письменных источников об этом месте и регионе в контексте открытых археологических комплексов являются достаточной базой для написания коллективной монографии, что и планируется сделать в ближайшем будущем.

Работы производились в северо-западной части холма, где был обнаружен могильник. Важным элементом данного участка, как выяснилось в процессе раскопок, является скальный останец высотой около 1 м, расположенный в центральной части площадки. Останец разделен примерно на две равные части естественной выемкой. Наиболее богатые захоронения были расположены вокруг него, также, по всей видимости, на нем был укреплен известняковый поклонный крест, возвышавшийся над местом могильника¹. Очевидно, этот природный объект, занимающий доминирующее положение в микрорельефе, использовался представителями древнего коллектива как особое почитаемое место, чему есть очевидные археологические доказательства.

В 2006 г., на первом этапе работ, для того чтобы выявить возможные погребения, была заложена траншея длиной 32 м и шириной 1 м, прохо-

¹ См. статью С.В. Бельского и М.М. Шахновича в этом сборнике.

дящая поперек холма через наиболее высокую его точку. Она была размечена таким образом, чтобы была возможность открыть напластования как у подножия холма в относительно горизонтальной поверхности, так и на склоне и вершине, поскольку, как показывает опыт предыдущих исследований, карельские могильники зачастую располагаются на склонах возвышенностей. Поскольку холм Калмистомяки представляет собой останец ледникового генезиса и, следовательно, вытянут по линии северо-запад—юго-восток, пересекающая его траншея была ориентирована не по сторонам света, а по линии северо-восток—юго-запад с отклонением в 205° от магнитного севера. Идея такой разметки также заключалась в том, что по мере расчистки конструкций и погребений (если таковые будут выявлены, что и произошло) она могла быть расширена в любом направлении, поскольку место или места, где они могут находиться, заранее было абсолютно невозможно определить. Как показали проведенные исследования, такая методика полностью себя оправдала и дала замечательные результаты.

Поскольку погребения были обнаружены на вершине холма, в 2007 г. было принято решение произвести разметку раскопа в соответствии с более традиционной ориентировкой базовых линий по сторонам света. Этому способствовало отсутствие древесной растительности на выбранном участке. При этом границы раскопа 2006 г. были включены в площадь нового раскопа, а крайний пикет 132/200 получил новые координаты 100/200, ставшие опорными для всей сетки раскопа в процессе работ сезона 2007 г. Таким образом, все конструкции, погребения и т.д., открытые в предыдущий сезон, были максимально точно соотнесены с сеткой нового раскопа, и не составило особого труда совместить их на общем сводном плане могильника (рис. 3). Площадь раскопа 2007 г. составила 162 м^2 , таким образом, общая изученная площадь на памятнике за два года исследований составила 184 м^2 .

Погребальные комплексы центральной части могильника Кюлялахти Калмистомяки

Под термином «погребальный комплекс» в статье понимается единство как надмогильного сооружения, так и погребения, включающее в себя собственно останки погребенного, могильную яму, следы каких-либо конструкций (гробов или колод) и сопроводительного инвентаря. Поскольку не над всеми погребениями, имеющими сквозную нумерацию, было зафиксировано надмогильное сооружение, часто номер погребения и номер надмогильного сооружения не совпадают, хотя входят в состав единого комплекса.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 1 (рис. 5)

Надмогильное сооружение № 1

Данное надмогильное сооружение, как, впрочем, и подавляющее большинство других, было зафиксировано практически под дерном. Грани некоторых из камней были видны с современной дневной поверхности. По всей видимости, именно западины внутри них наблюдал С. Пяльси в 1933 г.

Надмогильное сооружение № 1 представляло собой выкладку из семнадцати крупных (от 15 до 45 см в диаметре) гранитных валунов. Они были выложены в один ряд в замкнутую конструкцию овальной формы, ориентированную по линии запад—восток (243° относительно направления на магнитный Север), имевшую размеры по внешнему периметру $2,05 \times 0,85$ м, по внутреннему — $1,37 \times 0,3$ м. Внутреннее пространство сооружения оставалось свободным. На его западном и восточном краях располагались наиболее крупные валуны (соответственно, в голове и ногах погребенного), поверхности которых были зафиксированы практически под дерном. Внутреннее пространство сооружения было заполнено сероватым моренным суглинком со значительной примесью небольших камней, по цветности фактически не отличавшимся от напластований за пределами сооружения. Однако он был более рыхлым, что было подмечено в процессе расчистки.

Погребение № 1

После графической и фотофиксации надмогильного сооружения № 1, основные слагающие его валуны были удалены практически по всему периметру, за исключением наиболее крупных, и была зачищена поверхность могильной ямы. Сложным оказалось определить ее точные границы, поскольку грунт был чрезвычайно насыщен моренными валунами, а рыхлые отложения имели в целом монотонный характер окрашенности. Этому способствовало и то обстоятельство, что погребение располагалось очень близко к современной поверхности, видимо, вследствие сложности выкапывания ямы в таком грунте. Тем не менее ее приблизительные размеры, различаемые по заполнению, составили в длину (по линии запад—восток около 1,6 м, в ширину (по линии север—юг) около 0,6 м. Погребение было совершено в гробу, о чем свидетельствуют узкие, не более 0,02 м полосы древесного тлена в западной части могильной ямы, а также под черепом, над бронзовым цепедержателем в районе грудной клетки и под костью правого предплечья. Приблизительная реконструируемая ширина гроба около 0,35 м.

Положение и сохранность костяка

Погребенная была расположена в вытянутом положении на спине головой на запад. Вероятно, руки были скрещены в районе живота. Череп погребенной (вероятно, это была девочка-подросток примерно 12—13 лет, по заключению В.И. Хартановича) находился в удовлетворительном состоянии. Теменные кости были продавлены внутрь и не сохрани-

лись. Сохранились частично затылочные, височные, лобные кости, верхняя и частично нижняя челюсти. Посткраниальный скелет представлен фрагментарно: сохранились кости правой ключицы, частично правого предплечья, мелкие фрагменты позвоночных, бедренных и берцовых костей. Кости стоп не сохранились. В целом сохранность костей достаточно плохая. Положение погребенной реконструируется в основном по не всегда отчетливым следам тлена.

Сопроводительный инвентарь

1. С правой и левой сторон черепа были обнаружены два многобусинных височных кольца, состоявшие из квадратной в сечении бронзовой проволоки шириной 0,4 см, на одном конце которой находилось ушко, а другой был завязан в виде спирали (рис. 7-1 а, б). На изогнутую в виде кольца проволоку были напущены серебряные полые шарики, диаметром около 1 см. Кольца сохранились в виде трех фрагментов. Два фрагмента одного кольца располагались с правой стороны черепа, при этом один из них, на котором находился один шарик, был обнаружен в 10 см к востоку от височной кости, а второй, на котором были два серебряных шарика, — возле черепа в положении *in situ*. Один фрагмент шарика был обнаружен возле нижней челюсти. Также несколько мелких фрагментов были расчищены возле височной кости. Очевидно, все они происходят от одного предмета, который был раздавлен и сломан уже после совершения погребения. Возле фрагмента кольца, располагавшегося *in situ*, были расчищены остатки дерева, волос и не определимых в поле органических материалов.

Всего в погребальных комплексах могильника встречено 10 экземпляров височных колец данного типа (погребения № 1, 3, 13, 32, 34). На проволоочный бронзовый стержень таких изделий нанизаны серебряные с позолотой гладкие полые бусины, количество которых колеблется от 7 до 12². Ближайшая их наибольшая концентрация — более двухсот — зафиксирована на Ижорском плато [Спицын 1896, табл. II и XII], где датируются концом XIII—XIV вв. [Лесман 1990: 99–101]. В Карелии до раскопок в Кюлялахти была известна лишь одна случайная находка кольца такого типа — в районе города Сортавала [Uino 1997: 187, fig. 6: 10–4]. По М.В. Седовой, десять колец встречены в новгородских слоях конца XIII — начала XV в., что не противоречит общей датировке могильника Кюлялахти [Седова 1981: 14]. В.В. Седов соотносил их с древностями води [Седов 1953: 194]. Однако их находки известны на достаточно большой территории, в том числе и в Южной Руси и на территории Великого княжества Литовского [Панченко 2002].

2. В районе грудной клетки было расчищено крупное пятно размерами 0,12 × 0,08 м, состоящее из органических материалов: бересты, дере-

² Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Ю.М. Лесману за помощь и консультации.

ва, текстиля и кожи. Береста и остатки дерева покрывали сверху крупную бронзовую подвеску или цепедержатель (анalogии в Карелии не известны) (рис. 7-2). При ее расчистке выяснилось, что за одно из колец привязан хорошо сохранившийся кожаный ремешок шириной 0,5 см, на другом конце которого сохранился фрагмент бронзовой проволоки.

После расчистки и фиксации скелета и артефактов заполнение могильной ямы 1 было выбрано полностью до материка, представлявшего собой желтый крупнозернистый песок с гравием и большим количеством камней разных размеров. В целом границы могильной ямы были слабо выражены, дно плоское. Могильная яма была овальной формы, вытянута по линии запад—восток, фактические размеры по матерiku составили 1,7 м по линии запад—восток, 0,6 м по линии север—юг. Ее максимальная глубина от уровня современной поверхности, откуда она, очевидно, была впущена, составила 0,35 м.

Погребальный комплекс № 3 (рис. 5)

Надмогильное сооружение № 2 (рис. 3)

Надмогильное сооружение над погребением 3 было сходно с сооружением 1 и представляло собой вытянутую по линии запад—восток (257° относительно направления на магнитный Север), сложенную из одного ряда десяти крупных валунов (размеры наиболее крупного 0,5 × 0,4 × 0,2 м, располагавшегося на западном краю) конструкцию овальной формы длиной по линии запад—восток 2,4 м и максимальной шириной по внешнему диаметру 1 м, по внутреннему — 0,4 м. Внутреннее пространство было свободно от крупных валунов. Вероятно, первоначально она представляла собой аналогично надмогильному сооружению 1 замкнутую конструкцию, но затем ее южная стенка была частично разрушена, вероятно, при совершении последующих захоронений, находящихся в непосредственной близости.

После расчистки и фиксации конструкции были удалены основные валуны и зачищена поверхность могильной ямы. Она оказалась достаточно большой: 2,2 м в длину по линии запад—восток и 0,79—0,88 м в ширину по линии север—юг. Ее границы не были прямыми, поскольку она была сделана в чрезвычайно каменистом грунте. На той же глубине были расчищены остатки деревянного гроба, сделанного из досок. Остатки дерева сохранились лишь на отдельных участках в виде древесной трухи или тлена. Лучше всех сохранилась стенка гроба с левой стороны костяка, расчищенная на длину 0,8 м, имевшая в ширину не более 0,02 м, ориентированная по линии запад—восток вдоль костяка (243° относительно направления на магнитный Север). Также остатки гроба в виде коротких и узких полос древесной трухи были зафиксированы в восточной, справа от костяка, и в западной частях могильной ямы, возле черепа. Таким образом, реконструируемые размеры гроба составили: в длину 1,76 м, в ширину на восточном крае 0,27 м, в центральной части 0,31 м и 0,41 м в западной части. Возможно, он имел трапециевидную в плане

форму, а также крышку, поскольку остатки дерева были обнаружены с правой стороны черепа и частично покрывали его; они были расчищены над отдельно лежащим височным кольцом.

Положение и сохранность костяка

После фиксации данного уровня было выбрано заполнение могильной ямы и расчищен костяк. Кости погребенной (вероятно, это была молодая женщина 20–23 лет, по определению В.И. Хартановича) находились в удовлетворительном состоянии и располагались в анатомическом порядке. Сохранилась значительная часть костей черепа, а также тазовые и бедренные кости. Кости плеча и предплечья сохранились в виде обломков, берцовые и кости стоп не сохранились. Таким образом, положение костяка реконструируется вполне определенно: погребенная захоронена в вытянутом положении на спине головой на запад, руки скрещены в районе живота.

Сопроводительный инвентарь

1. С правой стороны черепа было расчищено целое височное кольцо фактически идеальной сохранности. Кольцо аналогично найденным при погребении 1, большего диаметра и с одиннадцатью полыми серебряными шариками (рис. 7-3).

2. Второе такое же височное кольцо было частично расчищено с левой стороны, но оно находилось почти под черепом. На нем и рядом с ним сохранились участки органики: дерева, волос и, возможно, текстиля. Для того чтобы избежать повреждения этих материалов, череп был извлечен без полной расчистки, помещен в специальный контейнер и отправлен в лабораторию реставрации и консервации МАЭ РАН, где в течение осени 2006 и зимы 2007 г. происходила его расчистка в лабораторных условиях.

3. В районе таза был обнаружен отдельно лежащий целый полый шарик, аналогичный напущенным на височные кольца. Его нахождение здесь представлялось загадочным, до тех пор пока в лаборатории не было расчищено второе височное кольцо, на которое были напущены 10 шариков и один из концов бронзовой проволоки которого был обломан. Первоначально предполагалось, что, вероятно, еще в процессе захоронения, а может быть, перемещения к месту захоронения это височное кольцо было сломано и один из шариков укатился в район таза. Причем это могло произойти только до разрушения гроба и заполнения его грунтом. Однако когда в 2007 г. были открыты еще 46 погребений могильника, выяснилось, что среди инвентаря во многих из них присутствует отдельно лежащий в районе грудной клетки или таза серебряный шарик или пуговица, причем разных типов. Таким образом, это не случайность, а особенность ритуального костюма.

4. Также в районе таза был найден серебряный перстень, надетый на палец правой руки (кости пальца частично сохранились внутри него) (рис. 7-4). Такие серебряные плетеные перстни представлены в могильнике в пяти экземплярах (погребения 3, 13, 30 и 38, а также одна находка

из разрушенного погребения в северной части раскопа). Они хорошо известны по находкам в Новгороде в слоях конца XI–XIV вв. [Седова 1981: 127, рис. 45–17, 48].

5. В пространстве между бедренных костей был обнаружен железный нож в деревянных ножнах. Спинка ножа прямая, длина лезвия 8 см, ножны чрезвычайно плохой сохранности, фактически состояли из древесной трухи.

6. В заполнении могильной ямы был обнаружен еще один железный нож с обломанным краем и частично сохранившейся деревянной рукоятью, поскольку она была перемотана бронзовой проволокой.

После расчистки и снятия костяка дно могильной ямы было зачищено по матерiku. Ее границы в чрезвычайно каменистом грунте выражены неотчетливо.

Погребальный комплекс № 7 (рис. 6)

Надмогильное сооружение № 4 (рис. 3)

Надмогильное сооружение № 4 представляло собой выкладку из двенадцати крупных (от 0,17 до 0,62 м в поперечнике) гранитных валунов. Валуны были выложены в один ряд в замкнутую конструкцию овальной формы, ориентированную приблизительно по линии запад–восток (248° относительно направления на магнитный Север), имевшую максимальные размеры по внешнему периметру 3×1 м, по внутреннему — $2 \times 0,5$ м. Внутреннее пространство сооружения оставалось свободным. На восточном крае (соответственно в ногах погребенного) был установлен наиболее крупный валун. На западном крае в качестве «замкового» камня была использована поверхность одного из выступов скального выхода, расположенного примерно в середине площадки, занимаемой могильником. По всей видимости, это было сделано специально в процессе сооружения данной надмогильной конструкции. Внутреннее пространство сооружения было заполнено сероватым моренным суглинком со значительной примесью небольших камней, по цветности фактически не отличавшимся от напластований за пределами сооружения. Однако по характеру он был более рыхлым, что было подмечено в процессе расчистки.

Погребение № 7

После графической и фотофиксации надмогильного сооружения № 4 были удалены практически по всему периметру основные слагающие его валуны, за исключением наиболее крупных, и зачищена поверхность могильной ямы. Могильная яма была ориентирована так же, как и надмогильное сооружение. С данной поверхности она читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка, размерами приблизительно $2,2$ м по линии запад–восток и $0,44$ м по линии север–юг. После удаления валунов и зачистки поверхности могильной ямы стали заметны остатки гроба в виде слабо выраженных узких полос древесного тлена или даже гумуса, только по цветности несколько отличавшегося от окружающего

грунта. Лучше всего сохранились полоса древесного плена длиной около 0,65 м и шириной не более 0,06 м с левой стороны костяка вдоль левой бедренной кости погребенного, а также пятно древесного тлена поверх нижнего отдела позвоночника погребенного, представлявшее собой, видимо, остатки крышки гроба. Таким образом, реконструируемые размеры гроба составляли в длину около 1,8 м, в ширину — около 0,4 м. Судя по конфигурации стенок, которую удалось проследить при расчете, гроб имел форму правильного четырехугольника.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на ЮЗЗ (242° относительно направления на магнитный север)³. Положение рук осталось неясным. Череп располагался на левом боку, фактически сразу под камнями, слагавшими надмогильное сооружение. Погребенным был мужчина, умерший в возрасте 45–55 лет. Череп плохой сохранности: отслоение компакты, разрушена правая теменная кость и правая глазница; прижизненная утрата всех коренных зубов.

Сопроводительный инвентарь

1. Возле шейного отдела позвоночника была обнаружена кольцевидная серебряная с позолотой фибула с латинской надписью «Ave Ma», дуги которой соединены в виде рукопожатия (рис. 8-1). Изделие западно-европейского производства (нем. «Handtrouwebratzen»), наибольшая концентрация фиксируется в Северной Германии, Дании, Южной Швеции [Heindel 1986: 65, 79]. Данный тип изделий известен и в Карелии, в могильнике Суотниэми (раскопки Т. Швиндта) [Nordman 1924, fig. 158], а также в Новгороде в слоях XIII–XIV вв. [Седова 1981: 91]. На фибуле частично сохранились остатки дерева, по всей видимости, от крышки гроба, поскольку направление волокон соответствует общей ориентировке могилы. Под фибулой было отмечено пятно темного гумуса (возможно, остатки одежды).

2. Маленькая (диаметром менее 1 см) серебряная шаровидная бусина была обнаружена у проксимального конца левой бедренной кости погребенного. На ней также сохранились мелкие фрагменты дерева.

3. Рядом с бусиной с левой стороны левой бедренной кости был зафиксирован железный нож в пятне темного гумуса (остатки ножен (?). Его общая длина 22 см, длина лезвия 10 см. Для данного артефакта на месте была произведена полевая консервация, он был извлечен монолитом вместе с окружающим грунтом и органикой и после завершения цикла работ передан в реставрационную лабораторию.

4. В районе черепа зафиксированы четыре бронзовые спиральки, соединенные плотной органической субстанцией (ткань (?). Очевидно, являются остатками нашивки на одежду погребенного.

³ Антропологические измерения выполнены аспирантом отдела антропологии МАЭ РАН И.Г. Широковым.

После расчистки и снятия костяка дно и борта могильной ямы были зачищены по материку. Ее границы составили в длину максимально 2,2 м, в ширину — 0,76 м. Максимальная глубина 0,45 м от уровня современной поверхности.

Погребальный комплекс № 8 (рис. 6)

Надмогильное сооружение № 5

Надмогильное сооружение № 5 представляло собой выкладку из двенадцати крупных (от 0,3 до 0,5 м в поперечнике) гранитных валунов. Как и в предыдущем случае, валуны были выложены в один ряд в замкнутую конструкцию овальной формы, ориентированную приблизительно по линии запад—восток (246° относительно направления на магнитный север), имевшую максимальные размеры по внешнему периметру $2,3 \times 0,95$ м, по внутреннему — $1,9 \times 0,38$ м. Внутреннее пространство сооружения оставалось свободным и было заполнено сероватым мореным суглинком со значительной примесью небольших камней, особенно на западном крае.

Погребение № 8

После графической и фотофиксации надмогильного сооружения № 5 были удалены по всему периметру основные слагающие его валуны и зачищена поверхность могильной ямы. Могильная яма имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение. С данной поверхности она читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка, размерами приблизительно 1,6 м по линии запад—восток и 0,5 м по линии север—юг. В восточной части точнее определить границы могильной ямы с данной поверхности не представлялось возможным, поскольку этому мешали многочисленные камни, находившиеся в засыпке могилы. Как показала зачистка по материку, могильная яма имела значительно большие размеры.

Остатки гроба сохранились лишь в восточной части могильной ямы в виде очень слабо читающихся полос древесного тлена. Реконструировать его длину не представляется возможным; в ширину он был около 0,35 м, по крайней мере в восточной части (в районе ног). Гроб имел крышку, поскольку следы дерева обнаружены также поверх локтевых костей погребенной.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на ЮЗЗ (246° относительно направления на магнитный Север). Череп располагался на левом боку, кости левой руки — на тазовых костях, правой — на поясе. Не сохранились ребра, кисти рук (за исключением двух фаланг) и кости стоп. Череп с нижней челюстью плохой сохранности во фрагментах: верхняя часть черепной коробки с лобной костью, фрагмент верхней челюсти, нижняя челюсть в двух фрагментах. Погребенной была женщина, умершая в возрасте 25—35 лет.

Сопроводительный инвентарь

1. В районе шейного отдела позвоночника была обнаружена кольцевидная серебряная с позолотой фибула с 21 конусами скани и каплями зерни между ними (рис. 9-1). Аналогии известны в кладе из города Притзвалк в Северной Германии (Пригнитс, Северо-Западный Бранденбург), датирующемся концом XIV в. [Krabath 2006].

2. Маленькая бронзовая заклепка (1 x 1 см) была обнаружена у южной стенки могильной ямы

3. В 0,1 м к северо-западу от места находки бронзовой заклепки были расчищены 2 маленьких фрагмента изделия из органики размерами 1 x 1 см и полностью минерализованный фрагмент текстиля. Возможно, эти объекты являлись остатками рукояти ножа, который был расчищен ниже. Часть рукояти ножа располагалась под костями правого предплечья. Сверху ножа были зафиксированы фрагменты бересты, которая не относилась к возможным ножам, поскольку занимала большую площадь и направление ее волокон не совпадало с направлением, вдоль которого был расположен сам нож. Отметим, что эти часто встречаемые в погребении № 8 фрагменты бересты, не соотносящиеся с артефактами, возможно, свидетельствуют о том, что тело умершей было в нее завернуто или покрыто ею. Длина лезвия ножа 10,5 см, рукояти — 11 см. На рукояти сохранились остатки органического вещества, возможно кожи.

4. Бронзовые спиральки:

а) остатки бронзовой спиральки длиной 1,8 см и шириной 0,5 см. Данный артефакт был расчищен у проксимального конца правой плечевой кости, на нем были зафиксированы три сохранившиеся нити текстильного изделия красного, желтого и зеленого цветов. Остатки текстиля находились также внутри бронзовой спиральки (спиралек (?)). Под данным бронзовым артефактом было зафиксировано темное пятно органики, возможно остатки бересты и дерева. Последнее может быть фрагментом днища гроба;

б) другой подобный артефакт представлял собой пять параллельных друг другу бронзовых спиралек в виде трубочек длиной 1,7 см, диаметром 0,3—0,4 см, общая ширина данного артефакта 1,5 см. Они были расчищены под костями правого предплечья. Внутри спиралек находились остатки текстиля. В целом данный объект сходен с описанным выше и является, очевидно, остатками расшивки одежды.

5. Группы железных артефактов:

а) с правой стороны костяка между костями предплечья и тазовой части было расчищено скопление железных артефактов, имеющих в основном размеры 1—2 x 3 см, очень плохой сохранности;

б) к востоку от правого предплечья было расчищено округлое пятно органики (размерами 8 x 6 см), которое, вероятно, было остатками бересты. Под ним было расчищено скопление железных артефактов очень плохой сохранности. Среди них, тем не менее, были заметны округлый

предмет (диаметром около 5 см) и две бляшки, рядом и под данным предметом размерами 5 × 2,5 см;

в) между описанным выше скоплением железных артефактов у правого предплечья и лезвием ножа было также расчищено небольшое скопление железных артефактов, покрытых берестой. Среди них был замечен кольцевидный предмет, на нем располагался четырехугольный плоский артефакт (бляшка (?). Эти предметы были очень схожи с описанными выше и несомненно принадлежали к одному большому объекту. Под данной группой артефактов были расчищены два фрагмента полностью минерализованного текстиля и бронзовое изделие диаметром около 0,7 см (бусина (?);

г) в 12 см к северу от бронзовой заклепки, частично поверх проксимального края правой бедренной кости, также было расчищено скопление железных артефактов, среди которых были заметны два кольцевидных предмета в очень плохом состоянии диаметром около 2 см и полностью минерализованный фрагмент текстиля. Также справа от правого плеча был зафиксирован более крупный железный артефакт (7 × 3 см) — наконечник ремня, под которым также был отмечен фрагмент текстиля.

Уже в процессе полевых исследований стало понятно, что все эти скопления железных артефактов разнообразной формы представляют собой части поясной гарнитуры. Странность заключалась в том, что пояс был положен вдоль тела погребенной с правой стороны, а не был одет на нее. В процессе расчистки, учитывая плохую сохранность железа, производилась консервация отдельных скоплений на месте. После окончания работ они были переданы в реставрационную лабораторию (рис. 9-2).

6. В районе таза была обнаружен бронзовый шарообразный с ушком бубенчик (пуговица (?)) диаметром 2 см.

После расчистки и снятия костяка дно и борта могильной ямы были зачищены по матерiku. Ее границы составили: в длину максимально 2,2 м, в ширину 0,86 м. Максимальная глубина составила 0,5 м от уровня современной поверхности.

Погребальный комплекс № 13 (рис. 10)

Надмогильное сооружение № 7

Надмогильное сооружение № 7 представляло собой каменную конструкцию аналогичного описанным выше типа, имевшую размеры: по внешнему периметру 2,74 × 1,03 м, по внутреннему — 1,8 × 0,54 м. Оно было ориентировано по линии юго-запад—северо-восток (231° относительно направления на магнитный север) и сложено из 12 валунов размерами от 0,2 до 0,57 м в поперечнике. Наиболее крупными были валуны, располагавшиеся на юго-западном и северо-восточном краях конструкции: 0,3 и 0,57 м в поперечнике соответственно.

Погребение № 13

После графической и фотофиксации надмогильного сооружения № 7 были удалены по всему периметру слагающие его валуны и зачищена поверхность могильной ямы. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение. С данной поверхности яма читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 2 м по линии юго-запад—северо-восток и 0,7 м по линии северо-запад—юго-восток.

Практически сразу при расчистке этой поверхности были зафиксированы остатки гроба в виде узких полос древесного тлена в торцевой, юго-западной части могильной ямы возле черепа погребенной на глубине 18,2 м длиной 0,5 м, шириной 0,05 м, а также вдоль правой бедренной и берцовой костей длиной 0,37 м, шириной 0,04 м. Реконструируемые размеры гроба: приблизительно 1,75 × 0,4 м (возможно, в районе ног несколько уже — до 0,3 м). Гроб имел крышку, был сделан из досок без использования гвоздей (как и другие в данном могильнике).

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на ЮЗЗ (231° относительно направления на магнитный Север). Кисти рук сложены на груди. Не сохранились кости стоп, левая ключица, кости левой руки. Погребенной была женщина, умершая в возрасте 20—25 лет. Череп с нижней челюстью крайне плохой сохранности: разрушена лобная кость и лицевой отдел, затылочная часть раздавлена, наблюдается отслоение компакты.

Сопроводительный инвентарь

1. С правой и левой сторон черепа были расчищены многобусинные височные кольца хорошей сохранности. Кольца аналогичного типа зафиксированы в погребениях 1 и 3, только бусины несколько большего диаметра — до 2 см. На каждом из колец поверх составляющих их серебряных бусин зафиксированы следы дерева с волокнами, ориентированными в том же направлении, что и могила. Вероятно, это следы крышки гроба. На правом кольце поверх этого дерева зафиксированы остатки органического материала, возможно бересты. Также возле этого же кольца и частично на одной из бусин было расчищено несколько сохранившихся волос темного цвета. Кроме них волосы были зафиксированы между самым кольцом и черепом погребенной. На одной из бусин правого кольца был расчищен очень маленький фрагмент текстиля. Также фрагмент текстиля был расчищен под левым кольцом.

2. Своеобразная подвеска-кулон была обнаружена у левой стороны нижней челюсти погребенной (рис. 7-5). Она представляла собой полую сферическую бусину, урашенную ложной зернью, диаметром около 1 см с двумя ушками: в верхнее, по всей видимости, продевался шнурок, на нижнее крепилась плоская сердцевидная подвеска длиной 1,2 см. Изделие сделано из золота либо из серебра очень высокого качества.

3. Справа от левой плечевой кости были расчищены крупная пуговица, украшенная филигранью, и серебряный перстень (по всей видимости, такого же типа, как в погребении 3 из раскопок 2006 г.). Возможно, перстень был одет на палец правой руки. Изделия находились в пятне органики, поэтому не были расчищены на месте, а извлечены монолитом и отправлены в реставрационную лабораторию.

4. В районе таза и проксимального конца правой бедренной кости на глубине был изучен своеобразный комплекс (рис. 10):

а) первый элемент представлял собой два кожаных шнура, переплетенных бронзовой проволокой и разделенных на части бусами разных типов. На северо-западном краю комплекса, в 0,06 м к юго-востоку от лучевых костей правой руки, была расчищена бусина красного непрозрачного стекла с «глазками» голубоватого цвета. Рядом с ней находились очень мелкие фрагменты бронзовой спиральки. От нее в юго-восточном направлении на длину около 0,06 м отходили два кожаных шнура диаметром около 3 мм, переплетенные бронзовой проволокой в виде спирали. Примерно на половине длины они пересекались друг с другом. С противоположного конца шнуры были разделены округлым артефактом беловатого цвета, рассыпавшегося в порошок. Вероятнее всего, это остатки бусины из свинца или олова. За ней они протолжались еще на отрезок примерно в 0,02 м в том же направлении и с противоположного конца были разделены аналогичным артефактом. Затем эти два шнура продолжались на отрезок длиной около 0,07 м уже вдоль рукояти ножа в северо-восточном направлении. На окончании этого отрезка они были разделены бронзовой бочонкообразной бусиной, украшенной напаянными колечками. Литые бочонкообразные металлические бусы являются частой находкой в сельских захоронениях в Новгородской земле [Соболев 2006: 306—307]. Рельефный декор из выпуклых кружков-колец появляется после середины XII в. и выходит из употребления лишь в 80-е годы XIV в. [Там же: 307]. В данном комплексе могильника бусины входили не в состав ожерелья, а в своеобразный комплекс поясной гарнитуры.

Далее кожаные шнуры продолжались в том же направлении и уходили под остатки ножен. Поскольку данный комплекс мог быть в поле расчищен только до такого состояния без извлечения отдельных, составлявших его элементов, он был законсервирован и отправлен в реставрационную лабораторию именно на данном этапе расчистки;

б) вторым элементом комплекса был нож с деревянной рукоятью и остатками ножен (рис. 11). Он был расчищен на глубине 18,2 м справа от проксимального конца правой бедренной кости. Длина лезвия 9 см, деревянной рукояти — 10—11 см. Рядом, справа от торца рукояти, был обнаружен серебряный монетовидный предмет с орнаментом или латинскими буквами, являвшийся украшением торцевой поверхности рукояти ножа. Саму рукоять в верхней части опоясывала серебряная оковка (расколотая на две части) с орнаментом или латинскими буквами. Остатки

кожаных ножен были расчищены (насколько это было возможным в полевых условиях) по обеим сторонам лезвия и у рукояти. Они представляли собой очень хрупкие плоские полосы органики (видимо, кожи на какой-то, вероятно, деревянной основе) темно-оранжевого цвета, располагавшиеся вдоль лезвия ножа. Между лезвием и проксимальным краем правой бедренной кости были также зафиксированы мелкие фрагменты текстиля;

в) третьим элементом, входившим в рассматриваемый комплекс, было порошковидное скопление белого цвета, расчищенное в 0,04 м к северо-западу от лезвия. Скорее всего это остатки оловянного или свинцового артефакта.

Итак, реконструировать данный комплекс возможно следующим образом: вероятно, нож в ножнах был скреплен двумя кожаными шнурами, разделенными бусинами на отдельные отрезки, которые, в свою очередь, каким-то образом были скреплены с поясом (который не сохранился). Оловянный или свинцовый артефакт также был как-то скреплен с этим комплексом. То есть в данном случае речь идет о своеобразной поясной гарнитуре.

5. В нижней части позвоночника, под ним и между костями, были расчищены пятно органики и в нем фрагмент текстиля желтого цвета.

6. В 0,04 м к северу от данного фрагмента текстиля под костями левого предплечья были расчищены три бронзовые трубочки, сделанные из свернутой спиралью тонкой проволоки (аналогичные найденным в погребениях № 7 и 8) длиной 1,5 см в пятне органики.

7. У правой берцовой кости, к югу от нее, под фрагментами дерева толщиной около 2 см (возможно, остатками крышки гроба) были расчищены фрагменты кожаных изделий, вероятнее всего остатки обуви. Самый большой фрагмент был длиной 21 см, шириной около 16 см. В дополнение к нему к востоку был расчищен еще один фрагмент размерами 5 × 2 см. Верхний край кожаного изделия, по всей видимости непотревоженный, располагался приблизительно в 4,5 см ниже колена. Между изделием и костями не было зафиксировано дерева, т.е. оно, несомненно, располагалось внутри гроба. Дерево обнаружено под ним и является остатками дна гроба. Под проксимальным краем малой берцовой кости были расчищены следы бронзы в пятне органики размерами 2 × 2 см, находящиеся в контакте с кожаным изделием. Возможно, на обувь в верхней части был нанесен узор из тонкой металлической проволоки. Данный объект был извлечен после проведения полевой консервации и отправлен в реставрационную лабораторию.

Возле левой берцовой кости каких-либо следов кожаных изделий зафиксировано не было.

8. В районе грудной клетки, в 7 см к востоку от нижней челюсти, был обнаружен кварцевый нуклеус длиной около 3 см. Вероятнее всего, он находился под днищем гроба и попал сюда случайно. Уже в процессе раскопок 2006 г. был получен материал, связанный со стоянкой, вероят-

но, эпохи раннего металла, располагавшейся на краю холма Калмисто-
мяки. Очевидно, данный артефакт связан с материалами стоянки, куль-
турный слой которой, по крайней мере на открытом раскопках участ-
ке, полностью уничтожен в процессе позднейшей активности.

После расчистки и снятия костяка дно и борта могильной ямы были
зачищены по матерiku. Ее границы составили: в длину максимально
2,1 м, в ширину 0,7 м. Максимальная глубина составила 0,53 м от уровня
современной поверхности.

Погребальный комплекс № 30 (рис. 12)

Надмогильное сооружение № 21

Надмогильное сооружение № 21 было открыто в центральной части
раскопа, к северу от скального останца. Видимо, оно представляло со-
бой каменную конструкцию аналогичного описанным выше типа, но
частично разрушенную в восточной части с реконструируемыми разме-
рами: по внешнему периметру приблизительно $2,66 \times 1,44$ м, по внут-
реннему $1,8 \times 0,72$ м. Оно было ориентировано приблизительно по ли-
нии запад—восток (юго-западный край на 248° относительно направле-
ния на магнитный Север).

Сохранился только большой «замковый» камень на западном крае со-
оружения вытянутой формы длиной 0,76 м. Он был поставлен на камень
меньших размеров, до 0,4 м в поперечнике. Как выяснилось при расчи-
стке погребения, они находились прямо над черепом, поэтому он был
раздавлен и практически не сохранился. В восточной части надмогиль-
ного сооружения «замковый» камень отсутствовал. По всей видимости,
были частично разобраны северная и южная стенки сооружения, воз-
можно, камни из последней были использованы при создании надмо-
гильного сооружения № 4 (над погребением № 7), расположенным юж-
нее. Внутреннее пространство надмогильного сооружения № 21 было
заполнено как серым суглинком, так и значительным количеством мел-
ких камней (до 0,1 м в поперечнике), особенно в восточной части.

Погребение № 30

После графической и фотофиксации надмогильного сооружения № 21
слагающие его валуны были удалены. Каких-либо выраженных границ
могильной ямы с данной поверхности выявить не удалось. Границы мо-
гильной ямы были установлены в обратном традиционному порядке:
сначала были расчищены значительные участки ее дна до поверхности
светлого желтого крупнозернистого со значительной примесью мелких
камней и гальки песка, затем, по мере расширения расчищаемой пло-
щади и снятия костей и артефактов, были выявлены ее стенки. В каме-
нистом грунте такая последовательность расчистки являлась зачастую
единственным способом проследить границы земляных структур.

Остатки гроба были расчищены у правой бедренной кости и в восточ-
ной части могильной ямы, где полностью сохранились его край — тор-

цевая часть — и примыкающие стенки в виде скоплений или полос древесного тлена и трухи. Гроб был сделан из досок, имел крышку (дерево сохранилось поверх костей и артефактов). Его длина составляла 1,7 м. В восточной части удалось измерить сохранившуюся толщину досок — около 1 см.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, очевидно в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на ЮЗ (248° относительно направления на магнитный Север). Сохранились небольшие фрагменты черепа, левых бедренной и большой берцовой костей, два фрагмента неопределимых трубчатых костей и фрагмент верхнего эпифиза локтевой кости, фрагменты безымянных костей. Фрагменты черепа плохой сохранности: фрагменты височной и затылочной костей, два зуба. Погребенной была женщина (это следует из состава сопроводительного инвентаря), умершая в возрасте 20–30 лет.

Сопроводительный инвентарь

Погребение № 30 было наиболее богатым среди всех изученных на данный момент комплексов могильника.

1. Два многобусинных височных кольца были расчищены в западной части могильной ямы (рис. 14-1). Кольца прекрасной сохранности, находились в положении *in situ*, несмотря на то что от черепа сохранились лишь мелкие фрагменты. Кольца аналогичного типа найденным в погребениях № 1, 3 и 13, только более высокого качества, лучше сохранилась позолота. Под левым кольцом были зафиксированы фрагменты органики: человеческий волос черного цвета и пятно какого-то материала (толщиной около 1 мм), возможно кожаного изделия или текстиля. Под этими объектами — древесный тлен, очевидно следы дна гробовища.

2. Чуть восточнее этих колец, между ними, на той же глубине обнаружена крупная серебряная с позолотой, украшенная филигранью бусина-пуговица (рис. 14-2). Очень похожие изделия встречены в знаменитом кладе серебряных вещей на Тиверском городище, обнаруженном в конце XIX в. и датированном в целом XIII в.

3. В центральной части могильной ямы в пятне органики, состоявшей из больших фрагментов бересты, дерева (возможно, крышки гроба) и других трудно определяемых в полевых условиях органических материалов, был расчищен бронзовый перстень — печатка с золотым щитком, на котором имеется зооморфное изображение (рис. 14-3). В кольце перстня была кость пальца, вероятно правой руки.

4. В 0,06 м к северо-западу от перстня расчищена крупная серебряная бусина-пуговица, аналогичная найденной возле височных колец в том же погребении, но несколько меньшего диаметра, также располагавшаяся в мощном пятне органики.

5. Сложный комплекс артефактов был расчищен с левой стороны погребенного в районе таза и левой бедренной кости (рис. 13). У проксимального конца левой бедренной кости было расчищено бронзовое

(поясное) кольцо диаметром 4 см. На нем были фрагменты дерева (вероятно, крышки гроба). К нему каким-то образом были прикреплены (привязаны (?)) следующие объекты:

а) расположенный в западной части кожаный ремешок шириной до 0,5 см, скреплен с бронзовым кольцом. Он был плохой сохранности и частично осыпался. Его назначение неясно;

б) к востоку от описанного выше ремешка располагался еще один, на котором были заметны два узла у места скрепления с бронзовым кольцом. Затем на ремешок была надета бронзовая бусина, аналогичная найденной в погребении № 13. Затем, после бусины ремешок разделен на два оплетенных бронзовыми спиралями, которые, в свою очередь продолжались до разделительной спирали большего диаметра, затем до еще одной бронзовой бусины. Оканчивался этот комплекс Ф-образной бронзовой пронизкой. Длина каждого участка двойной спирали была около 2,5 см;

в) аналогичный комплекс артефактов начинался рядом у кольца, чуть восточнее предыдущего, и, пересекая примерно в середине предыдущий, прерывался. Но, по всей видимости, его продолжение было чуть западнее, представляло собой три участка двойной бронзовой спирали, разделенные двумя бронзовыми бусинами;

г) два описанных выше комплекса входили в отверстие сквозной Ф-образной бронзовой пронизки с ее западного края. С ее восточного края продолжались уже только две бронзовые спирали, разделенные на два участка бронзовой бусиной. Бронзовая бусина размещалась также на конце видимой с данного уровня двойной спирали. Длина каждого из участков спирали была практически одинаковой;

д) заканчивался этот комплекс железным артефактом длиной около 13 см, на котором сохранились отпечатки ткани. Но этот артефакт (игольница (?)) располагался поверх бронзовых спиралей.

6. Железный нож с костяной рукоятью в кожаных ножнах с бронзовыми оковками (рис. 14-4, 15). Его удалось расчистить только после снятия и консервации комплекса бронзовых предметов. Верхний край ножен располагался под левой бедренной костью. Ножны состояли из нескольких слоев кожи толщиной не более 1,5 мм. По краю они были окованы тонкими бронзовыми пластинками шириной 6 мм. Несколько их фрагментов расчищены на кости. Поверх ножен в их верхней части были расчищены фрагменты полностью минерализованного текстиля, а также дерева (крышка гроба (?)) и бересты.

7. Сразу под рукоятью ножа был расчищен край изделия из кожи, орнаментированного тисненым орнаментом (каким именно не представлялось возможным определить в полевых условиях). Изделие состоит из двух кусков (или одного большого сложенного). Вдоль края изделия располагались два ряда сквозных мелких отверстий, видимо от прошитого соединения. С западной стороны к нему подходили бронзовые спирали от комплекса, описанного выше. Вероятно, это остатки сумки или ко-

шелька. Под ним находилась хорошо сохранившаяся доска дна гробовища.

Таким образом, описанный выше комплекс артефактов представлял собой части поясной гарнитуры, к которой посредством кожаных ремней, проходящих внутри бронзовых спиралей, крепился ряд изделий: нож в ножнах, железный предмет, возможно, игольник и кожаная сумка (?).

После расчистки, фиксации и снятия костяка и артефактов дно и борта могильной ямы были зачищены по матерiku. Ее границы составили: в длину максимально 2,06 м, в ширину 0,81 м. Максимальная глубина могильной ямы составила 0,5 м от уровня современной поверхности.

Погребение № 31 (рис. 16)

Погребение № 31 было расчищено в центральной части раскопа к северо-западу от скального останца.

Сложно определенно говорить о наличии над ним надмогильного сооружения. Вероятнее всего, оно существовало, но было частично разрушено или разобрано при совершении последующих захоронений, расположенных рядом. Во всяком случае выше него был расчищен ряд из пяти крупных камней (до 0,4 м в поперечнике), ориентированный по линии юго-запад—северо-восток. Возможно, они являются частью северо-западной стенки надмогильного сооружения над данным погребением.

После графической и фотофиксации были удалены валуны и зачищена поверхность могильной ямы. С данной поверхности она читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка в желтом крупнозернистом материковом песке, чрезвычайно насыщенном камнями. Ее размеры были приблизительно 1,48 м по линии юго-запад—северо-восток и 0,8 м по линии северо-запад—юго-восток. Сразу после снятия камней стали видны остатки гробовища в виде полос древесного тлена и трухи вдоль левой стороны костяка, справа от черепа, вдоль левой стороны правой плечевой кости, между бедренных костей и в районе правой стопы. Максимальная ширина полос тлена 0,1 м. Реконструируемые размеры гроба: длина около 1,6 м, ширина 0,5 м. Гроб имел крышку: фрагменты дерева встречались поверх костей и артефактов.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на ЮЗЗ (247° относительно направления на магнитный Север). Череп на левом боку, лицевой частью обращен на Север. Правая теменная кость разрушена. Сохранились фрагменты плечевых, небольшой фрагмент правой локтевой или лучевой костей (судя по направлению фрагмента, рука лежала на тазовых костях), фрагменты таза и бедренных костей. Череп с нижней челюстью плохой сохранности во фрагментах. Пол погребенного определить затруднительно (по составу инвентаря, вероятно, мужчина). Возраст 20–25 лет.

Сопроводительный инвентарь

1. Справа от нижней челюсти, в районе правого плеча, находилась серебряная с позолотой кольцевидная фибула подтреугольного сечения, без орнамента или декора (рис. 8-2). Под ней фрагмент дерева толщиной 1,3 см, вероятно остатки дна гробовища.

2. Левее ее, в районе шеи, на той же глубине — маленькая шаровидная серебряная пуговица с ушком.

3. С левой стороны, в районе таза, находился серебряный перстень с гладкой поверхностью без орнамента или декора. К северу от него — фрагмент дерева — стенки гроба.

4. Справа от левой большой берцовой кости, между костью и остатками стенки гроба, был расчищен железный нож, на котором, возможно, сохранились полностью минерализированные остатки кожаных ножен и деревянной рукояти. Длина лезвия 15 см.

5. Бронзовые спирали (вероятно, четыре спирали как в погребении № 7 с фрагментами текстиля внутри них были расчищены в 0,15 м к югу от черепа и в 0,15 м к западу от проксимального конца правой плечевой кости).

После расчистки, фиксации и снятия костяка и артефактов дно и борта могильной ямы были зачищены по матерiku. Ее границы составили: в длину максимально 1,72 м, в ширину 0,62 м. Максимальная глубина могильной ямы составила 0,48 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ № 32—33 (рис. 16)

Надмогильное сооружение № 22

Надмогильное сооружение № 22 было открыто в центральной части раскопа, к западу от скального останца. Оно представляло собой такую же, как и предыдущие, овальную замкнутую кладку с частично нарушенной северной стенкой, однако отличалось некоторым своеобразием, в первую очередь размерами: по внешнему периметру приблизительно $2,12 \times 1,5$ м, по внутреннему — $1,25 \times 1$ м, т.е. было не овальной, а скорее округлой формы, слегка вытянутой по линии запад—восток с отклонением к юго-западу (юго-западный край на 249° относительно направления на магнитный Север). На западном крае располагался один крупный валун овальной формы, расположенный длинной стороной приблизительно по линии север—юг, размерами до 0,6 м в поперечнике. Однако западнее него располагался еще ряд из трех, но менее крупных валунов, также ориентированный почти параллельно первому по линии север—юг—юго-восток. Северную стенку сооружения составлял ряд из шести менее крупных валунов (до 0,3 м в поперечнике). На северо-восточном крае находился более крупный валун (до 0,52 м в поперечнике) также овальной формы и ориентированный длинной стороной по линии север—юг («замковый» (?)).

Не совсем понятно соотношение данного надмогильного сооружения и возможного надмогильного сооружения над погребением № 31, описанным выше. Не ясно, принадлежит ли к нему северная стенка сооружения № 22. Проблема заключается в том, что, как показала расчистка погребений под этим сооружением, они были парными, то есть совершены в одной могильной яме. Если это так, то над двумя погребениями было сделано одно более широкое, чем над описанными выше индивидуальными, надмогильное сооружение. Важно отметить, что оба погребения (№ 32 и 33) не были нарушенными. Вероятнее всего на данном участке сначала было совершено погребение № 31, затем одновременно погребения № 32 и 33, в результате чего камни, слагающие первоначальное надмогильное сооружение, оказались перемещенными или использованными для нового. Но это все же один из возможных вариантов. К сожалению, в подобном грунте, состоящем практически из одного камня, не во всех случаях удалось полностью реконструировать картину обряда и последовательность захоронений.

После графической и фотофиксации надмогильного сооружения № 22 были удалены слагающие его валуны и зачищена поверхность могильной ямы. С данной поверхности яма читалась как овальное пятно серого суглинка размерами 1,44 м по линии юго-запад—северо-восток и 0,95 м по линии северо-запад—юго-восток. Определить границы северо-восточного края было крайне затруднительно, поскольку это пространство (между могильной ямой и скальным останцом в центре площадки могильника) было заполнено исключительно мелкими камнями, в которых вести расчистку не представлялось возможным. Не исключено, что скальный останец предполагался как единый «замковый» камень на северо-восточном крае всех погребений данной группы, но расширить могильные ямы до него при совершении захоронений, по-видимому, не представлялось возможным.

Практически сразу после снятия камней прямо под ними были расчищены остатки гробовища в виде достаточно больших участков древесной трухи в западной и центральной частях могильной ямы, представлявших собой остатки крышки гроба толщиной около 1–1,5 см. Древесная труха была расчищена поверх практически всех костей погребения. Размеры гроба по длине 0,9 м, ширине приблизительно 0,3 м. Отчетливых границ между двумя возможными гробами проследить не удалось, хотя дерево было чрезвычайно плохой сохранности и могло сильно деформироваться под давлением камней, находящихся внутри могилы, вследствие чего границы могли исчезнуть. Хотя не исключено, что оба гроба имели общую крышку.

Положение и сохранность костяка

Костяк не сохранился. В ЮЗЗ части погребения обнаружены фрагменты черепа: фрагменты теменной и лобной (?) костей, зуб. Очевидно, погребенный располагался в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (249° относительно направления на магнит-

ный Север). Вероятно, погребенный был ребенок, более точный возраст определить не представляется возможным из-за плохой сохранности костей.

Сопроводительный инвентарь

В 0,3 м к востоку от черепа, в районе грудной клетки (несохранившейся), была обнаружена ажурная полая серебряная с позолотой бусина, сделанная из тонкой проволоки (рис. 7-6). Других артефактов при погребении обнаружено не было.

Погребение № 33

Погребение № 33 было расчищено к югу от погребения № 32, смыкаясь с ним северной стенкой гроба. Оно было совершено в гробу, имевшем крышку, сохранившиеся в виде больших участков древесной трухи и тлена между черепами погребенных, вдоль костяка и в центральной части захоронения. Размеры гробовища: длина 1,63 м, ширина 0,45 м в юго-западной части (в районе черепа) и 0,33 м в противоположной части, толщина досок 1–1,5 см. После расчистки дерева и отбора образцов на анализ была произведена расчистка и фиксация костяка и сопроводительного инвентаря.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на ЮЗЗ (247° относительно направления на магнитный Север). Сохранились фрагменты теменных и височных костей черепа, правой локтевой, безымянных и бедренных без нижних эпифизов костей. Возраст неопределим. Фрагменты черепа плохой сохранности: фрагменты теменных и височных костей.

Сопроводительный инвентарь

1. В центральной части погребения, в районе грудной клетки, был обнаружен бронзовый перстень со щитком.

2. Восточнее него — части поясной гарнитуры и предметы, крепившиеся к поясу, видимо кожаному:

а) в 0,55 м к востоку от черепа, у фрагментов правой бедренной кости, обнаружен крупный бронзовый (возможно, с позолотой) трехчастный ременной разделитель с орнаментом, круглой формы диаметром 5 см (рис. 7-7). На одной из частей данного артефакта (северной по положению в погребении) сохранился фрагмент кожаного изделия, вероятно пояса шириной 0,8 см;

б) в 0,02 м к востоку от него обнаружено пряслице из розового шифера диаметром 1,5 см;

в) в 0,12 м к северу от него, на той же глубине, обнаружен артефакт, состоящий из двух частей: двойной Ф-образной бронзовой пронизки и прикрепленного к ней при помощи веревки (сохранившейся внутри бронзовой трубки) железного артефакта четырехугольной формы

(6,2 × 2,5 см), вероятно игольника. Данный комплекс был расположен по линии северо-восток—юго-запад;

г) к юго-западу от данного артефакта расчищено пятно беловатого порошковидного вещества диаметром около 1 см, вероятно остатки оловянной бусины;

д) к северу от него расчищен железный нож с остатками деревянной рукояти, расположенный по линии запад—восток. Длина лезвия 10 см, рукояти — 11,5 см. В районе стыка рукояти и лезвия ножа он примыкал к одному из углов четырехугольного железного артефакта, описанного выше.

Очевидно, что эти сложные артефакты крепились к поясу, надетому на погребенного.

После расчистки, фиксации и снятия костяков и артефактов дно и борта могильной ямы были зачищены по матерiku. Ее приблизительные границы составили: в длину максимально 1,6 м, в ширину 0,97 м (в юго-западной части) и 0,68 (в северо-восточной). Максимальная глубина могильной ямы составила 0,4 м от современной поверхности.

Выводы

В результате проведения полевых исследований на холме Калмистомьяки был открыт уникальный по богатству и сохранности археологический комплекс.

На площади раскопа были расчищены отчетливые надмогильные сооружения из крупных валунов, представлявшие собой овальные в плане, замкнутые выкладки, вытянутые по линии запад—восток часто с некоторыми отклонениями по линии юго-запад—северо-восток. По краям, т.е. на западном и восточном краях, были использованы более крупные камни, в некоторых случаях таким ограничением служили скальные выходы или огромные валуны, очевидно, не перемещавшиеся при создании надмогильных сооружений. До археологических исследований этого комплекса в Карелии отдельные подобные сооружения были известны в единичных случаях на отдельных памятниках [Schwindt 1893: 107–108]. Данный обряд ярко выражен в могильнике и находит аналогии в более южных районах Новгородской земли. Речь идет о так называемых жальниках — грунтовых трупоположениях под небольшой насыпью или, позднее, без какой-либо насыпи, отмеченных по периметру каменными оградками. Такие могильники особенно характерны для западных районов Новгородской земли, Ижорской возвышенности, Причудья, Полужья [Спицын 1896]. На Ижорском плато исчезновение какой-либо насыпи над погребениями фиксируется с конца XIII в. [Лесман 1984: 118–153]. В этой связи обряд, зафиксированный в могильнике Кюлялахти, является, по крайней мере, синхронным подавляющему большинству жальников Новгородской земли.

Обряд, отраженный в способе расположения тел умерших, также свидетельствует о позднем периоде функционирования могильника. В от-

личие от значительной части погребений конца XII — начала XIV в., бывших коллективными и совершавшихся в одной большой яме (захоронения двух и более индивидуумов), в могильнике Кюлялахти все погребения индивидуальные за одним исключением. В подавляющем большинстве случаев были прослежены остатки гробов в виде полос или участков древесного тлена над и под костяками, вдоль стенок могильной ямы. Все погребенные были расположены в вытянутом положении на спине, чаще всего руки скрещены в районе груди или таза, ориентированы по линии юго-запад—северо-восток, головой на юго-запад.

Одним из важных результатов раскопок стало обнаружение в погребальных комплексах большого количества артефактов, прекрасного качества и сохранности. В захоронениях были обнаружены предметы новгородского и североевропейского производства конца XIII — первой половины XV вв. Множество находок являются предметами средневекового ювелирного искусства и требуют значительной аналитической обработки с привлечением специалистов разных дисциплин.

Могильник Кюлялахти Калмистомяки можно определить как кладбище при погостском центре северо-западной периферии Новгородской земли XIV в. На всей этой территории в настоящее время известно крайне мало полноценно изученных памятников такого типа. Открытые материалы данного комплекса в значительной мере детализируют представления о материальной культуре населения Северного Приладожья по завершении «развитого» этапа карельской культуры XII—XIII вв. Очевидно, открытые погребальные комплексы могут в значительной степени уточнить хронологию бытования различных типов изделий, источники поступления импортов, особенности их производства. Материалы могильника дают достаточную информацию для реконструкции костюма. В целом источниковая база по материальной культуре населения Северо-Западного Приладожья была качественно увеличена.

Библиография

- Кочуркина С.И.* Археологические памятники корелы V—XV веков. Л., 1981.
- Кочуркина С.И.* Древняя корела. Л., 1982.
- Кочуркина С.И.* Корела и Русь. Л., 1985.
- Лесман Ю.М.* Погребальные памятники Новгородской земли (проблемы синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 118—153.
- Лесман Ю.М.* Многобусинные височные кольца // Новгород и новгородская земля. Вып. 3. 1990. С. 99—101.
- Панченко М.В.* Многобусинные височные кольца на землях Южной Руси // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. № 5(18), сентябрь—октябрь.
- Сакса А.И., Саарнисто М., Таавитсайнен Ю.-П.* Древние жители Куппалы — свидетели этапов истории Ладogi // Вопросы геологии и археологии. СПб., 1994. С. 75—77.

Сакса А.И. Древняя Карелия во второй половине I — первой половине II тыс. н.э. Происхождение, история и культура населения летописной карельской земли: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2007.

Сакса А.И. Древняя Карелия и Ижорская земля // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. 2008. С. 128—145.

Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.) // СА. ГОД. Вып. XVIII.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.

Соболев В.Ю. Материалы раскопок у деревень Логовеще и Селище в собрании фонда археологии МАЭ // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 1. СПб., 2007. С. 302—340.

Спицын А.А. Курганы Ижорского плато в раскопках Л.В. Ивановского. Материалы по археологии России. Вып. 20. СПб, 1896.

Хартанович В.И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л., 1986.

Alenius T., Laakso V. Palaeoecology and Archaeology of the Village of Uukuniemi, Eastern Finland // Acta Borealia. 2006. Vol. 23. No. 2. P. 145—165.

Heindel I. Ava-Maria-Schnallen und Hanttruvebratzen mit Inschriften // ZfA. 1986. Vol. 20. P. 65—79.

Krabath S. Der Pritzwalker Silberfund. Schmuck des späten Mittelalters. Bestandskatalog des Kunstgewerbemuseums der Staatlichen Museen zu Berlin 23. Berlin, 2006.

Laakso V. Lappeenrannan Kauskila Kappelinmäen kalmisto ja kirkonpaikka. Viipurin linnälänin synty. Viipurin läänin historia II. 2004. P. 120—122.

Linturi E. Ristiretkiajan eläinkoristeiset kupurasojet // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 24. Helsinki, 1980.

Nordman C.A. Karelska järnoldersstudier. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXIV:3. Helsingfors, 1924.

Saksa A., Grönlund E., Simola H., Taavitsainen J-P, Kivinen L., Tolonen K. The History of the Environment and Development of Agriculture of Karelian Isthmus and NW Ladoga Region: a Paleoecological and Archaeological Study // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugrii. Pars VII. Jyväskylä, 1995.

Saksa A.I. Rautakautinen Karjala. Studia Carelica Humanistica 11. Joensuu, 1998.

Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta. Suomen muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XIII. Helsinki, 1893.

Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies. Suomen muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 104. Helsinki, 1997.

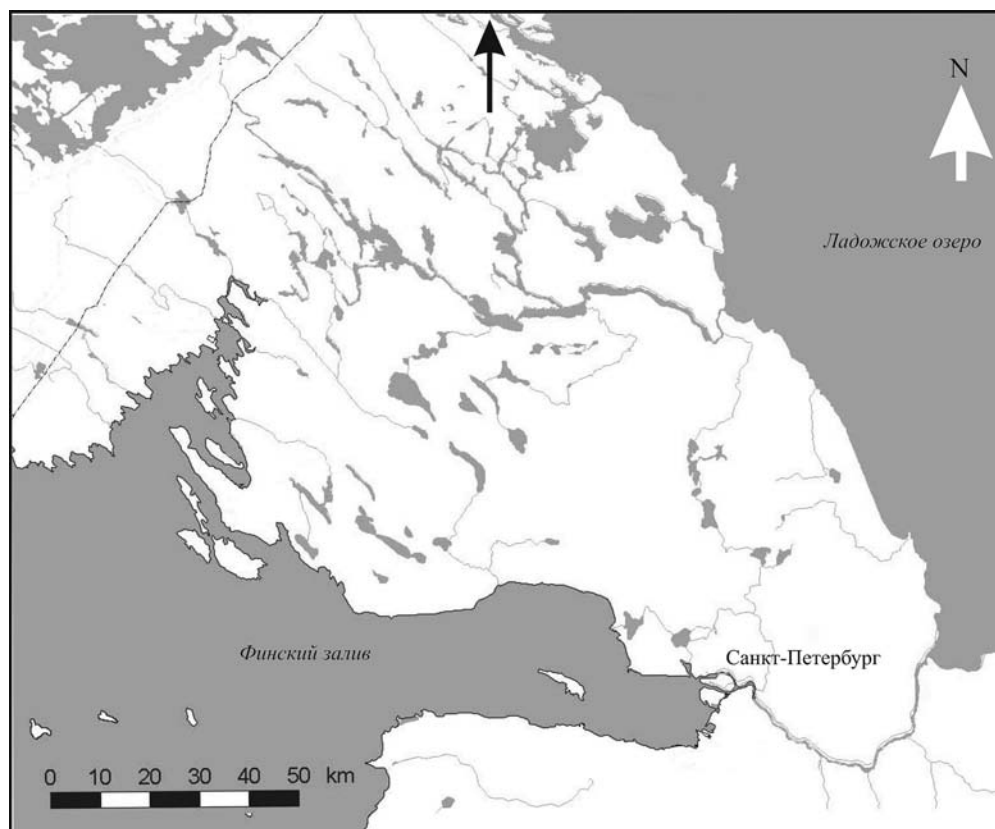

Рис. 1. Местоположение могильника Кюлялахти Калмистомяки

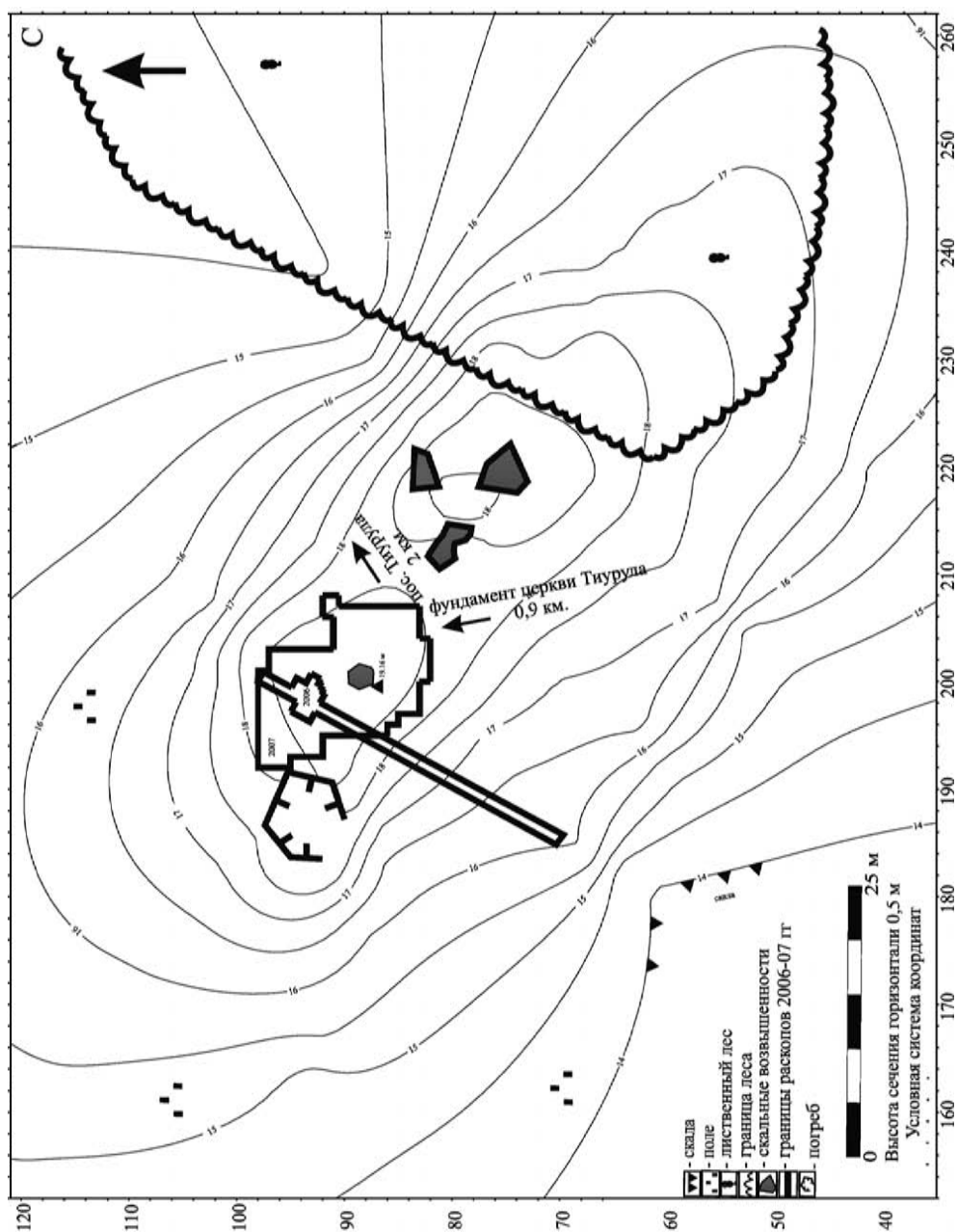
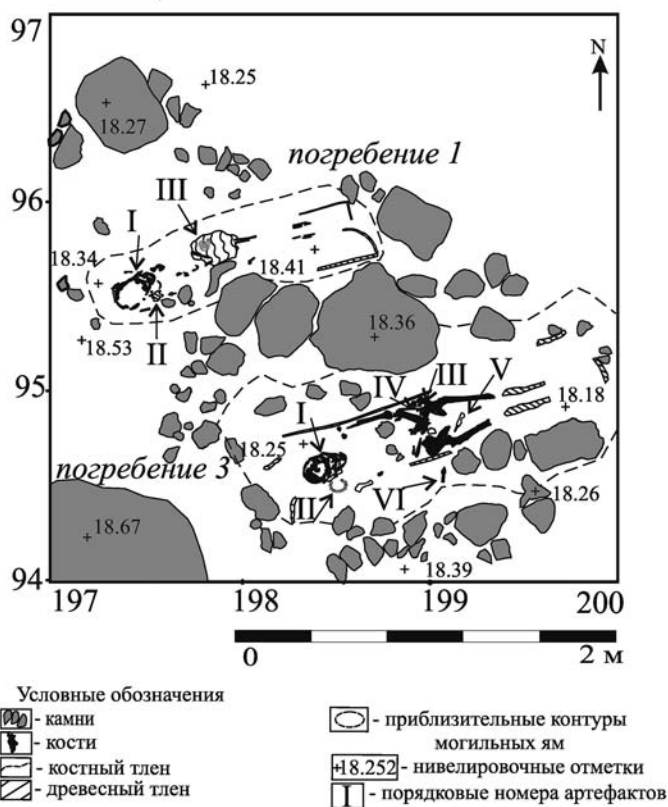

Рис. 2. Могильник
Кюляхти Калмыкомьяки.
Топографический план

Погребение 1:

I–II — фрагменты височных колец (бронза, серебро)

III — нагрудное украшение (подвеска (?)) (бронза, кожа)

Погребение 3:

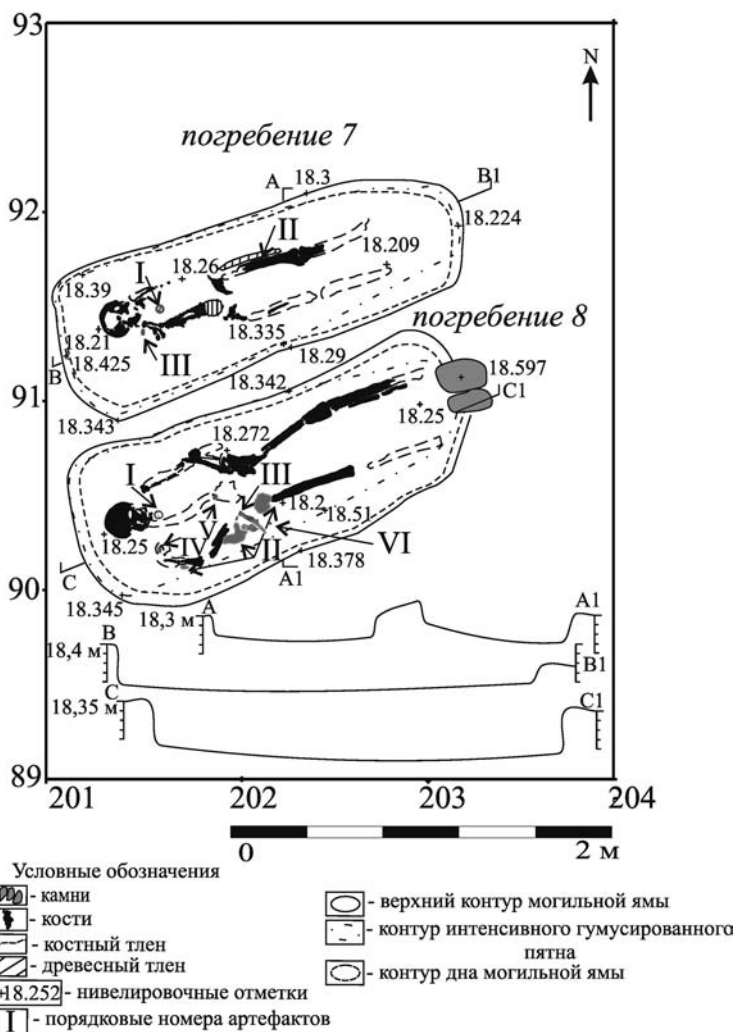
I–II — височные кольца (бронза, серебро, позолота)

III — перстень (серебро)

IV — бусина (серебро)

V–VI — ножи (железо, дерево)

Рис. 5. Могильник Кюлялахти Калмистомаяки.
Погребения 1, 3. План

Погребение 7:

I — фибула (серебро, позолота)

II — нож (железо)

III — спиральки (бронза)

Погребение 8:

I — фибула (серебро, позолота)

II — поясная гарнитура (железо, серебро)

III — нож и остатки ножен (железо, дерево)

IV—V — спиральки (бронза)

VI — заклепка (бронза)

Рис. 6. Могильник Кюлялахти Калмистомаяки.

Погребения 7, 8. План и профили

1

2

3

4

5

6

7

*1–2 — погребение 1 ; 3–4 — погребение 3; 5 — погребение 13; 6 — погребение 32,
7 — погребение 33*

Рис. 7. Могильник Кюлялахти Калмистояки.
Сопроводительный инвентарь погребений

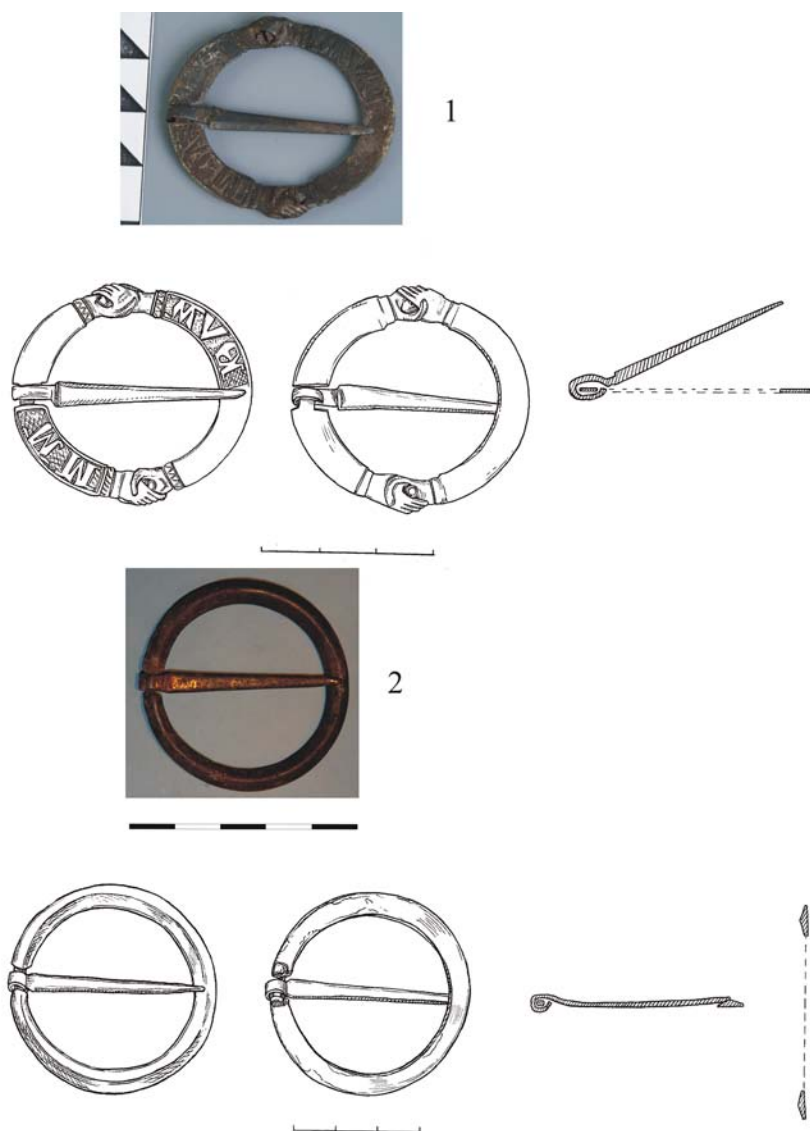

Рис. 8. Могильник Кюлялахти Калмистомьяки.
Кольцевидные фибулы (серебро, позолота)
1 — погребение 7; 2 — погребение 31

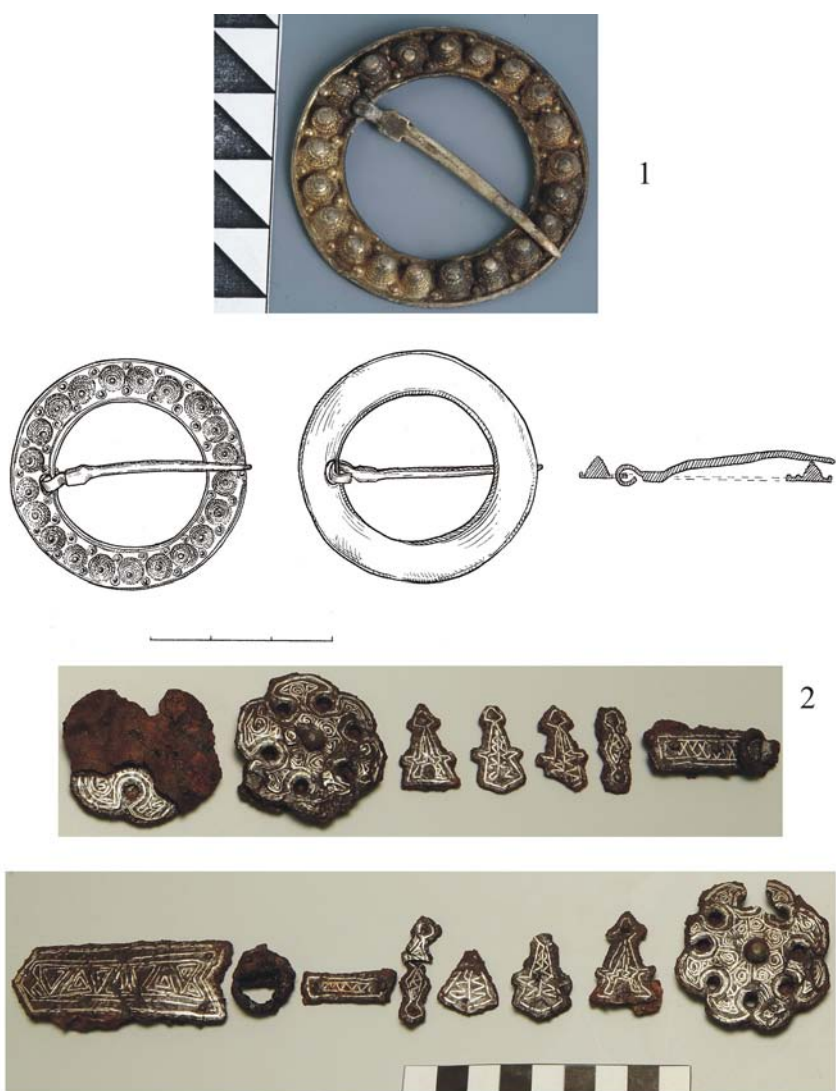
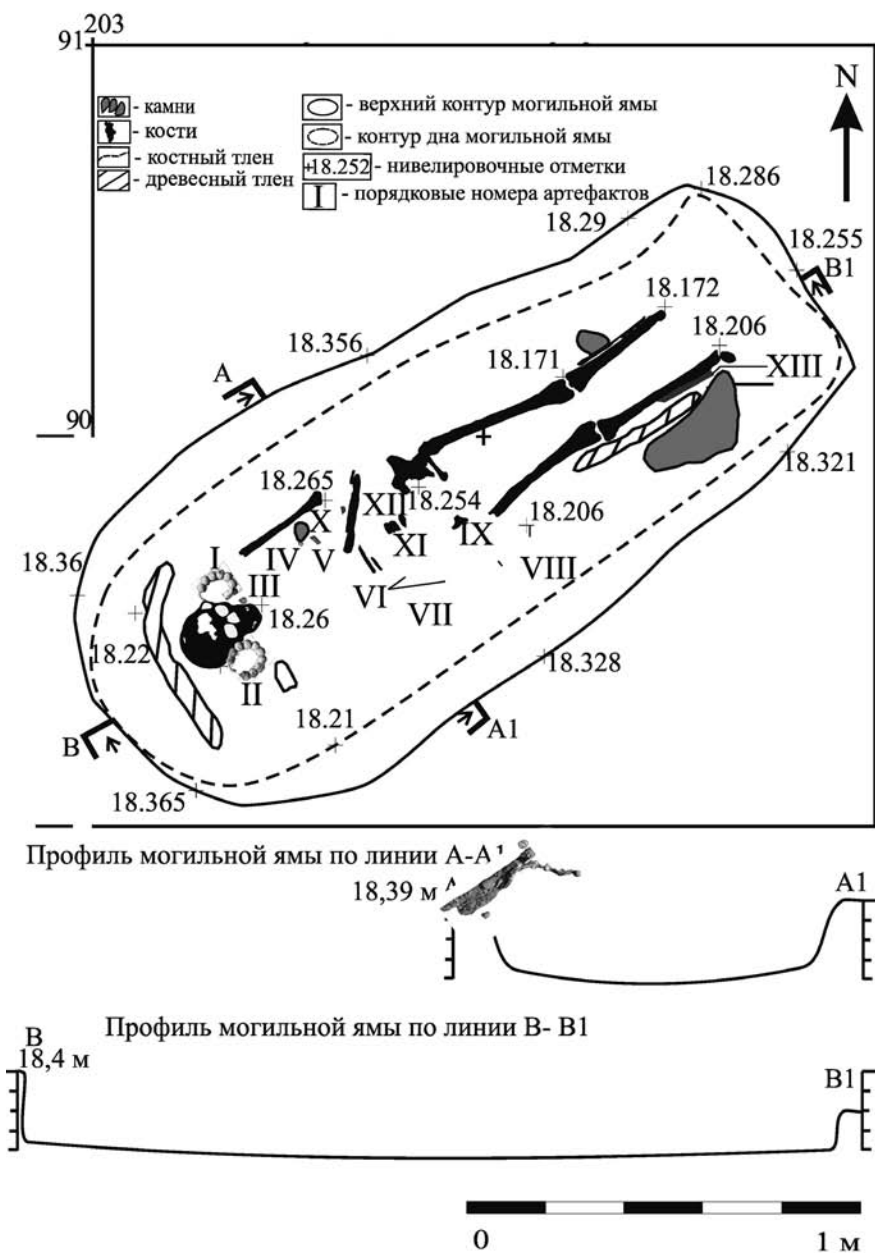

Рис. 9. Могильник Кюлялахти Калмистомяки.
Погребение 8. Сопроводительный инвентарь
1 — серебро, позолота; 2 — железо, серебро

I–II — височные кольца (бронза, серебро, позолота), III — подвеска (серебро, позолота), IV — пуговица (?) (серебро, позолота), V — перстень (серебро), VI — кожаный шнур, пропущенный внутрь спирали, разделенный бусинами, VII — навершие и оковка рукояти ножа (серебро), VIII — лезвие ножа и остатки ножен (железо, кожа), IX — бусина (?), X — кварцевый нуклеус, XI — фрагмент текстиля с пятном органики, XII — спиральки (бронза), XIII — фрагмент обуви (кожа)

Рис. 10. Могильник Кюлялахти Калмистомяки.
Погребение 13. План и профили

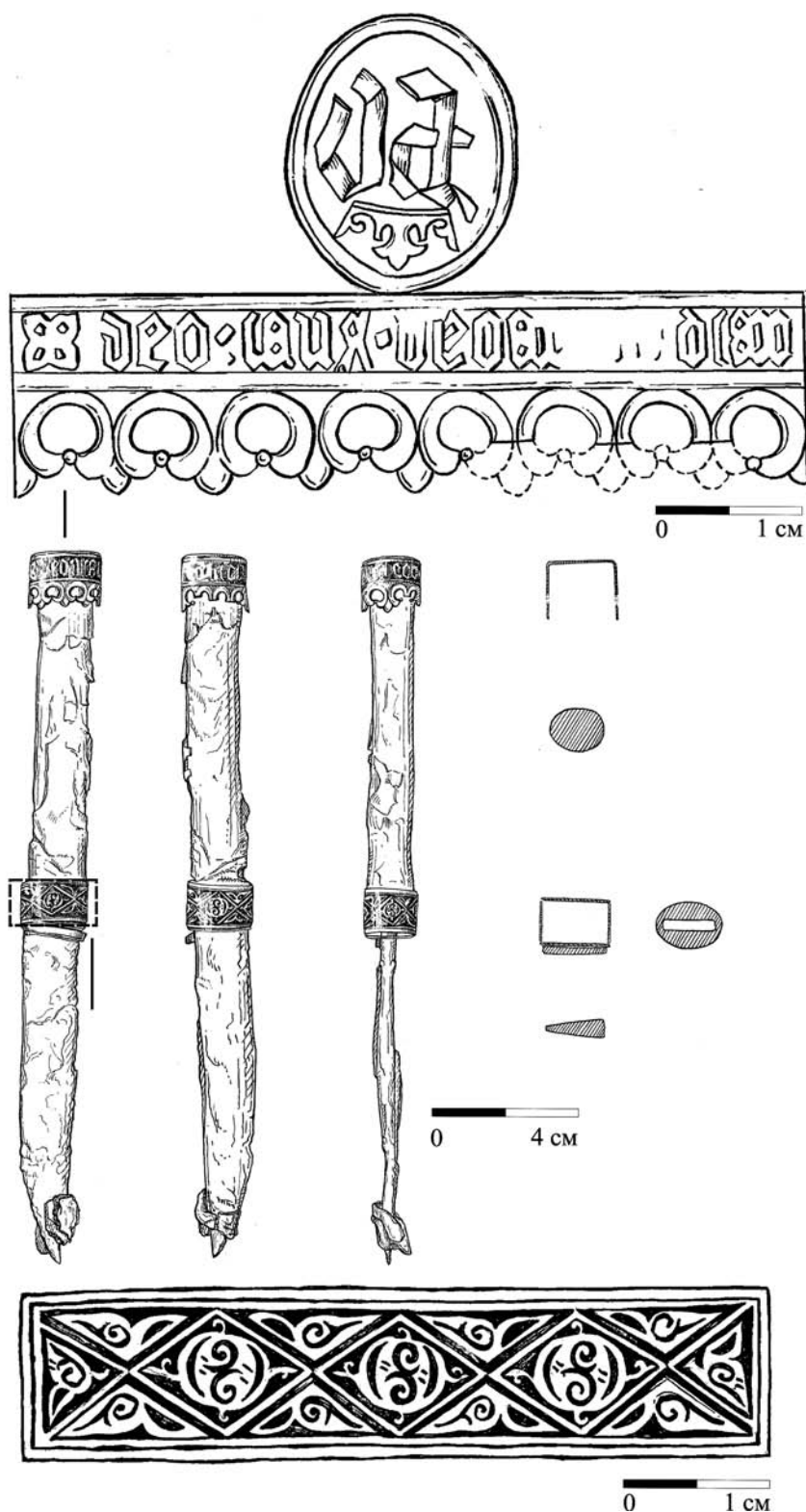
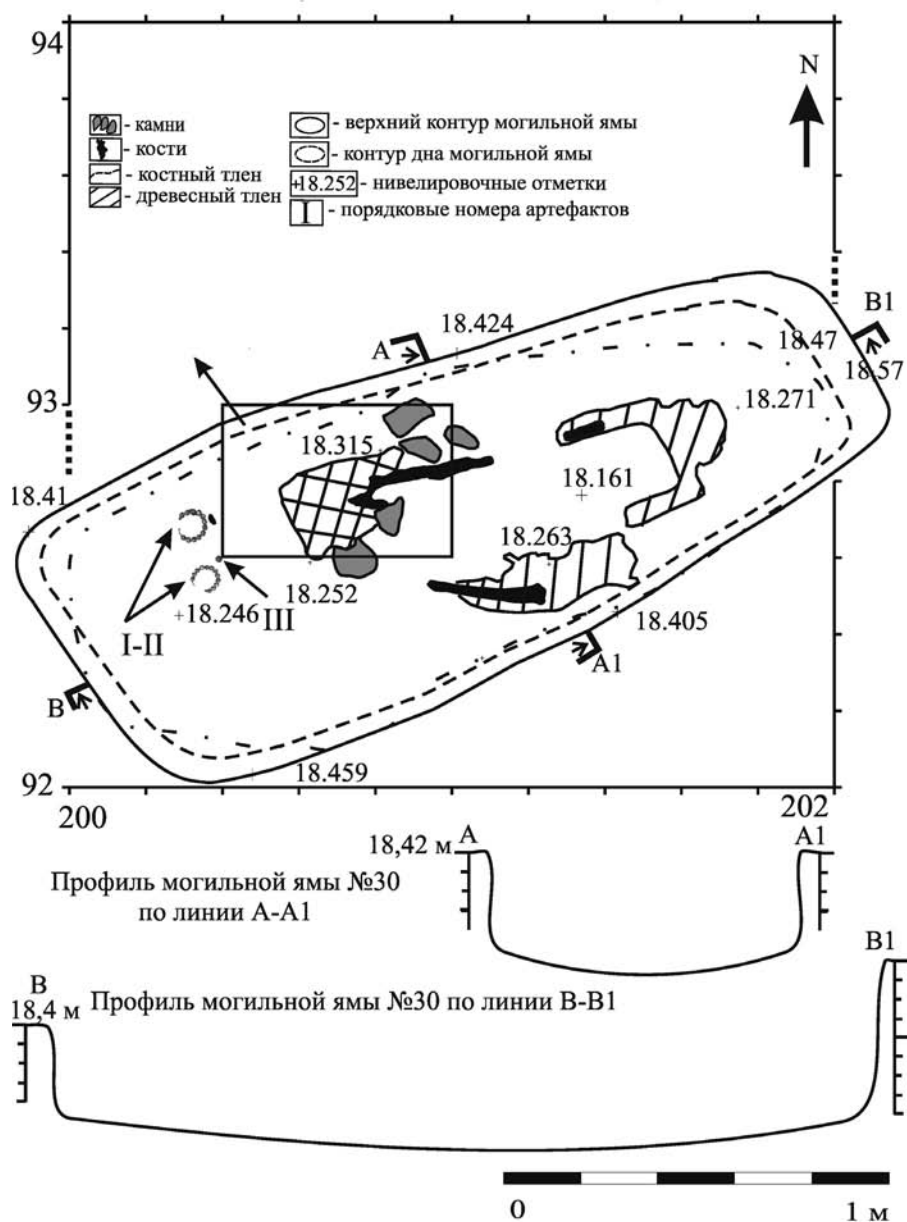

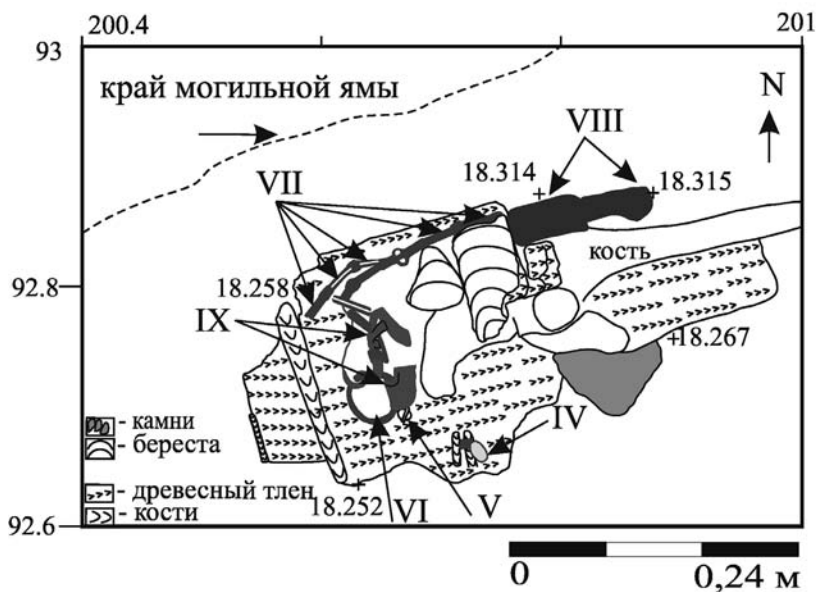
Рис. 11. Могильник Кюлялахти Калмистомяки.
Погребение 13. Нож (серебро, железо, дерево)

I-II — височные кольца (бронза, серебро, позолота)

III — пуговица (?) (серебро, позолота)

Рис. 12. Могильник Кюлялахти Калмистомьяки.
Погребение 30. План и профили

- IV — перстень (бронза, позолота)*
V — пуговица (серебро)
VI — поясное кольцо
VII — спиральки, бусины и Φ -образная пронизка (бронза)
VIII — игольник (железо)
IX — фрагмент пояса (кожа)

Рис. 13. Могильник Кюлялахти Калмистомяки.
 Погребение 30. Фрагмент скопления артефактов
 в районе таза и левой бедренной кости

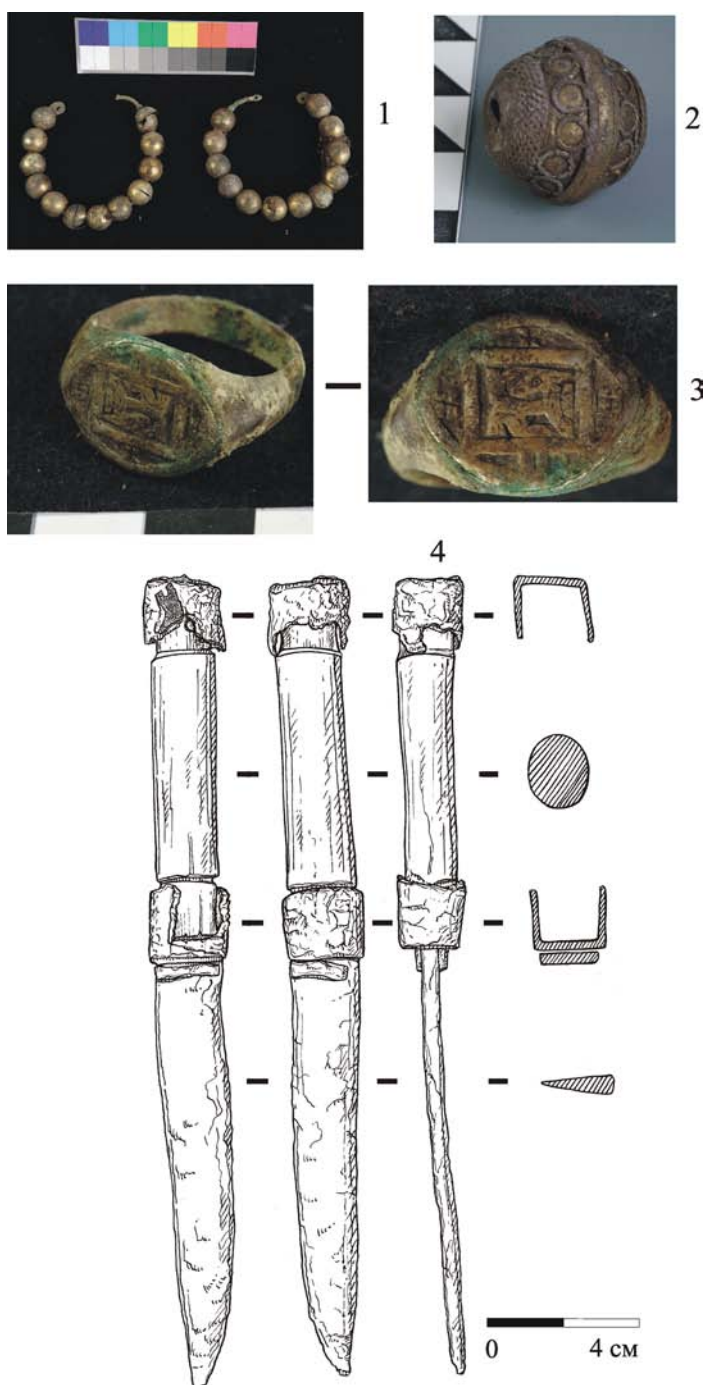

Рис. 14. Могильник Кюлялахти Калмистояки.
Погребение 30. Сопроводительный инвентарь
1 — бронза, серебро, позолота; 2 — серебро, позолота;
3 — бронза, позолота; 4 — железо, дерево

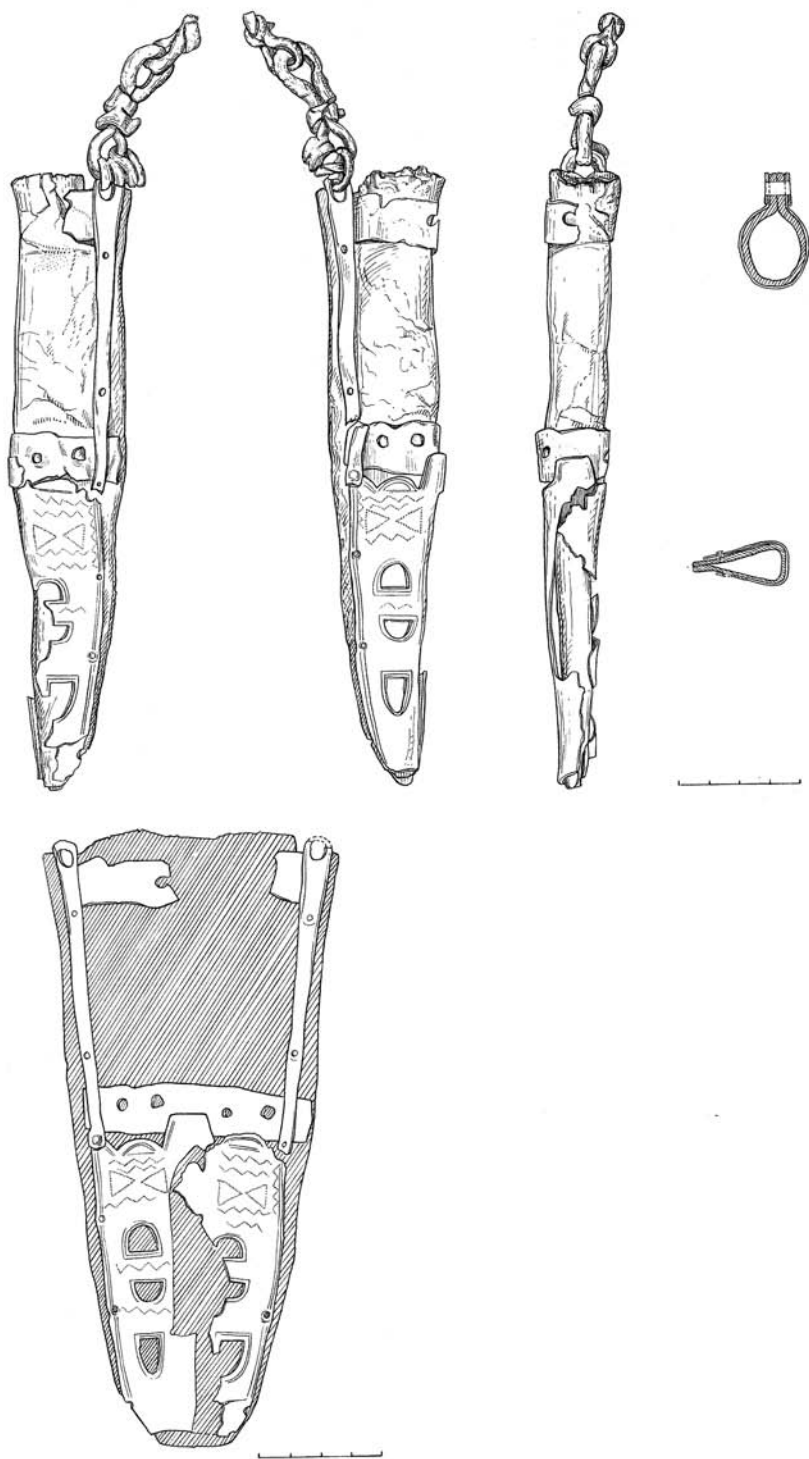
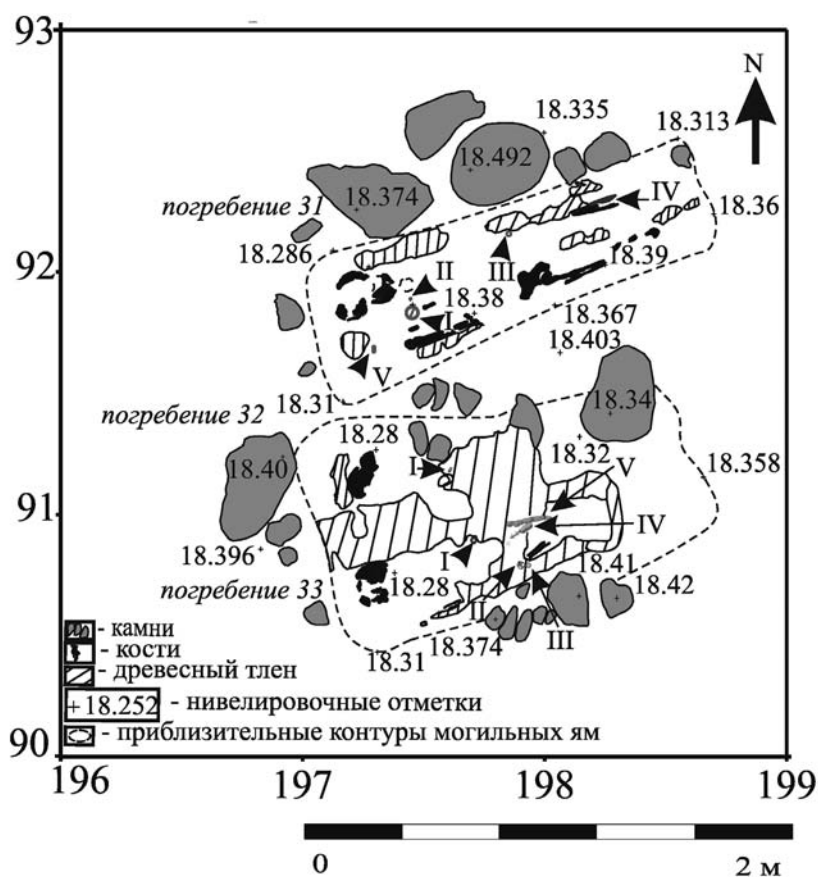

Рис. 15. Могильник Кюлялахти Калмистомяки.
Погребение 30. Ножны (бронза, железо, кожа)

Погребение 31:

I — фибула (серебро, позолота), II — пуговица (серебро), III — перстень (серебро), IV — нож с остатками ножен (железо, дерево), V — спиральки (бронза)

Погребение 32:

I — бусина-пуговица (?) (серебро, позолота)

Погребение 33:

I — перстень (бронза), II — разделитель пояса (бронза, позолота), III — пряслице (шифер), IV — игольник с пронизкой (железо, бронза), V — нож с остатками рукояти (железо, дерево)

Рис. 16. Могильник Кюлялахти Калмистомаяки.

Погребения 31, 32, 33. План

«НОВГОРОДСКИЕ» КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

Выразительные местночтимые православные святыни — древнерусские каменные кресты Северо-Запада России — неоднократно привлекали внимание исследователей-ставрографов в дореволюционной, советской и постсоветской России [Макарий, 1859; 1960; 1861; Малышевский, 1865; Спицин, 1903; Шляпкин, 1906; Воронин, 1940; Порфиридов, 1963; Седов, 1962; 1976; Кочкарева, 1974; Артемьев, 1988; Овсянников, Чукова, 1990; Овсянников, 1994; Панченко, 1996; 1997; 2002; Соленникова, 1995; 1996; Яшкина, 1998; Чистяков, 2002; Ярмолович, 2003; Буров, 2006]. Во многом интерес связан с тем, что проблематика каменных крестов стала частью обширной темы христианизации средневековой Руси. К сожалению, белокаменные монументальные кресты Новгородской земли — это одна из многочисленных групп памятников духовной культуры Средневековья, большинство из которых оказались ныне утраченными.

Данная публикация является попыткой ввести в научный оборот один из образцов древнерусской скульптуры, обнаруженный на территории Республики Карелии, в Западном Приладожье.

Средневековый могильник Кюлялахти Калмистомяки, находящийся в окрестностях поселка Хийтола Лахденпохского района Республики Карелия, исследовался в 2006–2008 гг. Карельской археологической экспедицией МАЭ РАН под руководством С.В. Бельского и В. Лааксо. Могильник занимает северо-западный склон каменистого холма на удалении в 0,2 км к западу от берега Ладожского озера. В ходе раскопок были обследованы более пятидесяти погребений, с выразительным сопутствующим инвентарем, относящимся к XIV — I пол. XV в. Памятник можно определить как кладбище при Кюлялашском погосте — центре административного округа в этот период. Одним из значимых открытий 2007 г. была находка фрагментированного каменного четырехконечного креста, высеченного из целого блока известняка, который можно, без сомнения, связать с комплексом некрополя.

Всего в границах раскопа 2006–2007 гг. были найдены 14 обломков от средокрестия и трех лопастей, относящихся к одному изделию. Нижняя и правая части креста отсутствуют. По габаритам фрагменты можно разделить на «крупные» — 6 экз. (max 25 × 30 см), «средние» — 5 экз. (max 20 × 11 см) и «мелкие» — 3 экз. (max 6 × 4 см). Площадь разброса фрагментов составляет 5,5 кв. м, но в основном они были найдены на участке в 4 кв. м в засыпке очень неглубоких могил (0–0,15 м от дерна).

В качестве сырья был использован легкий для обработки плитняковый камень известняк-ракушечник желтого цвета с большим количе-

ством на поверхности мелких каверн от выпавших включений. На всех шероховатых плоскостях креста наблюдаются следы от незначительного шлифования. Известняк по своей «мягкой» структуре более подходит для абразивной и резцовой техник обработки, чем, например, гранит или песчаник, из которых на Северо-Западе России делались четырехконечные кресты «простой» формы с минимумом или отсутствием декорирования.

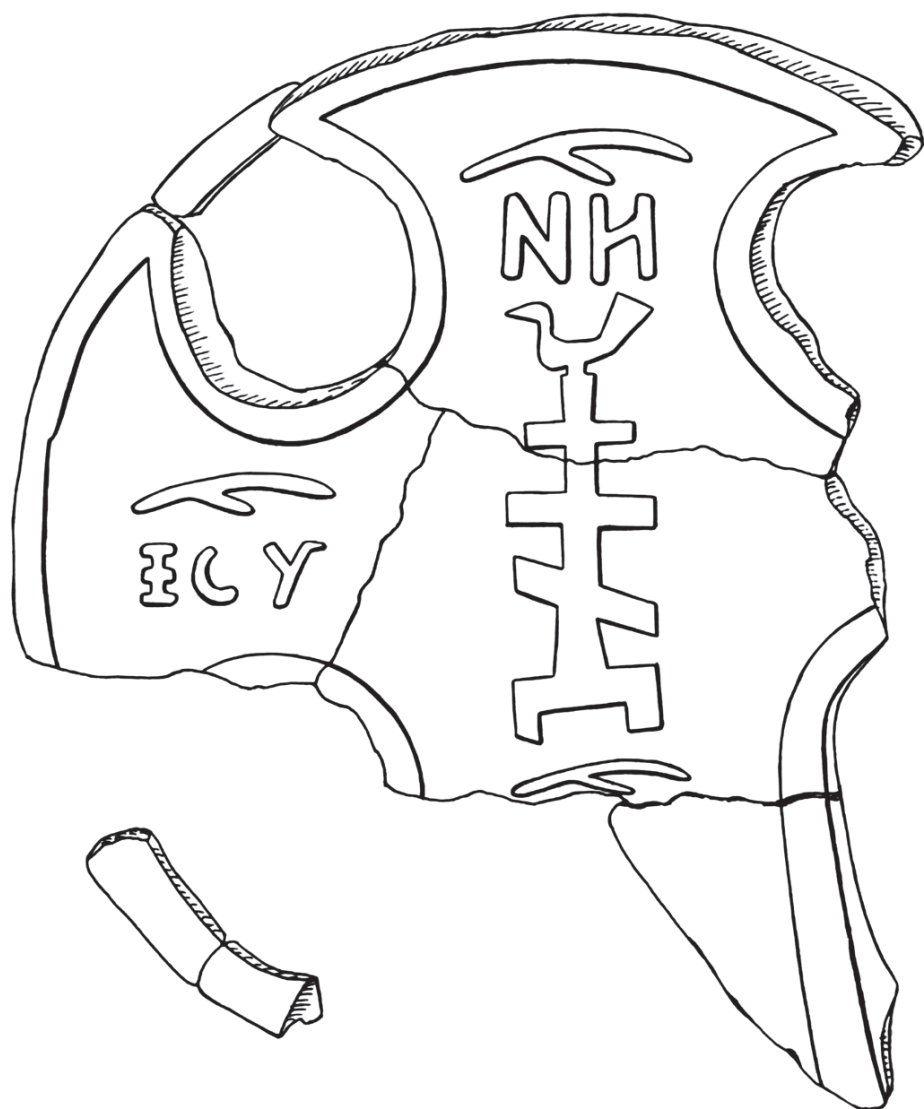
Памятник относится к типу «новгородских» жальничных крестов из плитняка, установленных на каменной плите со «специально для того высеченном гнезде» [Седов 1962: 342]. Это так называемый «крест в круге», т.е. объединяющий в одной фигуре два христианских символа — кругнимб и крест. Форма креста — «греческая», прослеживаемая с VI в.: примерно равновеликие лопасти с дугообразно выпуклыми торцами резко расширяются от средокрестия к оконечностям [Молодин 2005: 88]. Острые концы лопастей соединены дугообразными «шейками»-перемычками. Расширяющаяся нижняя часть креста выходит за окружность и, вероятно, заканчивалась выступом-шипом, служившим для соединения с постаментом.

Реконструированная высота креста 0,7 м, диаметр круга 0,7 м, наименьшая ширина горизонтальной лопасти 0,19 м, наименьшая ширина верхней лопасти 0,21 м, наибольшая ширина верхней лопасти 0,42 м. Толщина изделия уменьшается от краев к центру — от 7,5–6 до 4,5 см. Можно предположить, что этот параметр изделия в данном случае не был принципиальным. В большинстве известных случаев «новгородские» каменные кресты изготавливались из плит известняка стандартных пропорций: толщиной до 8–12 см, шириной до 80 см и высотой до 0,7–0,8 м.

По периметру края лицевой стороны проложен выпуклый рельефный ободок шириной 2–2,5 см, что наряду с расширяющимся основанием и утопленными «шейками»-перемычками, соединяющими лопасти, считается характерной чертой «новгородских» каменных крестов XIV–XV вв. [Шляпкин 1906, табл. XXI–XXII; Седов 1962: 313]. Обратная сторона креста, как чаще всего и бывает, оставлена гладкой и недекорированной.

Фрагментированность памятника не позволяет высчитать ряд относительных признаков, в частности различные пропорции, несомненно, важные для последующих обобщений [Пежемский 2005: 652].

Части круговых перемычек имеют следы от окрашивания в красноватый цвет. Использование при раскрашивании крестов различных оттенков красного цвета на общем желтом фоне соответствует православной традиции цветовой символики, применяемой от раннего средневековья до «позднего» времени: «Крест раскрашен в обычные неяркие тона русской деревянной резьбы: ободок красноватый, главный крест желтоватый, под ним Голгофа — темно-оливковая, углубленные поля — тускло-голубые, исключая среднего поля на обороте креста, которое тускло-багровое» [Каталог собрания древностей... 1908: 76].

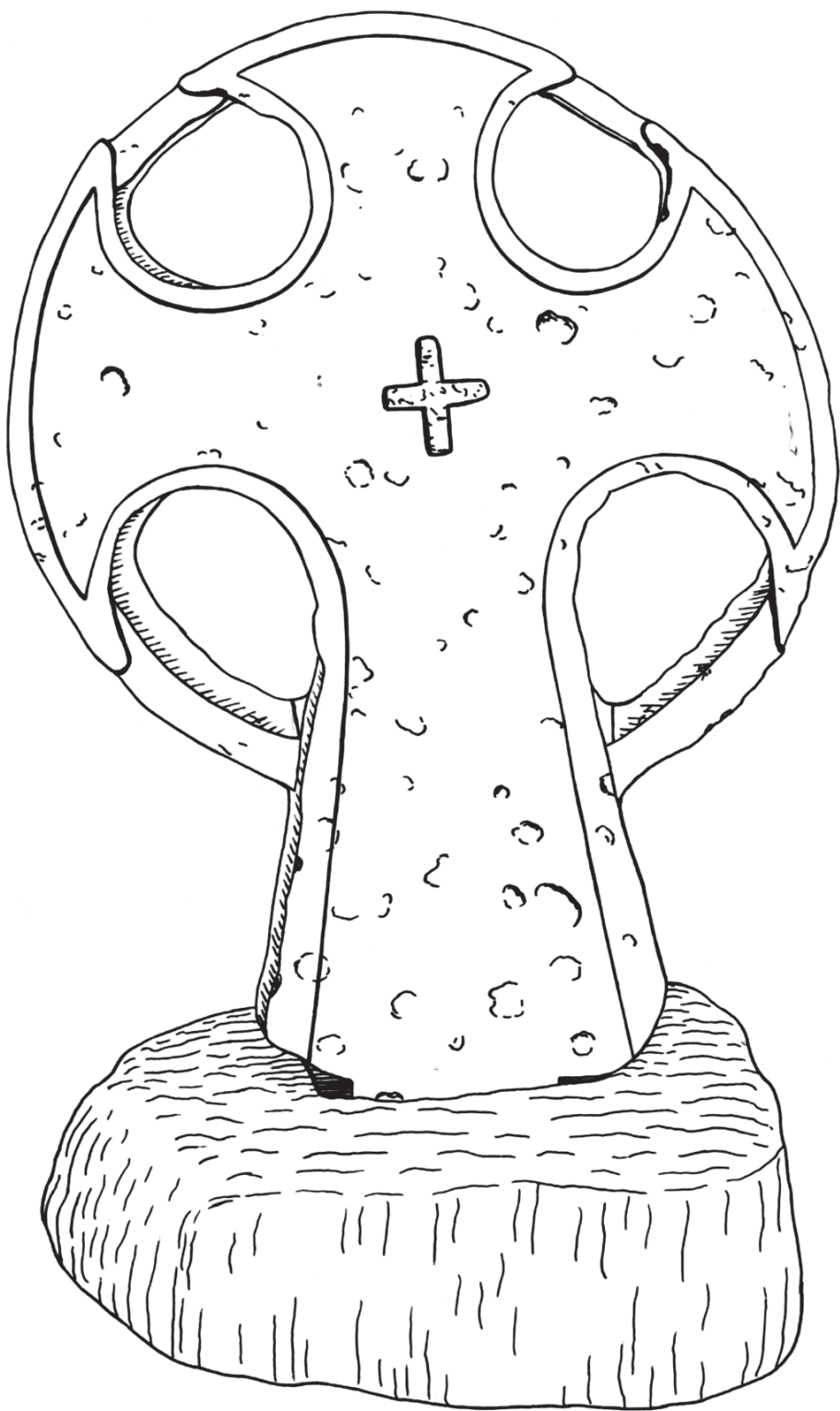
На кресте из Кюлялахти мы можем наблюдать организацию декора с выделением на лицевой плоскости орнаментальных зон на концах лопастей, симметрично уравновешенных относительно вертикальной оси средокрестия. В центральной части креста находится плоскорельефное изображение восьмиконечного Креста Господня с косой нижней перекладной, выступающее над общей плоскостью на 2 мм. Он расположен на Голгофе неусложненной формы — на одноступенчатом подножии. Распятие вырезано очень аккуратно, четко по центру изделия, с сохранением осевой симметрии. Ширина его средней и нижней, наклоненной слева направо перекладной одинакова с шириной Голгофы. На верхней части креста находится повернутое налево изображение «птички» (голубь), с хорошо различаемыми лапками, соприкасающимися с верхней частью креста, туловищем, головой, веерообразным хвостом. Выше ее, в оглавии креста, просматриваются слабовыпуклые буквы «НИ» под титлом, являющиеся началом слова НИКА, которое традиционно разделяется на два слога. Высота букв 4,5 см. Максимальные размеры вырезанного Распятия — $24 \times 10,5$ см, вместе с «птицей» — $28 \times 10,5$ см, На левой лопасти под титлом просматриваются буквы «ІСУ» (Иисус). «І» изображено в виде креста с тремя перекладными, что характерно для периода XII—XV вв. [Панченко 2002: 187]. Надписи-монограммы обычно размещались на лопастях креста «по кругу», по часовой стрелке. В нашем случае реконструкция большинства их невозможна из-за отсутствия трети плоскости памятника, но в основании, под подножием, находится титл. Можно предположить, что под средокрестием было расположено окончание монограммы НИКА — «КА». На правой лопасти была вырезана монограмма ХС. Ряд имеющихся изображений, вероятно, несут большую смысловую нагрузку, чем просто воспроизведение стандартных канонических символов. Например, крест на подножии/престоле — это формальный индикатор символа системы владычного управления, что хорошо наблюдается на материалах сфрагистики XIV—XV вв. [Янин 1970: 53; Сакса, Янин 1996: 188]. Голубь — редко встречающийся элемент декора каменных крестов, символ Святого Духа, по мнению Н.В. Покровского, возможно, указывает на старшинство архиерейских кафедр [Покровский 2001].

В северо-восточной бровке раскопа 2007 г., в 3,6 м к северо-востоку от находок фрагментов креста, был обнаружен вытянутый кусок песчаника размерами $1,1 \times 0,28 \times 0,17$ м с аккуратным отверстием в условном центре. Его можно определить как специальную подпятную плиту (постамент) для креста. Отверстие ($0,2 \times 0,09$ м) имеет подпрямоугольную форму и скругленные углы. Плита была использована при создании валунной обкладки одного из погребений. Таким образом, каменный крест из Кюлялахти был разборным и скорее всего из-за «неудобной» формы постамента для большей устойчивости должен был дополнительно вкапываться в землю. Не исключен вариант, что он закреплялся в расщелине скалы, незначительно доминирующей над площадкой могильника.

По косвенным признакам данная находка может датироваться временем существования могильника. Изображение восьмиконечного креста без дополнительных атрибутов — Орудий Страстей Христовых — «ранняя» черта, позволяющая определить время находки периодом до XV в. [Седов 1976: 106; Гнутова 1994: 68]. К сожалению, имеющиеся надписи не настолько характерные, чтобы их палеографию можно было надежно использовать для датировки объекта.

По характеру нахождения фрагментов креста и его постамента в контексте могильника можно утверждать, что он существовал и был разбит раньше создания некоторых погребений. Вероятно, крест был преднамеренно уничтожен во время одного из военных конфликтов политикорелигиозного противостояния между Швецией и Россией XIV—XV вв. Кюлалашский погост упоминается в документе, рассказывающем о разрушительном походе шведов в Западное Приладжье в 1395 г. «В лето 6904 <...> Того же лета пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша два погоста: Кюрьескийи и Кюлоласкийи, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с Корелою гнася по них, и язык изима и присла в Новъгород» [НПЛ 1950: 387].

В рамках статьи нужно упомянуть небольшой «новгородский» каменный крест с острова Кильпола (4 км к юго-востоку от могильника Кюлялахти), который был впервые опубликован Т. Швиндтом в 1893 г. [Schvindt 1893: 56]. В последствии его описывают в своих работах А.А. Спицин и И.А. Шляпкин [Спицин 1903: 226; Шляпкин 1906, таб. XXIII, рис. 358]. Сейчас он находится в Национальном музейном ведомстве Финляндии. Крест изготовлен из песчаника, имеет высоту 0,57 м и был укреплен на специальной каменной плите-постаменте. Его нашли в 1886 г. на холме недалеко от берега озера [Schvindt 1893: 105]. В центре средокрестия вырезан равносторонний четырехконечный крест без подножия. При тождественности формы и морфологии он отличается от креста из Кюлялахти своей лапидарностью — на нем отсутствуют вырезанные, традиционные для данного вида православных артефактов надписи и символы. А.А. Спицин считал, что «простота» креста из Кильпола связана с тем, что он был сделан, вероятно, «на месте» [Спицин 1903: 226]. Но крест идентичен другим многочисленным образцам «новгородских» гладких белокаменных крестов, скромных по декоративному оформлению [Шляпкин 1906, таб. XXI, XXII; Кочкарева 1974, рис. 2], и поэтому нельзя исключить, что он был изготовлен не в Западном Приладжье, а в камнерезных мастерских новгородской округи. Возможно, памятник несколько «моложе» находки из Кюлялахти, так как считается, что традиция изображения прямого креста в средокрестии появляется в XII в., но расцвет использования этого символа приходится только на XV в. [Лесман 1998: 172—173]. В дополнение к православным древностям этого участка побережья Ладоги можно назвать находку в 1922 г. в д. Кильпола Хийтола небольшого клада периода раннего средневековья, в составе

которого была серебряная подвеска-застежка с изображением «процветшего креста» [Кочкуркина 1981: 117].

Традиция возведения каменных крестов в Северной Европе известна с конца VIII в. [Яшкина 1998: 75]. А.А. Спицин и И.А. Шляпкин считают, что обычай сооружения северорусских каменных «крестов в круге» появляется в XIV–XV вв. Другие исследователи называют более раннее время — конец XIII — начало XIV в. [Порфиридов 1963: 195]. В XIV–XVI вв. кресты становятся распространенным видом памятников на сельских курганно-жальничных могильниках Новгородской земли [Яшкина 1998: 77, 80]. Причины, почему к XV в. столетняя «мода» на изготовление таких выразительных монументов исчезает, могут быть самыми различными: от исчезновения небольшого числа мастеров-крестечников в ходе многочисленных бедствий (эпидемий, голода, набегов) до введения запрета на использование данного символа в процессе государственной унификации различных сторон православной обрядности в Московской Руси.

Каменные четырехконечные «кресты в круге» Новгорода и Новгородской земли, высеченные из цельного блока светлого известняка, часто украшенные фигуративными изображениями и соответствующими каноническими надписями, отличаются по морфологии от «псковских» и «изборских» каменных изваяний «примитивной» четырехконечной формы, составлявших большинство намогильных сооружений на Северо-Западе России [Седов 1976: 103]. «Форма описанных крестов происходит, надо думать, от обычных византийских крестов в кругу, который может означать, ближе всего, нимб, а может, и терновый венец» [Спицин 1903: 214].

Единообразие надписей, стандартизация общей морфологии каменных «крестов в круге» свидетельствуют об их создании в одной мастерской или о существовании очень распространенной традиции их изготовления.

Большинство отечественных исследователей в своей работе придерживаются простой классификации, предложенной в начале XX в. ставрографами А.А. Спициным и И.А. Шляпкиным для «русских» каменных крестов Северо-Запада России: намогильные — «без круга и в кругу», памятные и поклонные — храмовые и придорожные [Спицин 1903: 206, 220; Шляпкин 1906]. Функция крестов со временем могла изменяться общиной, например намогильные кресты с целью вторичного использования часто переводились в группу поклонных при установке их в часовнях или церквях [Панченко 1996: 43]. Памятные кресты в качестве путевых знаков обычно устанавливались на речных путях [Воронин 1940: 309–315]. Могли они использоваться и как камни-«межники». Крест из Кюлялахти является намогильным памятником, что подтверждается нахождением его в контексте средневекового могильника. Возможно, он мог быть частью не отдельного погребения, а иметь общую атрибутивную нагрузку для всего сельского кладбища. Белокаменные кресты не-

традиционной формы, изготовленные из «неместного» материала, и через столетия после их установки имели высокий семиотический и символический статус священного предмета окружи, придавая ей более значимое положение в крае.

Христианские древности не ограничивались крестами, высеченными из камня. Их дополняли широко распространенные на всем Русском Севере аналоги из дерева, от которых до настоящего времени сохранились только их основания — валунные кучи [Шахнович 2005: 271–273].

Оба рассмотренных каменных креста представляют пример эстетических пристрастий периода становления Православия на территории Западного Приладожья. На сегодня, по нашим сведениям, это самый западный пункт находок «новгородских» каменных «крестов в круге». Каменные кресты подобного типа в Юго-Западном Приладожье пока не известны.

Библиография

Артемов А. В. К вопросу о хронологии надгробных каменных крестов малых городов Псковской земли XIV–XV вв. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М., 1988.

Буров В. А. Путешествие каменного «келейного креста» преподобного Савватия // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 5. Архангельск, 2006. С. 66–70.

Воронин Н. Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в. // СА. 1940. Вып. VI. С. 309–315.

Гнутова С. В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX вв. // Филевские чтения. Вып. V. М., 1994. С. 68–86.

Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. 8–9. М., 1908.

Кочкарева М. Н. Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 107–110.

Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы. Л., 1981.

Лесман Ю. М. Композиция декора ювелирных изделий Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 110–125.

Лесман Ю. М. К иконографии древнерусских металлических крестов-подвесок: общие пропорции креста // Церковная археология: Материалы 2 Всероссийской церковно-археологической конференции. Вып. 4. СПб., 1998. С. 171–173.

Макарий, архимандрит. О древних титлах на крестах // Известия Императорского Русского Археологического общества. Т. 1. Вып. 4. СПб., 1859. С. 209–211.

Макарий, архимандрит (Н. К. Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и окрестностях. С. I–II. М., 1860.

Макарий, архимандрит. Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение // Известия ИАО. Т. II. Ч. 2. СПб. 1861. С. 84–101.

Макарий, архимандрит (Н. К. Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и окрестностях. С. I–II. М., 1860.

Малышевский И.И. О придорожных крестах // Труды Киевской Духовной Академии. Т. 3. Киев. 1865. С. 1–106.

Молодин В.И. Европейские кресты-тельники // Ставрографический сборник. Кн. 3. М., 2005. С. 83–133.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.; Л., 1950.

Овсянников О.В., Чукова Т.А. Северные каменные и деревянные кресты XVIII–XIX вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. ТД НПК. Псков, 1990. С. 83–85.

Овсянников О.В. Каменные кресты Архангельского Поморья // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 171–182.

Панченко А.А. Почитание каменных крестов на Северо-Западе России // Живая старина. 1996. № 3. С. 40–43.

Панченко А.А., Селин А.А., Яшкина В.Б. Почитаемое место у д. Кашельково. Опыт междисциплинарного исследования местной святыми // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 365–374.

Панченко А.А. «Поставлен святой крест...»: о надписях на средневековых каменных крестах // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Святыняющие пути и организующие центры. СПб., 2002. С. 186–191.

Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии. М., 1892. Переиздание: М., 2001.

Порфиридов Н.Г. Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры (каменный крест из Боровичей) // Древнерусское искусство XV — начала XVI вв. М., 1963. С. 184–185.

Пежемский Д.В. Пути объективации ставрографических исследований. Ч. II // Ставрографический сборник. Кн. 3. М., 2005. С. 645–656.

Сакса А.И., Янин В.Л. Свинцовые печати из раскопок в Кореле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 187–194.

Седов В.В. Войносоловский крест // СА. 1962. № 3. С. 311–314.

Седов В.В. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М., 1976. С. 102–107.

Соленикова Е.В. О происхождении закладных крестов в новгородской архитектуре // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции. СПб., 1995. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. С. 103–105.

Соленикова Е.В. Закладные кресты в архитектуре Северо-Запада России. СПб., 1996.

Спицин А.А. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА. Т. 5. Вып. 1. 1903. С. 203–234.

Шахнович М.М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 260–277.

Шляпкин И.А. Древние русские кресты. Т. 1. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы // Записки отд. Русской и славянской археологии ИРАО. Т. VII. Вып. 2. СПб., 1906. С. 49–84.

Чистяков А.Ю. Намогильные кресты в Ингерманландии: традиции и современность // Геральдика: Материалы конференции «10 лет восстановления геральдической службы России». СПб., 2002. С. 131–140.

Яшкина В.Б. (Панченко) К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси // Староладожский сборник. СПб., 1998. С. 75–89.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970.

Ярмолович И.А. Каменный крест из д. Теребуни на р. Мшаге // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. В. Новгород, 2003. С. 323–329.

Чистяков А.Ю. Намогильные кресты в Ингерманландии: традиции и современность // Геральдика: Материалы конференции «10 лет восстановления геральдической службы России». СПб., 2002. С. 131–140.

Schvindt T. Tietoja Karjalan Rautakaudesta. Helsinki, 1893.

ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии и Императорского Русского археологического общества.

КАМЕННЫЕ ПЕСТЫ ИЗ СОБРАНИЯ МАЭ РАН

В собрании археологического фонда МАЭ РАН хранятся два каменных песта, происходящих с территории Монголии. Собраны они были профессором Позднеевым в начале 1920-х годов, конкретные места и обстоятельства их обнаружения не известны. Оба предмета, по-видимому, связаны между собой и интересны тем, что принадлежат к единому культурному феномену, имевшему место на обширных территориях Северной Евразии на завершающих этапах эпохи неолита и в палеометалле [Окладников 1970; Матющенко 1973; Славнин 1978; Кирюшин 2004; Есин 2006]. Отражением этого феномена являются находки каменных и глиняных пестов, в оформлении которых использовались зоо- и антропоморфные сюжеты, а также фаллические символы.

Первый пест из собрания МАЭ имеет оригинальную сложную форму (колл. № 3122/6). Он состоит из почти вертикального цилиндрического стержня и примыкающего к нему под углом в 45° основания-подошвы. Стержень округлый в поперечном сечении, слегка расширяющийся от верхушки к месту сочленения с подошвой, высота его 8 см, диаметр у верхушки 2 см, у основания 4 см. Подошва подпрямоугольная в плане, длина сторон 12 и 5,5–6,5 см, короткие стороны заметно скруглены, поперечное сечение ассиметричное — уплощенное снизу и выпуклое сверху, толщина основания 3,5 см. Нижняя плоскость подошвы имеет легкий наклон относительно условной горизонтальной плоскости. Пест обработан в технике пикетажа, выбоины четкие, особенно хорошо заметные на нерабочих поверхностях (рис. 1).

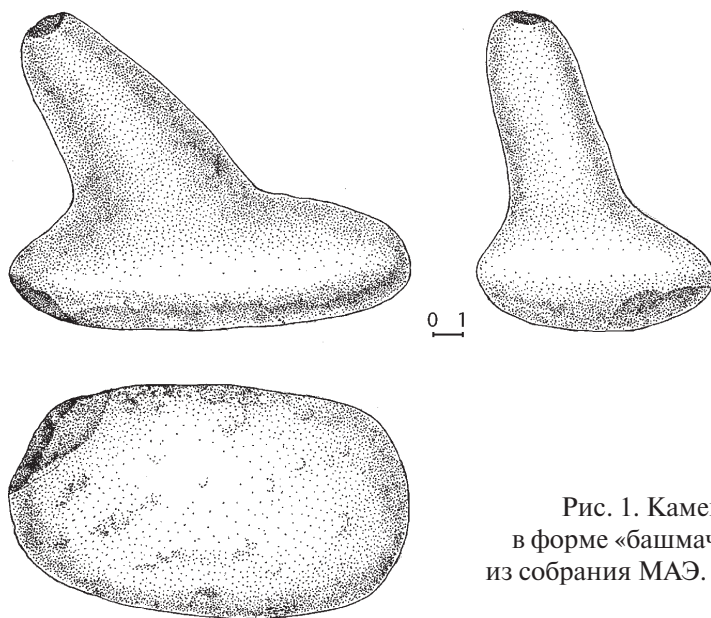

Рис. 1. Каменный пест
в форме «башмачной колодки»
из собрания МАЭ. Колл. № 3122/6.

Изучение песта с помощью трасологического метода показало, что вертикально расположенная деталь песта — стержень — служила рукоятью. Подтверждением этому являются заглаженность выступающих зерен породы, а также характерный жирный и тусклый блеск на поверхностях, который обычно появляется в результате длительного соприкосновения камня с кожей рук. Верхушка рукояти была заглажена менее интенсивно, а на самом ее кончике имела небольшая выкрошенность. Судя по характеру следов, кончик рукояти использовался в качестве ударного инструмента, но недолго или эпизодически.

Основной рабочей поверхностью песта являлась нижняя плоскость его основания. Вся она заглажена, зерна породы сnivelированы, по всей поверхности фиксировался блеск, на некоторых участках, чаще расположенных по краям, — «металлический». Хорошо заметны при исследовании были и царапины, оставшиеся от возвратно-поступательных движений песта по твердой поверхности. Царапины чаще всего были ориентированы вдоль длинной оси подошвы, но встречались также и царапины поперечные, очевидно, позиция инструмента во время работы менялась. На рабочей поверхности подошвы песта были также выявлены остатки вещества красновато-коричневатого («охристого») цвета. Под микроскопом они выглядели как плоские чешуйки, на которых были заметны те же линейные следы-царапины, что и на остальной рабочей поверхности. Размеры чешуек от 1 до 5–6 мм. В центральной части основания ближе к скошенному краю видны царапина и остатки деревянной щепки, происхождение которых непонятно. На торцах подошвы хорошо заметны выбоины, образовавшиеся в результате применения инструмента в качестве ударного. При этом наиболее выбитым выглядит «пяточный» торец, где участок с выкрошенностью сдвинут в сторону нижней плоскости основания, на «носочном» торце выбоины более мелкие, сглаженные, расположены по середине.

Верхняя — выпуклая — часть подошвы также имела сглаженность на выступающих зернышках породы, но менее интенсивную, иногда были заметны и следы трения в виде царапин возвратно-поступательного характера. На одном участке были зафиксированы остатки вещества характерного зеленого цвета, очень похожего на окислы меди (бронзы). Невооруженным глазом они видны не были, т.к. размеры их не превышали 1 мм. При изучении остатков вещества под увеличением в 56 раз стало видно, что они были перекрыты блеском, характерным для остальной поверхности. Это может свидетельствовать о том, что остатки вещества оказались на ней до того, как изделие прекратило функционировать.

По результатам осмотра можно предположить, что данный пест, использовался как многофункциональное орудие, связанное с обработкой металла. В этом случае нижняя плоскость подошвы служила для разглаживания, выпрямления, заглаживания поверхности металлических изделий или их заготовок, более изношенный торец — для выполнения ударных операций, а менее изношенный — для таких же ударных, но более тон-

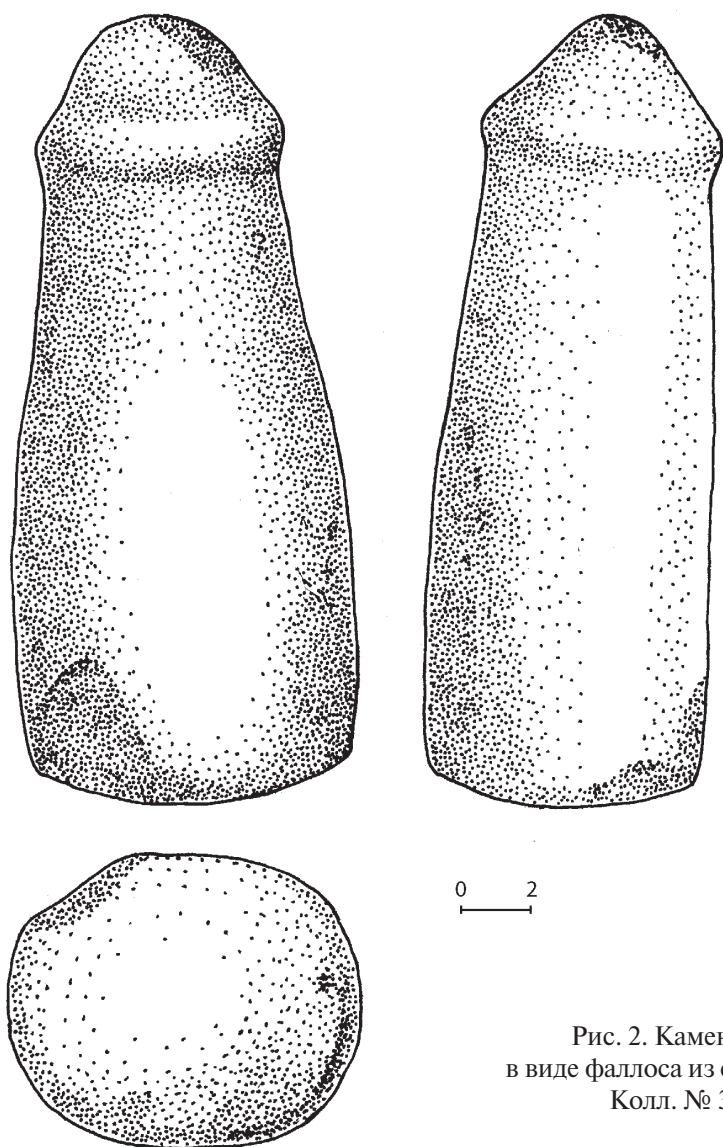

Рис. 2. Каменный пест
в виде фаллоса из собрания МАЭ.
Колл. № 3001/1.

ких работ, например для проковки лезвий. При моделировании удобных способов захвата инструмента рукой выяснилось, что скошенный край нижней плоскости песта располагался при работе дальше от запястья, возможно, на этот край приходилось большее усилие, в результате чего он и оказался более сработанным и скошенным.

Второй пест из коллекций МАЭ РАН имеет форму вертикального расширяющегося к основанию стержня (колл. № 3001/1). Изготовлен он из грубозернистой породы, обработан в технике пикетажа, выбоины мелкие, четкие, особенно хорошо заметны на нерабочей поверхности. Высота песта 18 см, верхняя часть оформлена в виде фаллоса, она круглая в поперечном сечении, диаметр ее 5,5 см, в нижней части стержень чуть уплощен, за счет чего его поперечное сечение здесь овальное, с длиной овала 7,5 см (рис. 2).

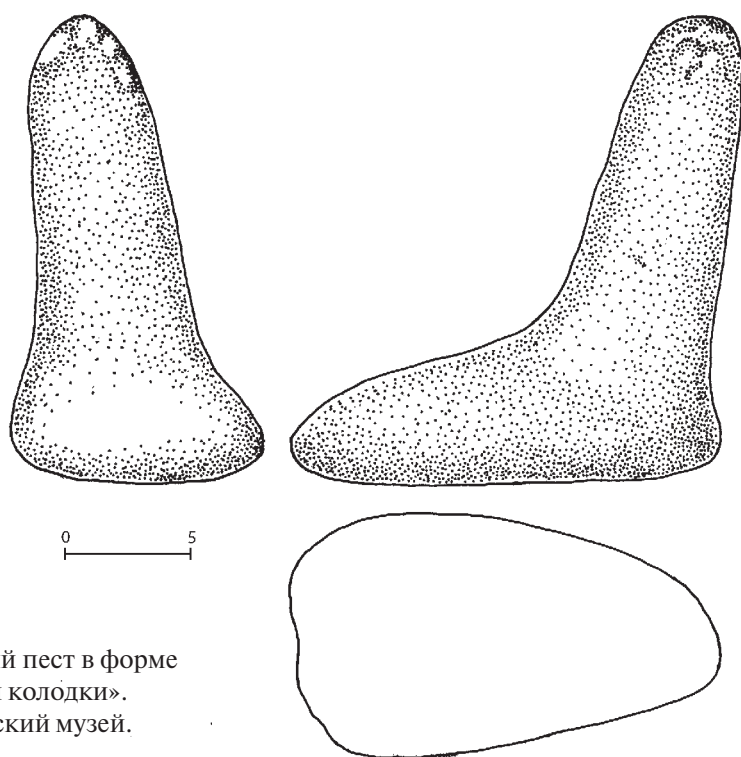

Рис. 3. Каменный пест в форме
«башмачной колодки».
Благовещенский музей.

Трасологические исследования показали, что рабочими поверхностями были основание и боковые грани песта. Основание слегка выпуклое, на нем зафиксированы следы ударного и разглаживающего действия; на отдельных зернах породы — яркий блеск, похожий на тот, что образуется при разглаживании или заточке металлических предметов. Уплощенные участки двух противоположных боковых сторон песта, видимо, использовались в качестве наковален. На них заметно, что мелкие выбоинки от пикетажа перекрыты более крупными, видны следы от заглаживания и тусклый блеск. Кроме того, нужно отметить, что под утолщением, расположенным в верхней части песта и моделирующем его фаллическую форму, по всему периметру фиксируются поперечные бороздки. Их можно толковать двояко. Это могли быть следы, оставшиеся от шлифования орудия при изготовлении, или же следы, появившиеся в ходе его эксплуатации.

Таким образом, по результатам проведенного осмотра и второй пест из собрания МАЭ может быть интерпретирован как многофункциональное орудие, предположительно связанное с обработкой металла. Основание стержня могло служить для разглаживания, выпрямления, заглаживания поверхности металлических изделий или их заготовок, а боковые грани — наковальнями, на которых могли выполняться мелкие ударные работы.

Ближайшие аналогии пестам из коллекции МАЭ были найдены нами в публикации А.П. Окладникова. Это песты с территории Амурской области, хранящиеся в собраниях Благовещенского и Хабаровского кра-

ведческих музеев [Окладников 1970]. Изделия эти типологически представлены двумя формами. Вот как описывает А.П. Окладников одну из них: «Все они (три песта из Благовещенского музея. — *Авт.*) одинаковы по форме и лишь слегка различаются по размерам. У них высокая округлая в поперечнике и слегка приостренная рукоять. Рабочая часть пестов расположена под прямым углом к рукояти и имеет вид широкой, плоской снизу и выпуклой сверху лопасти. Эти странные, коленчатые при взгляде на них сбоку изделия удивительно напоминают сапожные колодки <...> Аналогии им на соседних и более отдаленных территориях мне пока не известны» [Окладников 1970: 5]. Описание, данное А.П. Окладниковым, столь точно воспроизводит форму первого песта из собрания МАЭ РАН, что сомнений в их типологическом сходстве не остается никаких (рис. 3).

Недавно в поле зрения авторов попала еще одна группа находок, имеющая отношения к обсуждаемой в статье теме. Речь идет о трех каменных пестах из Кумары-грота, памятника, исследовавшегося в 1960-х годах новосибирскими археологами и расположенного также в Амурской области в среднем течении Амура. Изделия эти хранятся в фондах ИАЭ СО РАН в г. Новосибирске, все три обработаны техникой пикетажа, имеют одинаковую форму «башмачной колодки» и лишь слегка отличаются размерами. У первого песта рукоять короткая, цилиндрическая, верх оформлен в виде округлой ямки, высота его 9 см, диаметр 4 см, основание овальное плоское, длина его 12 см, в поперечном сечении односторонне выпуклое, толщина 3 см. Второй пест имел длинную рукоять (высота ее достигала 16 см) и относительно короткое плоское основание (длина его 11 см), рукоять цилиндрической формы, на конце заметно суживалась и была оформлена в виде неглубокой канавки (рис. 4). Третий пест имел примерно одинаковые размеры рукояти и основания, соответственно 13 и 12 см, рукоять плавно суживалась от места сочленения с подошвой к верху, конец ее был оформлен слабо различимой ямкой, основание ровное, плоское.

Как показал осмотр, основной рабочей поверхностью всех трех пестов из Кумары-грота была нижняя плоскость основания. На всех экземплярах она сильно заглажена, местами заполирована, зерна породы сточены, выбоины от пикетажа снивелированы. На одном предмете линейные следы в виде коротких бороздок, царапин направлены вдоль длинной оси основания. На двух других они имеют разное направление. Бороздки каждого направления образуют группы. Ближе к краям царапины более выражены, что, видимо, обусловлено усилением давления на инструмент на этих участках. По облику и направленности следов можно сделать вывод о том, что нижняя плоскость двигалась по ровной жесткой, твердой поверхности. Движения были не круговые, а прямолинейные возвратно-поступательные. В одном направлении инструмент двигался много раз, затем направление менялось. Определить более точно

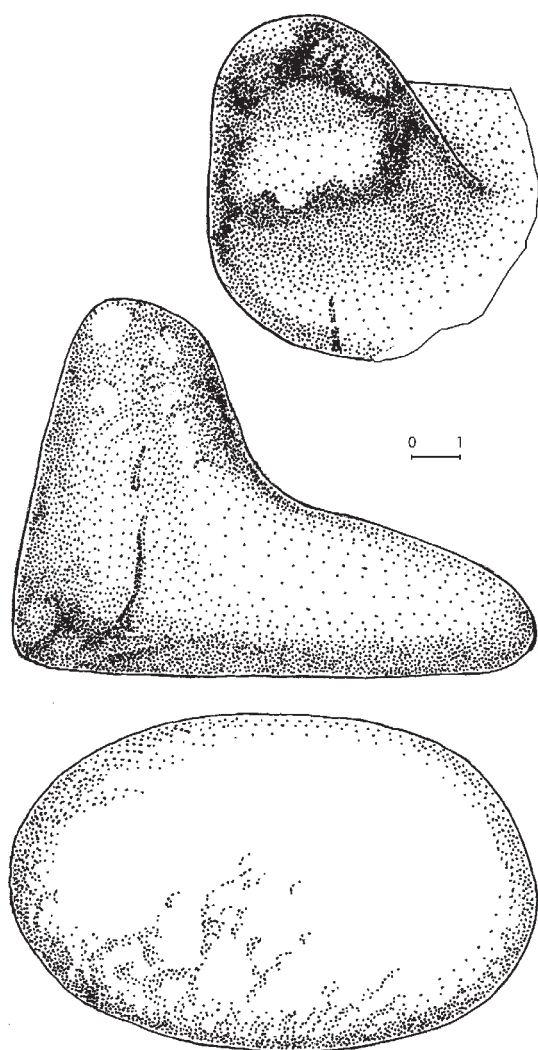

Рис. 4. Каменный пест в форме
«башмачной колодки»
из Кумары-грота.

обрабатываемый материал не удалось. На торцовых частях основания фиксируются немногочисленные мелкие выбоины от ударного воздействия, а на двух образцах — крупные характерные сколы. На верхней выпуклой части основания также видны отдельные выбоины, а кроме того заглаженные участки и отдельные группы поперечных или продольных линейных следов. У одного из пестов хорошо заметны поперечные круговые бороздки в месте перехода рукояти к основанию, они похожи на следы, образовавшиеся от трения ремешка.

Из представленного описания ясно, что изделия из Кумары-грота демонстрируют непосредственное сходство с пестами из коллекций МАЭ не только в морфологии, но и с точки зрения следов использования.

Вторая форма пестов, опубликованных в статье А.П. Окладникова, была представлена также тремя изделиями, одно из них — из собрания Благовещенского музея, два других хранятся в Хабаровском музее, все три происходят с территории Среднего Амура, точнее с долины Зеи

[Окладников 1970: 3]. Песты этого вида были изготовлены из камня в технике пикетажа и имели форму вертикального конического стержня, овального у основания, верхний конец которого был оформлен в виде скульптурной головы животного, по мнению А.П. Окладникова медведя (рис. 5). Орудия отличались друг от друга лишь размерами и некоторыми деталями скульптурного изображения на рукояти.

Совершенно очевидно, что конические песты, найденные на берегах Зеи, имеют форму, аналогичную форме второго песта из собрания МАЭ: это и общий абрис изделий, и некоторая уплощенность боковых граней, и скульптурное оформление рукояти, правда, изображения имели разные сюжеты. Дополняется сходство еще и общностью функционального использования этих орудий. По сообщениям А.П. Окладникова, один из зейских пестов имел залощенную от употребления трущую поверхность основания, у второго на боковых гранях были зафиксированы «направленные вверх короткие сколы фасетки», которые указывали на ударные воздействия. А.П. Окладников считал, что все три публикуемых им песта использовались не только для растирания, но и для дробления каких-то твердых материалов [Там же: 5].

Говоря в целом о пестах из собрания МАЭ и их амурских аналогиях, нельзя не отметить их высокую степень близости, это проявляется в столь многочисленных деталях и нюансах, что невольно напрашивается вывод об их принадлежности какой-то одной традиции. Это и набор форм, и общность функционального использования изделий (полифункциональность, следы растирания, разглаживания на рабочих поверхностях, следы ударного воздействия на торцах рабочих поверхностей и концах рукоятей), и скульптурное оформление рукоятей и др. Учитывая данные трасологического анализа монгольских пестов, а также остатки окислов бронзы или меди на одном из них, можно предположить, что эти инструменты могли составлять набор кузнеца. Если это так, то факт установления общности в наборе инструментов по обработке металла между населением Среднего Амура и Монголии представляется крайне важным и интересным. Это, по-видимому, свидетель-

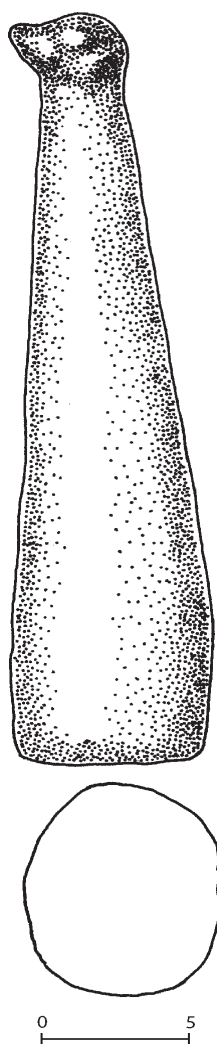

Рис. 5. Каменный пест со скульптурным изображением головы медведя. Благовещенский музей.

ствуется о наличии контактов или какой-либо иной формы связи между этими территориями.

Хотелось бы также отметить, что проводимые аналогии любопытны в связи с еще одним фактом. Дело в том, что песты описанных выше форм найдены только на Среднем Амуре, в других районах Дальнего Востока они не обнаружены. Очевидно, что данное обстоятельство нельзя назвать случайным и оно, по-видимому, не может не являться отражением каких-то особенностей культурных процессов в этом обширном регионе.

В связи с поиском аналогий пестам из Монголии и Среднего Амура имеет смысл также обратить внимание на каменные и глиняные Г-образные предметы, основной ареал которых лежит в лесостепной зоне от Урала на западе до Енисея на востоке. Предметы эти известны уже давно и им посвящена довольно обширная историография (см.: [Есин 2006]).

Для сопоставления их с «башмачно-колодковыми» пестами важно отметить, что они также имеют сложную форму, состоящую из вертикально ориентированного стержня и горизонтально ориентированного широкого основания. Кроме того, на нижней плоскости основания у них также фиксируются следы изношенности в виде продольных царапин и заполированности. Стратифицированные находки этих предметов связаны с самусьской и кротовской культурами. В связи с интерпретацией этих изделий в литературе обсуждаются два вопроса — их функциональное назначение и семантика. В первом случае предлагается несколько гипотез: об использовании их для разглаживания швов на кожаной одежде, для растирания зерен, в качестве наковальни для уплотнения стенок керамических сосудов или в горно-металлургических операциях. Во втором случае исследователи обращают внимание на оформление и декор Г-образных предметов, стержень которых, как правило, моделирует форму фаллоса, зоо- или антропоморфных персонажей. Следует также отметить, что исследователи отмечают наличие на Г-образных изделиях следов красной краски и сажи.

В связи с сибирскими находками Г-образных предметов песты Среднего Амура в литературе никогда не упоминались, поэтому в данной статье нам было важно показать обоснованность проводимых параллелей между пестами Дальнего Востока и Монголии, с одной стороны, и Г-образными предметами Сибири — с другой. Если наши рассуждения верны, то тогда следует признать, что последние и «башмачно-колодковые» песты Монголии и Среднего Амура представляют собой единый, но пока необъяснимый феномен, ареал которого оказывается гораздо более широким, чем это предполагалось ранее.

Библиография

Есин Ю.Н. Проблемы изучения Г-образных предметов Северной Азии // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археологического съезда (23—28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 291—294.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004.

Матющенко В.И. Некоторые новые материалы по самуськой культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 191–202.

Окладников А.П. К проблеме культурных контактов между племенами Дальнего Востока и Прибайкалья: каменные песты из долины Зеи // Записки Амурского областного музея краеведения. Благовещенск-на-Амуре, 1970. Т. 6. Вып. 2. С. 3–7.

Славнин В.Д. Некоторые аспекты развития ранних форм религии в лесном Приобье в эпоху металла // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 13–25.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Е.А. Окладникова, М.Б. Слободзян</i> Наскальные рисунки северных склонов Южно-Чуйского хребта (Горный Алтай)	9
<i>И.Б. Губанов</i> Скандинавская бронза из коллекции МАЭ РАН в контексте истории Древней Европы и межкультурных взаимодействий	86
<i>О.В. Яншина</i> Наскальные рисунки о. Итуруп (По материалам полевых исследований Ю.В. Кнорозова)	103
<i>С.В. Бельский, В.-А. Лааксо</i> Археологическое изучение могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (Погребальные комплексы центральной части могильника)	133
<i>Шахнович М.М., Бельский С.В.</i> «Новгородские» каменные кресты Западного Приладожья	176
<i>О.В. Яншина, Н.А. Алексащенко</i> Каменные песты из собрания МАЭ РАН	186

Научное издание

СВОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ КУНСТКАМЕРЫ

Выпуск 2

Эпоха бронзы — позднее средневековье

Редактор Т. Никифорова
Верстка Р. Морозовой

Подписано к печати 1.06.2009.
Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 18.
Заказ № 1150.

Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.
E-mail: main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.spb.ru

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199034. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24

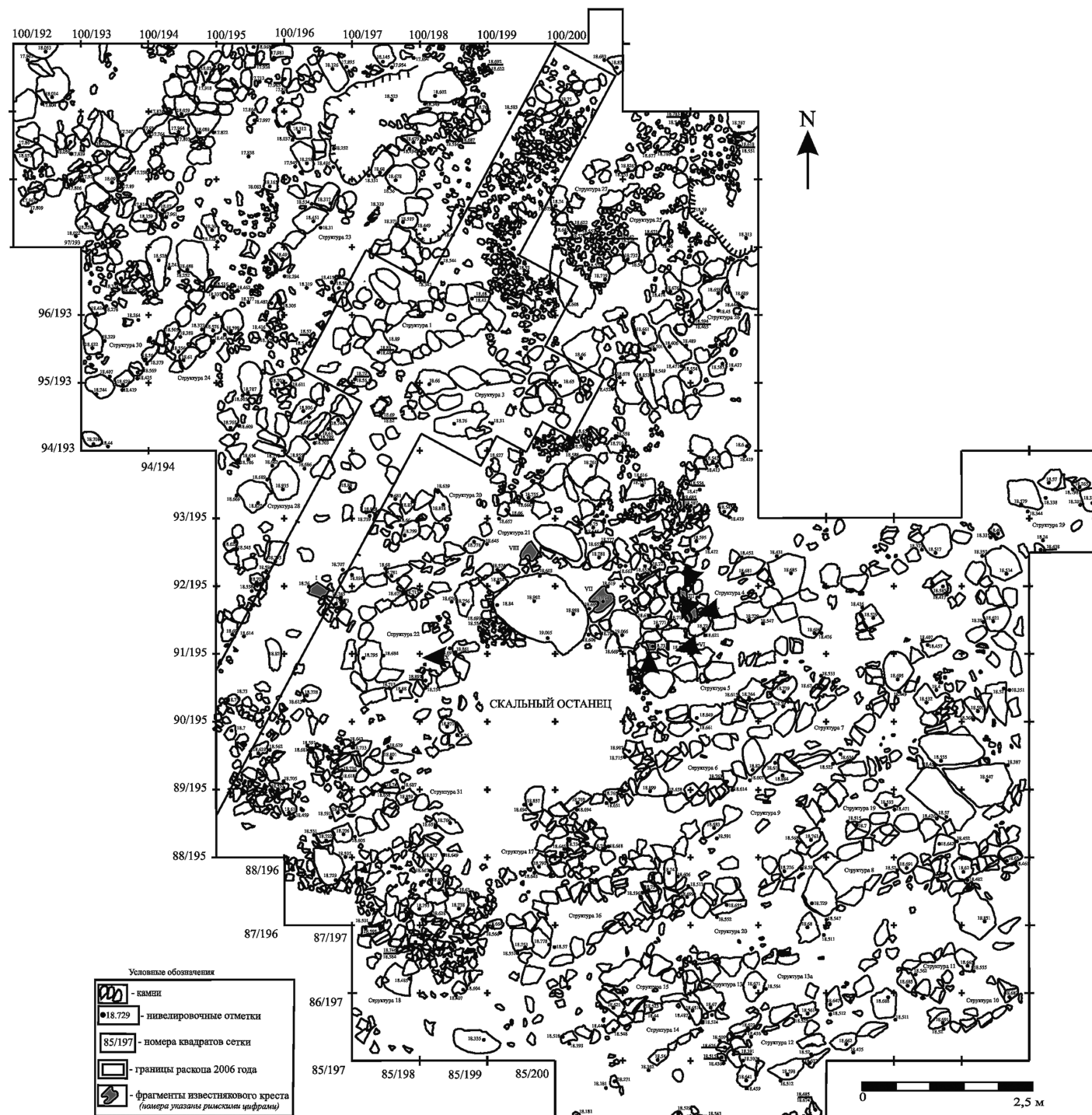

Рис. 3. Могильник
Кюлялахти Калмистомяки.
Сводный план надмогильных
сооружений